

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

1/ ЯНВАРЬ 2020

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А. И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. В. КАДЫРОВ

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В. И. ШАПОВАЛОВ

На первой обложке – **фотохудожник Александр Федоров.**
Он представляет в «ЛК» подвижников кыргызского искусства.

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

e-mail:alekivanov38@mail.ru

ПРОЗА

Владимир Лидский. Молчание. Любить. <i>Рассказы</i>	4
Артем Хегай. От него не убежать. <i>Рассказ</i>	15
Петр Черняк. Смычок. <i>Рассказы</i>	42
Раиса Толкачева. Соблазнить Адама. <i>Сага об ирландских танцах</i>	60
Жолдошбай Осмонов. Корова от королевы. <i>Рассказ</i>	78
Олег Бондаренко. Немного лагерного. Путешествие по морю. Несколько грустных минут из жизни экипажа похоронного самолета. <i>Рассказы</i>	94

ПОЭЗИЯ

Вера Калмыкова. Рождество слова. <i>Поэма</i>	121
Светлана Суслова. Зимний дождь. <i>Стихи</i>	133
Талант Джолдошбеков. Опять стихи	141
Татьяна Ушакова. Фиолетовый си-бемоль. Живая осыпь. Небесный мост. <i>Стихи</i>	145
Александр Морозов. Стихи разных лет	148

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Камышев. Ночь «тюльпановой революции»	157
Александр Крячун. Крах розовой мечты	166
Валерий Сандлер. По лезвию скользя...	185
Александр Зеличенко. Борщ для товарища Сталина. Улика. Тульский Токарева. Генисы. Барсова уха. <i>Детективные истории</i>	199

ЛИТ.КУЛЬТ. ПАНОРАМА

Петр Черняк. Забег в небеса писателя В. Александрова	212
Лайли Укубаева. Дария Буржубаева. Взгляд на современную кыргызскую литературу	218
Кратко об авторах	227

ПРОЗА

Владимир ЛИДСКИЙ

РАССКАЗЫ

МОЛЧАНИЕ

... и вот, откинув полог юрты, она вышла из полутемноты в солнце, в яркое прозрачное утро, свежую прохладу гор и вся светилась на фоне этих гор, плывущих вдалеке в черемуховой дымке; звенел ручей, в котором плескались золотые рыбки, и дрожала под сквозняком, бегущим из ущелья, кривая арча, увешанная ритуальными ленточками; птицы щебетали в ее ветвях, и этот ребенок, словно проявившийся на старой фотобумаге, возник в мире вдруг, неожиданно, внезапно, и я поразился взрыву света – пейзаж вспыхнул, заиграл красками, набух электричеством и... преобразился; я шепнул: Чолпон! – ата! – крикнула она и бросилась ко мне... она бежала, волосы ее бились на ветру, и длинная рубашонка надувалась парусом, она бежала раскинув руки, бежала, подставив лицо солнцу, бежала изо всех сил, и ковыль с типчаком хлестали по ее лодыжкам! я присел – с размаху упала она в мои объятия, уткнувшись лицом в футболку, и засопела довольно, как кошка, угревшаяся на груди хозяина... запах ее кружил мне голову – она пахла юртой, в которой сушились пучки луговых трав, кобыльим молоком и солнцем, запутавшимся в волосах... ну, умыться! – сказал я, и она побежала к умывальнику, висевшему поодаль на деревянном столбике; брызги, словно брильянтовые сколы, сыпались в стороны, дробясь и сверкая, алюминиевый садовый умывальник звенел, как ксилофон, и с неба падали разноцветные радуги! она была похожа на мать, как сестра-близнец бывает похожа на сестру, и лишь возраст различал их: большая Чолпон была высокой, статной, плав-

ной, маленькая Чолпон – миниатюрной, худенькой, угловатой, но лица их были так схожи, что я думал: жена избежала небытия, родившись заново, и я снова счастлив, потому что люблю; умывшись и обтеревшись, она подбежала ко мне, что-то щечбеча; я остановился не в силах оторваться от ее лица: большие, миндалевидные, цвета ореховой скорлупы глаза посверкивали хитрыми огоньками, бровки потешно двигались, и полные губы алели в сумерках смуглой кожи; она улыбалась мне; я взял ее за руку и повел завтракать; возле юрты стоял казан – старая Айнагуль, бабушка одного из погонщиков, жарила в нем боорсоки, ловко помешивая в кипящем масле золотые прямоугольнички теста, уютно урчал самовар, попыхи-вая кислым дымком, и на дастархане стояли плошки с вареньем, сахаром и сушеным урюком; пастухи уже закончили чай и занимались делами; две молодухи доили кобылиц поодаль, парень чинил на камнях сбрую, и лохматые алабаи под дальней горой с веселым лаем сгоняли отбившихся овец; я усадил малышку, налил чаю, принес свежих, обжигающих пальцы боорсоков – блаженно зажмурившись, она отхлебнула из пиалы... я смотрел, она завтракала, и тут меня захлестнуло: тысячи раз я наблюдал такой чай, тысячи раз поднимала рука жены пиалу с дымным питьем, но я не придавал жесту значения, не видя сакрального смысла в бытовой процедуре, смысл этот явился лишь после ее смерти, и вообще все, связанное с нею и памятью о ней, наполнилось новым содержанием после ее ухода; ушла она нелепо и рано, оставив прощальный привет миру – маленькую Чолпон, и этот уход подкосил меня, отобрав жизнь и судьбу; вижу огромное поле и всадников, подходящих к черте, – то было наше начало, айыльный праздник, собравший гостей из соседних айылов; она была из самого дальнего, стоявшего под хребтом, уходящим в Китай, – и вот – гости съехались, а мы уже поставили гостевые юрты, и пока мясо варилось в котлах, всадники подходили к черте, чтобы начать джорго салыш; вообще в тот день было устроено много состязаний, но самым захватывающим была скачка за девушкой – кыз куумай, и я в ней участвовал; давным-давно эта игра была свадебной, и в ней соревновались жених с невестой, но советское время лишило ее значения ритуала, превратив в обычное (необычное!) веселое состязание; вот снова, как будто вчера: моя Чолпон, еще незнакомая, неизвестная, загадочная, в яркой национальной одежде, звенящая царским серебром, из которого айыльные юве-

лиры делали музыкальные ожерелья, браслеты и массивные серьги, выходит верхом на гнедой кобыле и становится у края долины – ей нужно взглянуть на меня, оглянувшись, и она смотрит – весело, с озорством, чуть прищурившись... аксакал-судья дает знак, и она, рассыпав дробный смехок, мчится вперед – как вихрь, как ветер с горных вершин, а я стою за чертой и жду команды судьи – конь подо мной дрожит, предчувствуя скачку, мотает кудлатой головой, и серебряная упряжь его сверкает на солнце! конь томится, переступает, бьет копытом, и лиловый глаз его, выворачиваясь, пытается проследить путь ушедшей вперед кобылы, – но вот наконец сигнал! конь срывается с места... мы мчимся, а впереди мчится Чолпон – в азарте скачки, в воплях, криках и гиканьях, в кипении взбунтовавшейся крови! я понуждаю коня, он ускоряет бег... фигура Чолпон все ближе, и вот уже комья земли из-под кобыльих копыт летят совсем рядом... я делаю усилие, конь делает усилие... ветер свистит в ушах – глянув назад, Чолпон снова рассыпает дробный смехок, но чуть сдерживает кобылу и дает мне возможность догнать ее, мгновение мы летим рядом, и я успеваю обнять ее на скаку, но поцелуй мой неловок и неуклюж, она снова смеется, и тут мы подходим к финишной линии – рывок, и скачка завершена! это наша первая встреча, а потом – мои родители собрали подарки и съездили в дальний айыл под хребтом, уходящим в Китай, спустя месяц съездили еще раз – отвезли калым, апа вдела моей дорогой Чолпон серебряные сережки в уши, и все кончилось, разумеется, веселой свадьбой, которая гремела в дальнем айыле с утра до вечера; апа полюбила келинку всем сердцем – Чолпон была тихой, покладистой, ласковой; прошло три дня, мы вернулись домой, и апа накинула на ее голову белый платок – с той минуты она вошла в семью и все родственники с восхищением говорили мне: где ж ты нашел такую, Тимур? это ж царевна! да и киргизка ли она? в самом деле, Чолпон не была черноволосой, а глаза ее хоть и восточные, отсвечивали все же какими-то иными далями – большие, миндалевидные, цвета ореховой скорлупы – такие глаза, говорили старейшины, были у енисейских киргизов, и вообще она казалась нездешней – высокая, статная, плавная, и выделялась на общем фоне, как яблоня во степи, как белая кобылица среди вороных, как солнце чужой планеты над нами... я любил ее больше жизни, но – недолго, потому что она ушла, не успев попрощаться... нет – прощалась, но это было похоже на проявление любви и не

похоже на прощание: в августе я стриг овец во дворе, она вышла из дома и встала на крыльце, наблюдая за мной, — я работал, она смотрела, облокотившись голой рукой о столбик крыльца, и молчала, но тоска была в ее взгляде, желание покоя и мысль о другой, неизвестной и, может быть, неземной жизни... так и вышло! вечером дали штормовое предупреждение, а утром у нее заболел живот, начались странные женские дела; я завел ветхий «Москвич» и повез ее в фельдшерский пункт — фельдшер развел руками и посоветовал ехать в район, да быстрее — я поехал; тут разразился дождь, и в горах загрохотал гром, который я расценил как плохой знак; до районной больницы было не менее сорока километров, но капризный «Москвич» встал на половине дороги, отказываясь ехать; Чолпон кричала от боли, а я ничего не мог сделать! она лежала на заднем сиденье, и дерматин под ней был мокрым и скользким... я впал в бред и все делал на автомате... кто-то подвез нас... что делали врачи — не знаю, но живой свою жену я больше не видел; когда вынесли малышку, она закричала, и я закричал вместе с ней — я выл и матерился по-русски, а люди смотрели на меня и плакали... так же выли женщины в юрте, которую мы поставили возле дома, — весь айыл пришел на поминки, приехали люди из соседних айылов и многочисленная родня из самого дальнего айыла, стоявшего под хребтом, уходящим в Китай, — до вечера из юрты неслись кошки, а мужчины плакали перед юртой; солнце встало над горизонтом, готовясь зайти за его край, и мы понесли мою дорогую возлюбленную на холм, где уже полтора века стояли гумбезы предков; неделю я не пил и не ел и только лежал сутками, уткнувшись лицом в подушку, но не спал, находясь в состоянии полубреда, — видел какие-то фантастические фейерверки и звезды, взрывающиеся в темноте сознания, — маленькую Чолпонку выхаживала апа, а я о малышке даже не помнил — на семь дней меня не подняли, но после поминок пришел ата и сказал коротко: иди работать! — я встал и пошел, благо работа в айыле никогда не кончается, и — втянулся, а через год, когда маленькой Чопе праздновали тушоо кесуу, то есть разрезание пут, я первый раз осознанно взглянул на нее и увидел красивую бутузку со связанными шерстью пухлыми ножками: весь айыл смотрел на нее и улыбался, старая таяне держала ее за ручки, дети бежали к ней толпой, чтобы перерезать черно-белую шерстяную нить, — с этой минуты она входила в мир, что называется, своим ходом, и таяне, обернувшись к старейши-

нам, стоявшим поодаль, сказала: прошу вашего бата, уважаемые аксакалы! - и аксакалы с достоинством пропели бата: пусть малышка протянет руки и возьмет хребты Ала-Тоо, пусть умоется из нашего Иссык-Куля и напьется из реки Нарын, пусть ножки ее шагают через перевалы – легко, свободно и весело! девочка моя рассмеялась и – словно бубенчики покапались по айылу – вырвалась из объятий таяне, упрямо наклонила голову и – сделала первый шаг! я лежал в юрте, вспоминая тот давний шаг, сегодняшнее умывание дочки и мою дорогую жену – вот она еще незнакомая, незнаемая, загадочная, в яркой национальной одежде, звенящая царским серебром, из которого айыльные ювелиры делали музыкальные ожерелья, браслеты и массивные серьги, выходит верхом на гнедой кобыле и становится у края долины – ей нужно взглянуть на меня, оглянувшись, и она смотрит – весело, с озорством, чуть прищурившись... аксакал-судья дает знак, и она, рассыпав дробный смехок, мчится вперед – как вихрь, как ветер с горных вершин... джайлоо отходило ко сну, за приоткрытым пологом юрты вставал туман, в тундюк глядели любопытные звезды; я спрашивал у джайлоо: как жить? – пастбище молчало, я спрашивал у тумана: как жить? – туман молчал, я спрашивал у звезд: как жить? – звезды молчали, и только легкий сквозняк касался меня своим нежным крылом...

ЛЮБИТЬ

Когда тебе уже к семидесяти, жизнь изменить нельзя. В таком возрасте редко женятся, редко выходят замуж, почти никогда не заводят друзей и не начинают новых проектов.

Тебе все труднее засыпать по ночам, а еще труднее пробуждаться, когда во мгlistых рассветных сумерках ты лежишь в своей кровати и понимаешь, что пора бы вставать, – сна больше все равно не будет, но не встаешь, ибо нет сил... нет сил подняться и снова продолжать жить, совершая заученные, необходимые и уже осточертевшие движения. И совсем уж тоскливо, положив свою сиротскую порожнюю руку на сопредельную плоскость супружеской постели, ощущать рядом холодную, не согретую любимым телом пустоту, которая была же когда-то вместительным счастьем, заботы, любви...

Елизавета Петровна нежно погладила прохладную простыню возле себя, повернулась и обняла пахнущую стиральным порошком подушку, лежащую рядом. С тех пор как муж

ушел, ей хотелось видеть рядом с собой хотя бы место его, оставляемое неизменным, и вот уже почти два месяца она упрямо продолжала застилать его супружескую половину и класть на его сторону подушку со сменяемой ежедневно наволочкой. Муж ушел навсегда, и не осталось у нее даже счастья думать, что он ушел в какое-то другое земное пространство, неважно куда, неважно к кому, просто ушел и продолжает жить улыбаясь, — но ведь нет, нет этого маленького куцега счастья, ибо ушел он туда, откуда уже не возвращаются, а только шлют невнятные приветы своим близким, являясь им в снах и грезах. Два месяца без человека, с которым прожита огромная жизнь, а в ней, в жизни этой, было столько всего; сначала, до него, — послевоенное голодное детство в заштатном Козельске, рядом с Оптиной Пустынью, где за монастырскими стенами стояла воинская часть, потом — нищая городская школа и следом — ледяная зимняя ремеслуха в соседней Калуге... почти сразу же после ремеслухи — первый бетон в фундаменте КамАЗа, вагончики да сарайчики, где знакомились, влюблялись и женились молодые энтузиасты советскихстроек... здесь и встретила она своего любимого бетонщика, классического комсомольца начала семидесятых — могучего чубатого красавца, который сразу взял ее своей молодецкой удалью, веселым нравом и тихой застенчивой нежностью. И с тех пор — больше сорока лет — по одной тропинке... как можно забыть этот совместный путь, в котором были, впрочем, как и у всех, рождение детей и смерть родителей, болезни, трудности, безденежье и, конечно, праздники, обычные советские праздники, которые не считались тогда идеологически неправильными, как нынче, и отмечались скромными застольями и 7 ноября, и 1 мая, не говоря уже о прочих. Жили трудно, но оливье или винегрет всегда были на праздничном столе, и селедка под шубой — самая демократичная закуска в мире, и румынские маринованные огурчики и, конечно, заначенные задолго до заветной даты рижские шпроты, а то и бережно хранимая в холодильнике баночка красной икры. Было, все было... и таким странным казался Елизавете Петровне этот звучащий в прошедшем времени глагол, что она уже и не могла более верить в прошлое и не замечала непонятого настоящего с его бесконечно убыстряющимся ритмом, с его какой-то не поддающейся осмыслению скоростью, с его новыми людьми — недоброжелательными, грубыми, озлобленными... И тоска ее от этого еще усиливалась: нет места на земле, где она могла бы

обрести пусть не счастье, а хотя бы покой, чтобы освободиться наконец от мучительной боли, которая, схвативши сердце когтистой лапой, давит и давит и не дает мгновения, чтобы вдохнуть спасительного воздуха, чтобы хоть судорожно, хоть не полной грудью сделать этот целебный глоток... Уж и слезы за те дни, в которые его не было рядом, иссыкли у Елизаветы Петровны, и только воспаленные глаза ее горели сухим горем и глядели на окружающих колюче, с укором и с каким-то непонятным ей самой осуждением, как будто бы все встреченные ею прохожие, все родственники, знакомые, соседи были виноваты в том, что ее дорогой Николенька покинул привычный мир... День за днем перебирала она в памяти последние перед его уходом две недели: он лежал в больнице и мучился, и ему ничем не могли помочь, кололи болеутоляющее, ставили капельницы... и ведь она тоже ничем не могла помочь – это острое, обидное чувство отчаяния захлестывало ее и порождало новое отчаяние, и так эта штормовая волна безнадежности, увеличиваясь в размерах, все наступала и наступала, неотвратимо, безжалостно и наконец накрывала ее полностью – с головой, надежно и плотно, так, что не было уже ни малейшей надежды выбраться, выплыть и выползти на берег.

Она сидела возле окна в своей питерской квартире и с тоской вглядывалась в серые городские будни, заштрихованные зыбкими линиями едва морсящего дождя, и думала, думала, думала... Хорошо бы в деревню, думала она, ведь там лес, речка, дружелюбные деревья, приветливо шелестящие пахучей листвой, там почерневшие от времени избы, сложенные из вековых бревен, которые медленно нагреваются днем на солнце... поехать разве в деревню, может, там душа хоть немного уgomонится, успокоится да перестанет болеть... Но куда, куда ехать? Родственников или друзей ни в одной деревне нет... жили, как перекасти-поле, всю жизнь по великим стройкам, и вот как-то так случилось, что все, с кем подружились за годы, – в городах, а дети – в Москве... Она все смотрела в дождь, провожая взглядом бегущие по лужам машины, всматривалась в темнеющие на глазах улицы и снова думала, думала... В любую деревню, в любую, в любой дом, на постой к кому угодно, к знакомым, к незнакомым – все равно...

Вдалеке, над сумеречными районами центра, накрытыми мутной световой шапкой, мелькнул серебряный зигзаг молнии и выхватил из морока дождя кресты городских храмов, следом загрохотал гром, и Елизавета Петровна перекрестилась... да

вот же, вот, подумала она радостно... Пустынь! Оптиная Пустынь! Самый лучший во всем мире монастырь, несчастный, разрушенный, но восставший из пепла, чудное и чудотворное намоленное место, где есть и чистые источники, осененные именами подвижников веры, и животворный лес, и святая земля, к которой нужно лишь прикоснуться, чтобы взять силы и избавиться наконец от отчаяния и боли... и родной Козельск, где стоял – стоит! – отчий дом, пусть утраченный ради новых жильцов и потесненный современными этажами, но оставивший память по себе, которую невозможно стереть...

Вот куда надо ехать... и ведь это просто...

Она тут же коротко собралась, поехала на вокзал и ночным поездом отправилась в Москву.

Сын, к которому Елизавета Петровна явилась утром, не успел даже насмотреться на нее, а с дочкой она и подавно лишь пару минут говорила по телефону. Впрочем, дети с неделию назад приезжали к ней на сороковины, а сейчас и говорить-то было особо не о чем... Сын посмотрел в интернете, как доехать до Оптиной, написал на бумажке номера автобусов, вызвал такси и отправил мать в Теплый Стан на станцию.

Не доехав до Оптиной трех километров, она сошла с автобуса в родном Козельске и потихоньку добралась до улицы Ленина, которую после исчезновения с карты мира страны развитого социализма никто и не подумал переименовать.

На повороте с Советской, тоже так и не переименованной, таджикские работяги укладывали асфальт – судя по всему, этот асфальт был первым со времен хана Батыя, осаждавшего город чуть не восемьсот лет назад.

Смуглые парни уважительно потеснились, пропуская Елизавету Петровну на узкую тропинку, ведущую в обход ремонтного участка, и она поднялась на взгорок, где стоял уже совсем черный, вросший в землю родительский дом с резными наличниками и облупившейся фанеркой в углу, на которой едва виднелись писанные масляной краской полустершиеся буквы, сообщавшие имя вождя мирового пролетариата.

В доме давно жили чужие люди.

Елизавета Петровна подошла ближе и, испытывая неловкость, робко заглянула в мутное окно: оно было прикрыто давно не стиранной кружевной занавеской, сквозь которую едва угадывалась в глубине комнаты голубая тьма.

От дома исходило спокойное ровное тепло.

Она подошла еще ближе и положила ладонь на щерба-

тые венцы... дом удивленно восторженно встрепенулся и что-то ответил, тяжело вздохнув. Елизавете Петровне показалось, что кто-то нежно погладил ее по седым волосам, и на мгновение ощутила себя маленькой девочкой... в глубине двора голый по пояс отец рубил дрова, влажный торс его весело поблескивал на солнце, вокруг бегала рыжая собака и оголтело лаяла, насканивая на гору свеженарубленных полешков.

Она прижалась щекой к венцам...

Вокруг стояли невысокие еще деревья, и в щели забора виднелся молодой сад, а из дома доносился мамин певучий голос: «Лиза! Ли-иза-а-а!»...

Покидая Козельск и глядя на неказистые, но такие милые домишки на выезде, всматриваясь в густой, почти нетронутый лес, мимо которого шла дорога, она чувствовала будоражащее волнение от встречи с родными местами, с монастырем, уже видневшимся вдалеке, и сердце ее сжималось и трепетало, но не так, как сжималось и трепетало оно над гробом любимого, а нежно, умирительно, словно примиряясь с несправедливостью жизни...

Она отстояла вечернюю службу и уже на закате вышла за стены Пустыни. Ей хотелось зайти в лес, и она знала, что за густой чащей, совсем недалеко от монастырских ворот, расположен старинный скит, где когда-то жили старцы-отшельники и куда приезжали полтора века назад русские писатели, которых нынче изучают в школах.

Лесная тропинка была приятной и обжитой, вокруг стояли высоченные сосны, кое-где попадались березы, клены и тонкие россыпи лещины с разлапистыми ветвями, уже обильно усыпанными звездочками орехов... она шла, полной грудью вдыхая лесной воздух, а впереди нее бежала серая невзрачная птичка. Птичка, словно раненая, припадала на одно крыло и, подпустив Елизавету Петровну поближе, почти вплотную, тут же отбегала дальше. «Уводит от гнезда», – подумала Елизавета Петровна и, не желая нарушать устоявшийся лесной порядок, свернула с тропинки в лес. Перейдя уютную полянку, она подошла к стоящей с краю сосне и загляделась на маленький караван идущих по коре цугом алых «солдатиков»... они направлялись вниз и вскоре скрылись в густой траве... Елизавета Петровна тихонько прикоснулась к шершавому столбу и медленно повела ладонью по его окружности... за этой привычной, почти рефлексаторной лаской потянулась и ее душа – она прильнула щекой к дереву и порывисто обня-

ла его, ощутив головокружительный аромат свежей смолы... Глаза ее наполнились слезами, и так застыла она, с тревогой вслушиваясь в неведомую жизнь внутри дерева, в движение его соков, в его тайные желания, в его вопросы и ответы...

Тут на поляне явился священник и, увидев ее, быстро подошел. Елизавета Петровна протянула ему навстречу сложенные в просительном жесте ладони, и он дал свою руку, которую она, почтительно поклонившись, поцеловала.

— А ты поплачь, матушка Лизавета, поплачь, — сказал священник проникновенно и положил ей руку на лоб, благословляя.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросила она в изумлении.

— Так мы про всех знаем, — удивившись не меньше Елизаветы Петровны, ответил священник. — Мы, кажись, все под Богом ходим... вот сообщают же...

Она озадаченно посмотрела на него, а он, осенив ее крестом, повернулся и пошел в глубину леса.

— Завтра на заутреню-то приди, матушка... я сам служить буду, — услышала она напоследок.

Деревья и кусты шумели вокруг, словно желая успокоить ее, приласкать... она глянула в смутный мрак, туда, где еще мгновение назад видна была черная фигура священника... ветки медленно-медленно колыхнулись в сторону, повинувшись движению вечернего ветра, и... она увидела сырую лесную тьму... Сердце ее вздрогнуло, она присела возле сосны и осторожно опустила сухие ладони во влажную прохладу травы, которая тихо шевелилась под пальцами, словно живая... Елизавета Петровна легла, и трава ласково охватила ее голову... прикрыв глаза, она представила, что плывет под речной водою, лежа на спине, и мягко колеблющиеся водоросли едва трогают ее воспаленный лоб... она глянула вверх: там, в густой синеве остывающего неба, куда уходила долгая мачта слегка накренившейся сосны, величаво плыли уже подсвеченные закатным солнцем густо-оранжевые облака...

И тут раздался мощный удар большого колокола... звук его плыл над козельскими далями, переливаясь через монастырские стены, словно густое малиновое варенье через край щедрой банки, и это торжественное гудение, этот тягучий карамельный пласт звука, смешиваясь с таинственным шумом леса и заполненным пением потревоженных птиц, вынимал душу, останавливал сердце, и Елизавета Петровна почувст-

вовала вдруг, как прилив отчаянной нежности захлестывает все ее существо и горло схватывает болезненный спазм... она лежала раскинув руки и продолжала смотреть в небо... слезы текли по ее вискам и капали в теплую, все понимающую землю, а звук большого колокола между тем медленно перетек в веселый звон маленьких колокольчиков, зовущих к крестному ходу вокруг монастыря и умоляющих прихожан не спать, а отдать последнюю на сегодня славу Господу и необъятной красоте окрест... и вот он затих, а из него возник нестройный, едва слышный издалека хор крестного хода.

Елизавета Петровна лежала и плакала... Она вспомнила, как птица уводила ее от гнезда, и подумала: «Уводит, уводит... Господи, как хорошо, как покойно»... поплотнее прижала руки к родной земле и замерла, примирясь – уже примирившись – со своей такой обычной, похожей на миллионы других судьбой...

Артем ХЕГАЙ

ОТ НЕГО НЕ УБЕЖАТЬ

РАССКАЗ

- Беги! Беги! Ну, чего ты?! – утирая лоб рукавом рыжей рубашки, Уголек пытался помочь другу. Ухватил за подмышки и, чувствуя пальцами горячий пот, пропитавший ткань, наполовину поддерживал, наполовину тащил вперед. Однако Ёма уже выдохся. Он не мог бежать долго. Потому что никогда не занимался спортом, не умел себя пересиливать. Ноги у него подкашивались, и он даже не пытался бороться со слабостью.

- Все... Все... Давай остановимся. Чуть-чуть...

Уголек мельком оглянулся через плечо назад – у них еще было время. И отпустил друга. Тот загнанно повалился в траву.

Оба тяжело переводили дух.

- Давай. Отдыхай скорей, Ёмыч. Не больше пяти минут! Слышишь?

Пекло солнце, тени облаков беззвучно ползли по долине.

Утомленно приподнявшись на локтях, Ёма тоже посмотрел назад – туда, откуда они бежали, казалось, целую жизнь:

- Уги, она остановилась.

- Так только кажется. Из-за расстояния, – Уголек утирал взмокшую шею и не хотел снова оборачиваться, чтобы не разочароваться.

- Нет, не кажется. Она в сторону пошла. Гляди!

- Ну? Чего?

- Вон там, левее, заправка была, которую мы с холма видели. А сейчас ее нет уже. Видишь? Волна влево пошла!

- Ну, может, и пошла, - Уголек с такой неохотой признал это, будто Волна подслушивала: стоит выказать хоть малейшую радость или надежду, как она тотчас все отнимет. – Ладно. Передохнем. Поесть надо.

Лямки рюкзака он скинул с изрядным облегчением. Одернул себя: нельзя было показывать, как натерло плечи, как гудит спина – бутылки с водой следовало нести самому. Ёме только тринадцать – на целый год младше. К тому же он слабый. Доверять можно разве что упаковки с кукси.

Мальчишки устроились прямо на траве. Зашуршали пакетами из-под дешевых специй и бульона. По правилам лапшу следовало заваривать, но негде было взять горячую воду. Приходилось размачивать. В холодной.

Опустевшие пакетики Уголек бросил за спину и в голодном ожидании уставился на пластиковый контейнер, где медленно набухала лапша. Однако в который раз натолкнулся на осуждающий взгляд Ёмы.

- Да какая тебе разница, блин?

Насупившийся друг тяжело прополз на четвереньках, подобрал с травы мусор и, аккуратно свернув в несколько раз, убрал к себе в рюкзак.

- Нравится лишний вес тащить? Мы в горы идем! Все равно ты его куда там не денешь! Будешь собирать?

- Да, буду. И от пары пустых пакетов не надорвусь.

- Это тупо, – Уголек стиснул зубы и проглотил голодную злую слюну. – Волна идет. Будешь ты мусорить или не будешь – она просто все уничтожит.

- Ты этого не знаешь. И никто не знает, что за Волной! Может, она ничего и не уничтожает, понятно?

Ёма потер глаза, вспомнив о ком-то. Потом потыкал пластиковой вилкой в наполовину размокший брикет лапши и уже гораздо тише добавил:

- Раз уж мы хотим так от Волны спастись, подняться над ней... Получается, мы просим, чтобы горы нас защитили. Нельзя, с одной стороны, просить их об этом, а с другой – везде тут мусорить.

После минутного молчания Уголек отмахнулся:

- Ты выдумываешь. Нам просто нужно подняться как можно выше.

Вот мальчишки принялись за еду. Полусырое кукси было невкусным, к тому же порядком надоело.

Ёма допивал остатки, когда поперхнулся переперченным бульоном. Вначале никак не мог откашляться. Затем притих. Опустил контейнер на траву перед собой и сидел в неподвижности. Сказал вдруг:

- А если она достанет нас там? Что, если она придет и туда?

- Чушь! - Уголек фыркнул. – Не может она быть выше Тянь-Шаня. Сам подумай, блин! Ему Волна эта – как лужа. По щиколотку. Так что не парься даже. – Он вздохнул. – Нам бы только до заимки добраться...

Однако разговоры о заимке следовало беречь. Так же как еду и воду. Поэтому Уголек не стал продолжать. Вместо этого он огляделся по сторонам и принялся мелко постукивать вилкой по контейнеру, где на самом дне в холодном бульоне плавали последние лапшинки.

- Э-эй, кто хочет есть? Никто не хочет?

Трава стала приподниматься там и тут. Точно ковер, из-под которого выглядывают мыши. В темных лазах что-то зашевелилось. А следом на свет один за другим начали выбираться белые беспольные человечки.

Помаргивая диковатыми золотыми глазами, они пугливо приблизились к Угольку: запрокинув головы с травинками вместо волос, они вставали на цыпочки, без единого звука тянулись к еде.

- Натe, нате, лопайте, - чувствуя себя ворчливым великаном, Уголек осторожно опустил контейнер на землю перед ними. – Только с ногами туда лезть не надо! Я из этого ем вообще-то.

Мелюзга сгрудилась вокруг контейнера, заскребла коготками по пластику. Они набирали бульон в пригоршни и жадно пили, пачкались в красном перце и куркуме. Толкали друг друга, улыбались, вылавливали остатки лапши.

Уголек растянулся на траве, устало наблюдая за ними.

- Короче. Давай чуток отдохнем. Чтобы сразу после еды не идти. Но только недолго, Ёмыч, недолго. Хорошо?

Когда Уголек открыл глаза, уже вечерело. Он подскочил, оглянулся. И мигом принялся собираться, нещадно тормошить заспавшегося друга:

- Ёмыч, вставай, Ёмыч! Блин, как мы могли столько проспать? Смотри, где она! Мы столько времени потеряли! А скоро ночь наступит! Ночь!

Вначале Ёма спросонья бестолково перекалывал вилки из одного контейнера в другой, зачем-то переставлял бутылку воды с места на место. Потом, очнувшись, тоже посмотрел на Волну. Глаза его расширились. Он похватал вещи и, всхли-

пывая от отчаяния и обиды на весь белый свет, без разбора принялся заталкивать в рюкзак.

Уголек почти вздернул его с травы, заставил подняться на ноги. Держась за ляжки, чтобы рюкзаки не так сильно болтались из стороны в сторону, мальчишки побежали прочь. Хныча от недосмотренных снов, от натертых ног и такой нетерпеливо-требовательной спешки.

Уголек не сдержался, выдохнул на бегу:

– Она слишком близко.

Ёма не стал оборачиваться. Только поднажал, мученически вскинув брови.

Эта затяжная гонка, как видно, выматывала его сильнее, чем Уголька. Быстро и непоправимо иссушала. Но останавливаться было нельзя. Волна с каждым днем настигала, сыро дышала в спины страхом.

В одних направлениях она шла медленнее, в других – быстрее. Затем вдруг все менялось. Для многих ее непредсказуемость стала роковой.

Большинство людей укрылось в городе. Другие попытались спастись бегством, но выбрали неудачный маршрут. Волна поглотила всех. И никто, ничто больше не подавало знаков с той стороны.

Угольку с Ёмой пока везло. Обычно за день они успевали покрыть достаточное расстояние, чтобы ненадолго оторваться от погони. Даже приноровились к такому ритму: когда Ёма слишком уставал, бег оба сменяли на быстрый шаг. Но сегодня все отвоеванное преимущество оказалось растрчено одним махом. До чего же глупо было проспать целую половину дня из-за усталости! А ведь могли и вовсе не проснуться. Тогда Волна, должно быть, к полуночи накрыла бы их спящими.

Уголек старался бежать помедленнее, подстраивался под друга, с тревогой поглядывал на него. И только слышал, как тяжело плещется вода в бутылках в рюкзаке за спиной. Как постепенно хрипнет собственное дыхание.

Холмы, поросшие ельником, приходилось огибать, выискивать дорогу.

Наконец он выдавил из пересохшего колючего горла:

– Все. Пока идем. Держись за меня.

Ёма без единого слова ухватился за его плечо. Плелся рядом, утомленно уронив голову. Порой утирал рукавом рубашки взмокшие виски.

Заслышав шум воды, мальчишки оживились. Стали ози-

раться. Уже начинало темнеть. Прохладный воздух предгорья наполнился свежестью.

В подступающих сумерках показалась мелкая речка с каменистым дном.

– Надо воды набрать. У нас мало, – загнанно прошептал Ёма.

– Потом. Когда остановимся. Сейчас нести тяжело. Идем пока вверх по течению. Может, отыщем укрытие. Мало ли...

Друг только покивал в ответ.

Они шли до тех пор, пока не начали спотыкаться впотьмах. Ёма зябко растирал плечи на ходу, поминутно зевал. Внезапно вскинулся:

– Уги, смотри. Там какой-то домик.

– Где?!

– Вон, видишь камень большой на поляне? Чуть правее от него, под деревьями. Хижина, что ли. Слушай, Уги, может, это и есть заимка, а?

Даже не видя лица Ёмы, Уголек почувствовал поднявшееся в друге воодушевление. Поэтому постарался остудить в первую очередь самого себя, чтобы не рухнуть потом в разочарование.

– Не, это не может быть заимкой. – Он остановился в напряжении.

– Почему?

– Не знаю. Ну давай проверим. Только осторожно.

В подступающей ночной тьме они стали подбираться к домику, каждую секунду готовые кинуться прочь. Вдруг вспыхнет свет в окне? Вдруг залает собака или раздастся гневный окрик? Они не замыслили ничего дурного, но за минувшее время отвыкли от других людей, кроме друг друга. Казалось, любой человек – третий – внесет разлад в их устоявшийся мир.

Мальчишки прошли мимо огромного камня посреди поляны. Затаив дыхание, приблизились к домику. Остановились, чтобы переглянуться.

Уголек первым поднялся на единственную деревянную ступеньку. Постучал негромко, порываясь отпрыгнуть от двери и бежать вон. Однако никто ему не ответил. Тогда Уголек постучал громче. Снова тишина.

Дверь со скрипом отворилась внутрь. За порогом стояла шероховатая тьма. С минуту маленькие путники вглядывались в нее. Затем Уголек сбросил рюкзак с плеч и достал одну из припасенных свечей со спичками.

Со светом уже не так страшно было вступать в незнакомое. Ёма держался за локоть Уголька, отчего пламя мелко дрожало.

Внутри домика царил настоящий хаос. Перевернутая скамья и ведро, разбросанные повсюду поленья. Очаг, выложенный диким камнем, давно потух – в холодной золе лежали засохшие объедки. В углу неровной горой громоздились наваленные одеяла, многие из которых выпячивали из прорех ключья старой ваты. Пахло сырой периной и пылью.

Уголек с осторожностью пробирался через этот бардак, держа свечу высоко над головой. Он решил внимательно осмотреть каждый угол, прежде чем объявить место безопасным. К тому же здесь могли найти запасы чего-нибудь съестного или полезные в дороге вещи.

– Думаешь, заимка? – полусшепотом спросил Ёма.

– Даже если это была она... здесь все разгромили, разграбили, – Уголек заглянул в опрокинутую корзину. – Нет. Вряд ли это заимка. Дедушка рассказывал, их строят возле троп. Да и потом, для каждого охотника такое место должно быть священным. Так положено: взял что-то, значит, должен что-то оставить другим. Порядок после себя навести. А здесь... – он поднес свечу ближе, разглядывая в углу пустые мешки.

– Ты сам говорил, Волна идет. Люди могли нарушить правила, – без укора, тихо проговорил Ёма.

Вместо ответа Уголек встал посреди комнатухи и с усталым вздохом опустил затекшую руку со свечой. Обвел взглядом пристанище:

– Как бы там ни было, до утра нам придется быть здесь. Давай приберемся? Может, по ходу дела найдем что-нибудь полезное.

Позевывая от усталости, мальчишки принялись кое-как наводить порядок. Сложили у стены разбросанные поленья, собрали золу в ведро. Уголек повесил на место сорванную кем-то полку и, пока расставлял уцелевшие стаканы, случайно наткнулся на мешочек гречневой крупы.

– О, сегодня у нас будет каша! – загоревшись этой идеей, он тотчас засуетился возле очага. Разжег огонь, стал подыскивать подходящую посуду для приготовления ужина.

В очаге стало потрескивать. По бревенчатым стенам заплясали тени. Стало тепло, уютно запахло дымком. Ёма, будто оттаяв после долгой зимы, улыбался, копаясь в старом хламе. Довольно хмыкал.

Вот он решил устроить лежак из старых матрацев. Стараясь не выбить из них пыли ненароком, Ёма перевернул один из них, как вдруг отпрыгнул прочь. Ухватившись за Уголька, опасливо глядел в темный угол:

– Там что-то есть! Что-то шевелилось.

– Таракан? Крыса? Паук? – за снисходительным тоном Уголек прятал собственное беспокойство: сколько раз он обещал себе сделать хоть какое-нибудь оружие! И всякий раз забывал посреди сумасшедшей спешки. В горах водились дикие звери. Но куда больше Уголька тревожило другое – волшебные существа, появившиеся в мире. Всеобщее бегство сблизало их с людьми, заставляло бороться за выживание бок о бок. Однако в эти дни, полные безысходности, не все оставались дружелюбны.

– Не знаю. Посмотри. Только осторожно, Уги!

Уголек подобрал с пола жестяной ковшик на длинной ручке. Стискивая рукоятку вспотевшими пальцами, медленно двинулся к горе старых одеял. Там действительно что-то шевелилось – теперь это не вызывало сомнений.

Подобравшись ближе, Уголек потянулся в темноту. Зацепив край матраца, рывком отбросил в сторону и не то замахнулся ковшем, не то заслонился им от возможной атаки. Да так и замер.

– Ну? Что там? Уги, чего молчишь?

Уголек опустил ковшик. Не оборачиваясь бросил за спину:

– Это ребенок.

– Ребенок? Seriously? Покажи! Где он? Обычный? Не из этих?

Уже безо всякого страха Ёма оттеснил Уголька плечом, подобрался ближе.

– Точно ребенок. Ох, вот я испугался, блин... Уги, он тут в пеленке какой-то завернут, только это... он обкакался. Фу, а я еще думал, откуда пахнет. Надо его помыть, что ли. И покормить, наверное, тоже. Ты говорил, каша?

Уголек будто не слышал последних слов друга. Ошеломленно уронил:

– Писец. И что нам теперь с ним делать?

Утро выдалось пасмурным. Вершины гор скрылись за туманами, а лесистые холмы, где стояла избушка, казались особенно серыми, неуютными.

Уголек сидел на камне, обреченно глядя на Волну. Бескрайняя, исполинская, серая. Вначале ее называли Стеной – за отвесность. Но в отличие от стен она умела двигаться. И очень скоро поглотила тех, кто так ее называл.

Непрозрачная – никто не знал, что находится по ту сторону. С хищно нависающим гребнем – от земли едва ли не до самых облаков по ней пробегали вверх всполохи желтых молний. Беззвучная.

Она шла по Земле. Теперь же была так близко, как никогда прежде: всего в нескольких километрах. Уголек, сидя на камне, смотрел на нее издали. Стискивал кулаки так, что ногти впивались в кожу. Но не вставал.

Нынешним утром Ёма отказался идти дальше. Решил остаться ухаживать за брошенным ребенком. Остаться в разграбленной избушке до самого конца.

Тяжело запыхтев, Уголек размазал злую слезу кулаком. Он успел уже сто раз пожалеть о том, что проклятая избушка попала им на глаза. Не будь ее, Ёма бежал бы дальше! Не показывал бы стертые до розовой сукровицы ноги, не уходил бы в заботу об этом дурацком младенце, не прятал бы глаза!

Вот только все было так, как было. Уголек не видел выхода.

Оставалось только ждать Волну.

Мальчишка тяжело поднялся на ноги. Бесцельно побрел обратно к избушке. На поляне перед ней пестрел лишайниками громадный валун. Желтоватые, голубые, зеленые пятна на камне казались старой краской, пролитой кем-то давным-давно. Борозды, щербинки. Уголек в мрачной задумчивости провел пальцем по одной из таких борозд. Внезапно обнаружил, что они складываются в причудливый повторяющийся узор. Еще большее удивление его ждало, стоило коснуться валуна ладонью – несмотря на пасмурный день, он был совсем теплым. Точно солнцем нагретый.

Уголек в замешательстве обошел камень кругом, хмыкнул. Хотел было забраться на него. Но взвизгнул и отскочил в сторону.

У самой земли из камня торчала коричневая голова! По-стариковски морщинистая, неправильной формы, с огромным носом. Должно быть, недавний вопль привлек ее внимание: голова поднялась, под кожистыми веками приоткрылись сонные голубые глаза.

– М-м-м?... – растрескавшийся камень подбородка задумчиво подвигался, пережевывая новое впечатление.

– Вы кто?! – Уголек медленно отступал к избушке, чтобы предупредить Ёму о новой опасности. – Вы кто такой?!

– Я... – голова торжественно склонилась, – король всех черепях.

Две неуклюжие руки, которые Уголек минутой раньше принял за булыжники, разошлись в стороны, словно в церемониальном поклоне.

Парнишка опасливо разглядывал диковинное существо: валун с узором глубоких бороздок на самом деле оказался громадным панцирем.

– Мы заняли ваш дом? Вы живете в этой хижине, да?

Король зевнул. Поднял добродушный взгляд на мальчика:

– Нет. Мой дом на мне. А живу я здесь. На этой самой поляне. Уже давно.

– И вы... – Уголек балансировал между опаской и любопытством. – Вы носите такой панцирь на себе каждый день?

– Уже не ношу. – Потрескавшиеся губы под огромным носом разошлись в улыбку. – Мы живем так долго, что однажды наш панцирь становится слишком тяжел и велик. Тогда каждый из нас, как заповедано предками, совершает главный шаг в жизни...

– Какой шаг? – Уголек придвинулся ближе.

– Мы встаем в позу.

Старик произнес это со значением. При этом царственно приподнял подбородок и сделал небольшое изящное движение пальцами. словно обозначил всю важность этой самой «позы».

Так он стоял целую минуту, пока Уголек не напомнил о себе:

– Дедушка, если вы больше не можете ходить из-за панциря, то как же вы едите?

– А-а... – король задумчиво покивал. – Вот так и едим.

Он легонько подвигал руками, будто дирижируя невидимому оркестру. Из каменистой горной земли перед ним вдруг потянулась вверх по-весеннему свежая трава – сочная, молодая. Когда она подросла достаточно, старик опустил голову и сорвал губами несколько травинок. Прожевав их, он закрыл глаза и с большим успокоением вздохнул – счастливо, миролюбиво.

Уголек разглядывал его со смешанными чувствами. Потом позвал:

– Дедушка. Но ведь вам бежать надо. Спасаться. Волна идет...

Черепеховый король неторопливо покивал:

– Да, она идет. Конечно. Пускай так будет. Все хорошо.

– Вы не можете бежать из-за панциря, – догадался Уголек.

– И поэтому тоже, – легко согласился король. – Если бы ни панцирь, я бы все равно остался здесь. Я согласен здесь остаться. Понимаешь?

– Нет! Не понимаю! – Уголек помотал головой. – Вы просто не хотите бороться. Не можете, поэтому придумываете разные оправдания! – Он осекся. – Извините. Я не хотел сказать...

– Все хорошо. – Король улыбнулся. – Я остаюсь, потому что все хорошо.

Вглядевшись в его голубые глаза под морщинистыми веками, Уголек растерялся. Король черепех не боялся Волны! Ему попросту незачем было спасаться от нее, ведь Волна не имела над ним никакой власти. Приди она сейчас или завтра, а то и не приди вовсе – для короля это не имело значения. Потому что для него все – действительно все, даже страшное и мучительное – было как-то по-мудрому хорошо.

Уголек впервые так остро позавидовал. Весь мир пытался спастись от Волны, но она еще никого не пощадила. Один только король черепех – должно быть, единственный на всем белом свете – по-настоящему спасся от нее. Окончательно и бесповоротно. Навсегда.

– До свидания. Отдыхайте, дедушка, – тихо проговорил Уголек и отступил.

Улыбающийся старик медленно покивал ему. Скованный панцирем, не способный передвигаться, он опустил голову на траву.

Вернувшись в избушку, Уголек избегал смотреть на Ёму, который по-прежнему возился с ребенком. Хотелось перенять спокойствие недавнего знакомого. Но нужно было хоть чем-то занять руки.

Уголек притащил крепкую палку и, усевшись возле окна, принялся в молчании строгать один конец. По его замыслу, из этого должно было получиться копьё.

Однако, чем больше стружек падало на бревенчатый пол, тем меньше спокойствия оставалось внутри. Наконец, Уголек не выдержал:

– Но я-то не король черепак. Я так не могу!

– Что? – Ёма, держа на вытянутых руках найденную занавеску, оглянулся.

– Ничего. Ты ведешь себя как девчонка. Понятно?

– Если заботиться о маленьких и слабых – значит быть девчонкой, хорошо. Значит, я девчонка. Потому что именно так я планирую себя вести дальше.

– Нет! – Уголек швырнул нож на пол. – Только нашлась эта первая заимка – в которой даже нет ничего! – как ты тут же решил остаться. Сдаться ты решил! Ходишь тут, занавески вешаешь. Таскаешься с этим младенцем дурацким! Но ты на самом деле сдаешься!

Ответом на его крик стал детский плач.

– Уги... – Ёма отложил шторку и сел на матрац возле ребенка, закрывая его собой, закрывая от Уголька и от всего шума, укачивая. – Да. Наверное, я сдаюсь. Извини. Но у меня больше нет сил идти дальше. – Он тяжело выдохнул и улыбнулся. – А здесь у нас дом. По крайней мере, хоть какой-то. Ты вон починил полку. Гречку нашел. У нас тут есть дрова. Можно варить кашу. Пойми, Уги, маленькая не выдержит дороги. Кстати, да, это девочка. Я тут подумал, надо же ее как-то называть, правильно? Ее настоящего имени, которое дали родители, мы не знаем. Поэтому можно пока называть просто Тата. Она этот звук – ну, немного похожий – иногда произносит.

– Да плевать я хотел, что она там произносит, понятно?! – задыхаясь, Уголек закружил по избушке. – Знаешь, почему ее родители бросили? Знаешь?! Потому что понимали – они ее не защитят. Ни от Волны, ни от голода, ни от чего! Какого тогда хрена ты здесь ее опекаешь?! Трясешься над ней! Хочешь себе показаться лучше ее родителей, лучше других? Или прячешься просто за всей этой белибердой, прячешься от страха?

Ёма не отвечал. Продолжал укачивать плачущую девочку одной рукой, а другой – свободной – плотно закрывал ей правое ухо. Лишь бы она только наполовину слышала крик Уголька, а не целиком.

– Ну отлично! Хочешь нянчиться – пожалуйста! Но тогда ты еще больший трус, чем я думал! Потому что на самом деле тебе пофиг на эту твою Тату, ясно? Ты ведь ее не спрашивал, хочет она спастись или нет. Ах да, она же маленькая, не может ответить. Поэтому ты уже решил, все решил за нее! У тебя одного болят ноги. Поэтому вы оба остаетесь. Круто!

Уголек схватил свой рюкзак. Не глядя принялся запикивать туда бутылки с водой. Потянулся было за оставшимися упаковками кукси, но отдернул руку. Схватил самодельное копьё и с грохотом вывалился вон из избушки.

Грохнув дверь, он сделал десяток шагов. И остановился. Дышал часто-часто, ничего не видя перед собой. Только стискивал древко пальцами.

Позади наступала Волна. Где-то впереди, возможно, лежала их заимка. Настоящая, не разграбленная. Где хранилось все необходимое для подъема в горы. Для спасения. Но Ёма решил остаться. А идти одному...

С тихим стоном Уголек прижал руку к груди. Сжал рубашку в кулаке так сильно, что ткань у ворота начала потрескивать. Чуть согнулся. Сделал шаг. Потом еще один. С каждой минутой он пригибался все ниже, ниже. Вот замер совсем. Стоны его делались все глуше, все более хриплыми. Он сам душил себя, затягивая воротник. Только что-то еще душило его изнутри.

Как вдруг за спиной стукнула дверь избушки. Уголек мигом выпрямился и стиснул зубы. Стоял прямой как штык, не оборачивался.

Ёма подошел к нему сбоку. Держа Тату, неуклюже завернутую в обрывок занавески, он потрянул плечами, поправляя рюкзак за спиной:

– Пошли.

– Не отставай, – сухо бросил Уголек и быстро зашагал прочь.

Шли долго. Не останавливались на обед. Оба делали вид, будто нужно наверстать упущенное время. Даже пробовали бежать, как раньше. Но тогда Тата сразу начинала плакать. Пришлось просто идти быстрым шагом.

Памятуя о нынешнем утре, Уголек был беспощаден. Он видел, как морщится Ёма, как начинает хромать. Видел, как у друга отнимаются руки от усталости – он все чаще перекладывал Тату, пытался нести по-новому. Слышал его сиплое дыхание, но не останавливался.

Вдруг Ёма отстал. Едва держась на негнущихся ногах, он неловко пытался положить Тату на землю. Склонившись, пошатываясь, хватаясь за траву.

– У нас мало времени, – бросил Уголек.

— Иди. — Ёма сглотнул пересохшим горлом. — Иди вперед. Мы догоним.

Уголек потоптался. Потом со злостью пнул мелкий камешек и развернулся:

— Сюда ее давай. Я понесу.

— Нет, — Ёма, хоть и шатался от слабости, тотчас подхватил девочку на руки.

— Ты не понял, что я сказал? Давай!

— Нет, не дам! Ясно?!

Уголек попытался взять себя в руки. Сдержанно проговорил:

— Я сильнее.

Однако тотчас пожалел о сказанном. Стало предельно ясно, что Ёма не отдаст девочку. Они будут идти все медленнее и медленнее, Волна догонит их, но Ёма уже не отдаст. Это было ясно по взгляду.

Теперь Уголек мог только наблюдать, как друг с помертвевшим лицом полетится вперед. Дурацкая Тата! Она ничем не помогала — только мешала в пути. Ненужная! Лишняя! Погибнуть обоим из-за чужого ребенка?! Такому Уголек просто не мог позволить случиться.

— Если ты сейчас же не дашь понести... — Уголек подобрался, — я дождусь, когда ты уснешь, а потом возьму ее и выброшу в пропасть.

Ёма остановился, пристально глядя в лицо попутчика. Обветренные губы дрогнули несколько раз, точно он порывался что-то сказать. Затем внезапно развернулся и пошел вниз по склону. Навстречу Волне.

— Куда ты идешь?! — голос Уголька сорвался.

Ёма не ответил. Продолжал шагать. Идти вниз было гораздо легче, поэтому фигура его быстро отдалялась. Уголек застонал протяжно, неловко вскинул руки к голове и погнался следом.

Забежав вперед, он встал на пути Ёмы. Когда друг попытался его обойти, схватил за плечи, не давал сделать дальше ни шага. Держал. Потом уткнулся лбом ему в плечо:

— Все. Привал. Здесь привал. Слышишь? Все. Тут ночуем. Хватит. Все.

Друг продолжал толкать его из последних сил. Тогда Уголек выдал:

— Пожалуйста...

Ёма перестал напирать. Медленно опустил на траву,

положил Тату себе на колени. Сидел сгорбившись. Опустошенный, вымотанный. Она в который раз начала плакать, но у Ёмы уже не было сил ее утешать.

Уголек сам разложил по контейнерам гречневую кашу, найденную в рюкзаке друга, – тот по-прежнему не двигался. Вынул и расстелил пледы, на которых они обычно спали. Достал бутылки с водой.

Ужинали молча. Уголек порой посматривал на Ёму. Думал, как исправить все сказанные сегодня злые слова. Но не находил ответа.

Раз за разом в памяти всплывала фраза, с которой все началось: «Ты ведешь себя как девчонка». Да будь Ёма девчонкой, было бы в сто раз легче! Уголек охотно взял бы на себя роль добытчика, защитника, настоящего мужчины – спрятался бы в нее. Спрятался бы в эту роль: от Волны, от слабости, от страха, сомнений и тысячи тысяч других вещей. Но Ёма был таким же пацаном, как он сам. А значит, прятаться было негде.

Тем временем Ёма поел, следом занялся Татой: разжевывал остатки каши и пытался этим кормить ее с пальца, как птенца. Получалось плохо. Хотя кое-что она все-таки съела.

Наконец легли. Уголек, завернувшись в плед, привычно старался не обращать внимания на гудящие стоптанные ноги. В накатывавшем полусне вдруг сообразил: для такой маленькой девочки Тата плачет слишком редко. Как видно, от истощения – у нее не было сил плакать чаще.

Засыпая, он повернулся на другой бок. Вздрогнул.

Ёма лежал на соседнем пледе, обнимая рукой сверток с Татой. Смотрел безотрывно в темноту. Не спал. Не позволял себе спать: боялся, что ночью Уголек выполнит недавнюю угрозу.

Так не должно было быть.

Уголек поднялся. Положил свой плед рядом с Ёмой. На сколько смог, укрылся сам и укрыл друга вместе с притихшей девочкой. После некоторого молчания тихим-тихим-тихим шепотом произнес с надеждой:

– Давай... как будто этого дня не было? Вообще ничего не было. Давай?..

Ёма шмыгнул, чуть повозился:

– А ты ее не выбросишь? Ну, в пропасть?.. Только честно. Не выбросишь?

– Нет, конечно. Я же не дурак.

– Тогда давай.

Всего через минуту Ёма уже спал беспробудным сном.

Волна за ночь приблизилась настолько, что можно было видеть, как вдали она поглощает немые деревья и холмы. Собирались в большой спешке. Но одну бутылку воды и несколько минут все-таки пришлось потратить: за ночь Тата испачкала занавеску, в которой ее таскали.

На сей раз девочку несли по очереди: Ёма и Уголек передавали сверток из рук в руки каждый раз, когда замечали усталость другого. А к полудню, преодолев каменистую грядку, мальчишки увидели то, о чем и не мечтали.

В горной долине, окруженной густым ельником, приютились два селения. Белые домики с черепично-красными крышами – совсем крошечные на таком расстоянии – казались миражом. Там же виднелись загоны для скота, добротные амбары, пристройки. Над трубами вились струйки дыма, на малахитовой траве под деревьями бродили коровы.

Ёма с Угольком приободрились. Шагая к селению, переглядывались порой с волнительным предвкушением. Девочка на руках Уголька тоже довольно лопотала о чем-то. Потом сказала:

– Та-та, – и уснула.

Ёма на ходу переводил взгляд с селения на малышку, поминутно вздыхал с облегчением. Впервые за все дни вынужденного бегства расслабил плечи.

– Хорошо, что именно этой дорогой пошли. Хорошо, что дождя с туманом нет. Могли ведь мимо проскочить! Да, ладно, неважно... Найдем Тате еды нормальной. Она уже кашу эту есть ни в какую не хочет. Может, и нам что-нибудь дадут. Молоко, например.

Ёма замолчал: то ли испугался, что сглазит; то ли решил не спускать с поводка аппетит раньше времени. А Уголек и вовсе шел навстречу селению в радостном смятении. Хотелось поесть и отдохнуть. Однако селяне, скорее всего, тоже готовились уходить от Волны в горы. Значит, придется примкнуть к незнакомым людям: искать среди них свое место, быть полезным и не допускать, чтобы ими пренебрегали в дороге. Главное, заснеженные пики больше не казались Угольку неприступными бастионами. Ведь даже заимку теперь искать не требовалось: люди, живущие здесь, наверняка имели все необходимое.

Ёма с Угольком неуклонно приближались к селениям. По-

года сделалась непредсказуемой. За пару часов на них успел налететь легкий дождь, потом снова выглянуло солнце – неяркое, затянутое облаками.

До селений оставалось недалеко, когда Уголек с Ёмой заметили, как люди в спешке покидают дома. Двери оставались распахнутыми настежь, на земле валялась выброшенная утварь. Сельчане сбивались в толпу и со всех ног бежали навстречу такой же толпе из другого селения. Два живых потока неслись навстречу друг другу, стремясь слиться воедино на перекрестке. Люди падали, вставали, бежали снова.

– Они уходят! Уходят! – забеспокоился Ёма. – Они без нас уйдут!

– Давай быстрее тогда. – Уголек взял Тату на руки.

Под ее встревоженный плач мальчишки помчались вперед. Надо было успеть. Как вдруг Уголек заметил, что люди бегут без поклажи: ни мешков с вещами и едой, ни сумок, ни рюкзаков – совсем налегке. Что-то заставило их бросить даже самое необходимое.

Уголек оглянулся через плечо и едва кубарем не покатился.

Волна сзади летела на них.

– Ёма, беги, беги! Быстрее, Ёма!

Друг тоже оглянулся и закричал. Под неумолкающий плачь Таты они припустили со всех ног – задыхаясь, ослепнув от ужаса.

Исполинская серая стена с яростными просветами молний мчалась за ними со скоростью поезда на полном ходу. Никогда прежде она не перемещала своих границ так быстро! Точно боялась, что добыча может ускользнуть. Без единого звука Волна хищно настигала беглецов.

Сквозь марево отчаяния Уголек загнанно оглядывался. Вовремя заметил, как Волна меняет направление. Она двинулась к селениям. Будто поняла: там ее ждет большая пожива, чем просто двое перепуганных мальчишек.

– Ёма, сюда! – на бегу он потянул друга в сторону.

Поначалу тот рвался к людям. Потом опомнился, тоже стал забирать левее. Уголек еще раз оглянулся: Волна их больше не преследовала.

Более того, она заметно сбавила скорость! Впрочем, к селениям она все-таки приближалась быстрее, чем к Угольку с Ёмой.

– Она отстала немного. Отстала, слышишь?

– Но люди уйдут без нас! Вон, они скоро встретятся на перекрестке!

– Мы их догоним... Ах, блин, ладно! Давай сразу. Бежим туда.

Человеческие фигурки неподалеку сливались в общую толпу на перекрестке. Туда же спешили оставшиеся селяне. Ёма на бегу порой принимался махать им рукой, чтобы подождали. Вот уже стало видно, как люди толкаются на пыльном пересечении дорог, как наскскивают друг на друга во всеобщем волнении, как врываются в их круг отставшие.

Внезапно Уголек схватил друга за шиворот и поволок прочь.

– Ты чего? Нам туда! Они же уйдут!

Побледневший Уголек ничего не отвечал, только тащил и тащил Ёму, пока не добрался до укрытия – большого камня, вросшего в землю. Он силком заставил друга лечь в траву. Сунул ему Тату. Только потом, судорожно сглотнув пересохшим горлом, просипел:

– Нам нельзя туда... Не выходи. Нас не должны видеть.

– А еда для Таты? А вещи, чтобы в горы идти?!

– Нет. Там ничего нет. Сиди, сиди здесь! Тихо.

Сам же Уголек по-пластунски прополз вперед и выглянул из-за камня.

Вот жители двух горных сел кипучим скопищем уже теснят на перекрестке. Во всеобщей толчее первый селянин упал. За ним другой. Но им не помогают подняться. Их топчут. Люди продолжают сбиваться в кучу, кричат. И все теснятся, теснят. Блещет металл – ножи. Кто-то вскидывает руку, залившую красным. Из толпы выходит старик, вдруг валится набок. С другого конца отделяется целая группа и кружит неистово. А в центре этого страшного круга несколько человек оседают все ниже и ниже к земле. Затем группа возвращается, оставляя после себя лежащих.

Опять все в пыльном скоплении. Десятки ладоней сжимают рукояти, но сталь ни в одной руке не блестит – она вся красная. Ножи работают. В спешке, с остервенением. Быстрее. Успеть. Достать. Каждого, кто рядом. И самому получая удары, дотянуться до тех, кто ударил. Успеть. Достать. А если получится, то еще дальше – пока сил хватит. Только не оглядываться на Волну. Лишь бы только. Хоть раз еще. Достать.

Люди валяются один за другим – в пыль, в красную грязь. Быстро падают поверху, внавалку, еще сверху. Трепещут, ползут. И вдогонку – удары.

Мужчины, женщины – без разбора, кучами. Там, здесь, везде.

Вот остался один красный человек. Самый сильный! Он рыщет глазами, кружит, пытается добивать лежащих, но живых нет. Мечется от тела к телу.

Тень от Волны накрывает его.

Человек падает на колени. Дикий крик разлетается среди гор. Он бьет себя в живот красным ножом, потом еще раз. Но ведь долго это – совсем близко Волна! Тогда в горло бьет и валится к остальным. Замирает.

Волна приближается к месту побоища все медленнее, медленнее. У самого перекрестка она останавливается совсем. Застывает беззвучно, склоняясь гребнем над немymi телами.

На одежду, на раскрытые в небо глаза оседает пыль. Над перекрестком тихо. Полдень.

Волна вобрала тела одно за другим. Вместила в себя. С той кротостью, с какой обмывают покойника в присутствии родных. Ничего не осталось – весь перекресток исчез без следа.

По Волне пробежали всполохи желтых молний. Она двинулась дальше.

Только теперь Уголек заметил голову Ёмы рядом со своей. Друг все видел.

В глубоком молчании мальчишки поднялись с травы, забрали Тату. Пошли вперед. До самого вечера они ни разу не перешли на бег. Даже начини Волна их нагонять, они бы не ускорили шага.

Темнело. Уголек утомленно брел, пытаясь укачивать монотонно хнычущую Тату. Ёма плелся рядом, опираясь на копье как на дорожный посох. Оба вконец обессилели и шли, будто в бреду, – без дороги, без направления.

Волна ненадолго отстала. Должно быть, сейчас она мчалась в других направлениях: поглощала где-то леса и животных, озера с рыбой, безмолвные пустоши и паникующие города. Она не забыла о двух измученных мальчишках с ребенком. Просто пока у нее были дела поважнее.

Уголек вдруг придержал Ёму за плечо, указывая вперед: – Гляди. За теми деревьями что-то светится.

В самом деле, меж ветвей старых елей сквозил мягкий голубоватый свет. Ёма понуро покачал головой и перевел взгляд на Тату:

– Не надо туда. Давай обойдем.

Уголек согласился было, сделал несколько шагов в сторону. Однако волевым усилием встряхнулся, будто отмахиваясь от дурного сна:

– Ты сам говорил: маленькой нужна еда. Мы еще можем есть всякую фигню, а она – нет. Пойдем. Просто проверим. Или давай я один схожу?

Ёма опасливо огляделся по сторонам – близилась ночь. Помотал головой:

– Нет. Если уж идти, то вместе.

Уголек передал Тату другу, сам же обеими руками взялся за самодельное копье. Пускай это была всего лишь заостренная палка – с ней уже не так пугали темнота и неизвестность впереди.

Мальчишки пробирались вперед. Если Уголек крался бесшумно, то Ёма с Татой на руках, казалось, наступал на все сухие веточки, спотыкался о каждый камешек. Впрочем, впереди тоже было шумно – там все отчетливее раздавались смех, залихватистые выкрики, писк.

Прячась в черной тени древней ели, Уголек осторожно выглянул и замер от увиденной картины. Ничего подобного он в жизни не видывал.

На поляне веселилось множество маленьких детей. Одни сидели на траве и, запрокинув головы, зачарованно глядели куда-то вверх. Над землей лилось откуда-то желтоватое сияние. Самого источника света Уголек ни в какую не мог разглядеть. Зато дети явно наблюдали там нечто, доступное только им. Порой они отвлекались ненадолго, невнятно бормотали что-то своим соседям, будто обсуждая увиденное, и, получив в ответ такое же бормотание, снова погружались в восторженное созерцание.

Другие дети летали в прозрачных разноцветных сферах. Вокруг каждого из них словно надули светящийся мыльный пузырь, и это позволяло парить в воздухе. Хохоча и даже повизгивая от удовольствия, они кружились над землей, зависали вниз головой, гонялись друг за дружкой.

Среди этого веселья неспешно прохаживалась высокая-превысокая женщина в синем платье. В ней по меньшей мере были два человеческих роста. С ее плеч до самой земли ткань

лилась синим водопадом. Именно от нее исходил тот свет, который Ёма с Угольком заметили в пути. Она улыбалась, порой смеялась чему-то и легонько подталкивала парящие сферы с малышкой, как подталкивают вверх воздушные шары на празднике. Дети тогда с восторженным визгом взмывали до вершин столетних елей и потом плавно опускались вниз, мягко сталкивались, кружились.

Вот женщина остановилась поодаль от того места, где прятались мальчишки. Стоя вполоборота, мелодично произнесла:

— К нам пожаловали новые гости. Они могут выйти на свет и присоединиться. Здесь им ничто не угрожает.

Уголек отодвинул хвойную лапу. Так как Ёма предостерегающе хватал его за рубашку, на поляну они вышли вместе.

— Здравствуйте. Вы кто? — Угольку хотелось выглядеть и вежливым, и смелым одновременно. Но, по правде говоря, он побаивался этой красивой великанши.

— Уголек, Ёма и... девочка, которая еще не привыкла к имени. — Женщина улыбнулась. — Ваши предки звали нас пери, стремились породниться. А наш род был всегда благосклонен к людям. Такие союзы случались.

— Откуда здесь столько детей? — Ёма выглянул из-за спины друга.

— Сегодня утром их принесли человеческие женщины из двух ближайших селений. Просили, чтобы я позаботилась.

— Тех селений больше нет.

— Я знаю. Ваши взрослые решили так избежать встречи с Волной.

После некоторого молчания Уголек поднял голову:

— И как вы собрались спасти этих детей, если даже не бежите от Волны?

— Мы ждали вас. — Пери обвела взглядом поляну с малышками. — Нынешней ночью мы отправляемся в путешествие к звездам. Все вместе полетим быстро-быстро! Так быстро, что никакая Волна не достанет и не догонит нас. А прибудем в прекрасное место, откуда я родом. Где уже нечего будет бояться: там нет подобных Волн и нет никакого зла.

Мальчишки переглянулись. Взволнованно потоптавшись на месте, Уголек шагнул пери навстречу и, вскинув подбородок, бросил:

— Можно нам с вами?

Женщина загадочно улыбнулась Угольку:

– Давай это узнаем! Позволь, я прикоснусь к тебе.

Она медленно склонилась и положила прохладную ладонь с длинными пальцами на плечо Уголька. Его с ног до головы пробрали приятные мурашки: от величия великанши, от ее мягкой непостижимой силы, от близости чуда. Даже свет на поляне стал как будто ярче.

Затем пери тронула за плечо Ёму. Отступила на шаг.

Ей незачем было произносить ответ – мальчишки уже все знали сами.

Уголек, хотя внутренне и противился этому, считал себя маленьким. Ему хотелось поскорее вырасти, стать сильнее. Он жаждал уважения среди сверстников и самостоятельности. Еще так долго оставаться ребенком ему казалось нестерпимо томительным.

Однако сейчас стало ясно: он гораздо старше собственных представлений о себе. Успел привязаться к земле, на которой рос. К людям, которые его окружали. К пище и воде, к мыслям о будущем и великому множеству других вещей. Он стал земным. Это наполняло его силой, жизнелюбием. Вместе с тем отяжеляло, привязывало к жизни человечества на Земле.

Чтобы по-настоящему оторваться от Волны, нужно было лететь ослепительно быстро! А для этого следовало стать легче самого света...

Уголек уже не мог.

Не мог и Ёма – осознание читалось в глазах, как только пери убрала руку с его плеча. Они не могли отправиться в путешествие к звездам вместе со всеми. Они должны были остаться.

Пери кивнула на Тату, завернутую в занавеску:

– Кое-кто еще может. Может полететь с нами. Но лишь в том случае, если вы ее отпустите. Судьбу девочки решать вам двоим.

С этими словами великанша вернулась к остальным малышам. Уголек взволнованно взъерошил волосы на затылке, но не успел подступиться к Ёме, как натолкнулся на угрюмый взгляд.

– Ты не хочешь ее отдавать?

Ёма насупился еще больше. Отвернулся, кутая Тату:

– А ты так сразу взял и всему поверил? Может, никакая она не пери. И дети ей нужны, чтобы... питаться чем-то в дороге. Ты же не знаешь даже!

– Ём... ты прав. Я не знаю.

– Вот! Видишь? Все, Тата с нами остается. С нами!

– Я знаю другое. – Уголек придержал друга за локоть, не давая уйти с поляны. – Если Тата останется, то умрет. Наверняка. Без нормальной еды, в тряске, пока мы бежим... Ём, с нами она не выживет.

– Да? – отвернувшись в темноту, тот быстро вытер лицо рукавом. – По-твоему, значит, с этой пери, с ней – выживет?..

Уголек едва заметно пожал плечами:

– Там есть надежда.

Как вдруг понял. С самого начала Тата казалась ему обузой. Новым препятствием на пути бегства от Волны. Она задерживала их, мешала спать по ночам, изнуряла. Но для Ёмы Тата стала совсем иным! Спасением. За всеми заботами о маленькой девочке Ёма прятался от гнетущей Волны. И, может быть, даже перенес в Тату частицу самого себя – ту часть, о которой так нужно было во время безумного бегства позаботиться.

Уголек пожалел обо всех словах, сказанных минуту назад. Тату следовало оставить. Он не имел права лишать друга тайного укрытия. Да, это было жестоко по отношению к Тате, но, выбирая между двумя неизвестностями, тут можно было взять всю ответственность на себя.

Уголек поднял взгляд от земли и увидел друга, бредущего к синей женщине. Каждый шаг Ёма все вглядывался и вглядывался в лицо Таты, поправлял занавеску. Вот остановился у ног пери. Медленным от неуверенности, отрывистым движением – точно каждую секунду готовый отдернуть сверток и вернуть девочку – все-таки протянул Тату великанше.

– Пожалуйста. Не навредите ей.

– Не наврежу. Обещаю.

Женщина подняла Тату высоко в воздух. Девочка довольна хихикнула, завозилась в ткани. Уголек готов был поклясться, что на маленьких щеках появился румянец! Пери рассмеялась:

– Здесь нет голода, нет жажды. Ваши раны затянутся, а болезни отступят.

Великанша шагнула в круг сидящих младенцев, поманила остальных. Дети, летавшие в сияющих сферах, подплыли к ней ближе.

– Ёма, Уголек, вы успеете здесь набраться сил. Оставайтесь на ночлег! А нам уже пора. Мы отправляемся.

Пери запрокинула голову так, чтобы видеть звезды:

– Спасибо земле, что нас приютила. Мир ей.

Свет на поляне разгорался все ярче и ярче. Вершины елей качнулись под налетевшим ветром. От каждого из малышей и от самой великанши в ночное небо потянулись столпы света – множество желтых и один синий. Сами фигуры их плавно растворились в этом сиянии.

А потом лучи разом ударили в звездный небосклон. Оставив Уголька с Ёмой на поляне одних, они с такой дикой скоростью рванули в высь, что, казалось, разорвали само пространство. Потрясенный Уголек понял: только так и можно было уйти от Волны, уйти насовсем.

Ёма вдруг кинулся туда, где только что синяя великанша держала Тату. Метнулся к Угольку, закружил на месте, замер внезапно.

Вот руки его упали. Ёма стоял и стоял так.

Уголек не окликал его, не тревожил. Без лишних слов расстегнул рюкзак, достал пледы и расстелил их на траве. Потом, мягко приобняв друга за плечи, повел за собой, уложил. Хотя ночь была теплой, подгреб Ёму к себе – стиснул на миг крепко-крепко, отпустил.

– Уги, – бесцветно позвал Ёма. – Расскажи про заимку.

– Да чего опять рассказывать.

С деланным равнодушием Уголек поерзал. Вздыхнул:

– Ну, дедушка мой мечтал стать охотником. Давным-давно, еще в молодости. Так вот, другие опытные охотники решили однажды его с собой взять. Отправились в какую-то глухомань, и там дедушка первый раз в жизни заимку увидел. Снаружи – домик как домик, ничего особенного. А дверь открыли – он так и остался на пороге стоять. Говорит, чего там только не было! Внутри на стене ружье висит. Настоящее ружье! Патроны к нему, порох и пыжи – все есть. Рыба сухая на нитках развешана, мясо вяленое. Специально высоко, под потолком самым, чтобы мыши не достали. Там же грибы сушеные, какая-то трава. В шкафах по стенам всего битком: спички, сахар, соль, консервы, сухари, чай черный, зеленый – какой хочешь. Другие охотники над дедушкой тогда посмеивались, а он только и делал, что осматривал все. Спальные мешки, удочки, веревки. Аптечка тоже есть. Ну это само собой в первую очередь! Бинты, лекарства, всякое разное... – Уголек зевнул, глядя в звездное небо. – С этой заимки никак понять не хотелось, там жить было можно. Дедушка никак понять не мог, откуда столько вещей? Да еще не на семи замках, а вот прям:

приходи-бери-пользуйся. Тогда-то другие охотники ему все и объяснили. Заимка потому так называется, что каждый может занять там необходимое. Что надо, то и берешь. Но взамен ты должен оставить какую-то ценность для других, чего у тебя самого в избытке. Это священный закон для охотников! И сама заимка для них – священное место.

Над ночной поляной дул летний ласковый ветер. Уголек примолк, глядя на звезды. Ёма лежал к нему спиной, не шевелился и совсем притих. Уголек решил было, что друг давно спит, как вдруг тот повернулся и горячо прошептал с мольбой, с неподдельной тревогой:

– Уги, а что мы там оставим? У нас ведь ничего нет. Нам столько всего нужно взять на заимке, а оставить-то взамен нечего. Совсем нечего! Уги!

Уголек отбросил мечтательность и сделался предельно серьезным. Положил руку Ёме на плечо и, глядя в глаза, ответил:

– Про это мне дедушка тоже говорил. Как раз про такие случаи. Он сказал: если многое нужно взять, а взамен оставить нечего – сделай что-нибудь. Дров накопи. Наведи порядок, печку почисти. Что угодно. Для других, не для себя. Тогда можешь брать. Все будут согласны – у тебя есть право.

Ёма опустил голову на плед и расслабился. Уже засыпая, пробормотал:

– Мы что-нибудь сделаем. Сделаем для других. Обязательно.

Хотя пери с детьми ушла, над поляной еще держалось слабое сияние. Из-под травы один за другим выглядывали белые человечки с золотыми глазами. Некоторые прятались обратно, другие выходили наружу. Бесшумно бродили, присаживались на края пледов, не тревожа спящих. Показывали друг другу то на землю, то на звезды и согласно кивали.

С самого утра мальчишки шли без остановок. Ночевка на волшебной поляне пери придавала необыкновенных сил. Зажили все мозоли и потертости на ногах, прибавилось духу. Теперь даже заимка казалась реальной – вот-вот покажется за деревьями. Ема нес самодельное копье в руке и не опирался на него, как бывало прежде. Пускай Волна наступала сзади, верилось: вдвоем они сумеют подняться в горы.

К полудню Уголек помрачнел. Отмалчивался, только назад оглядывался постоянно. Вот он тронул Ёму за плечо и ровным тоном произнес:

– Надо идти быстрее. Волна ускоряется. Сюда идет. Без лишних слов друг поднажал. Только поправлял сползающий рюкзак.

Так они шли час, другой, затем путь пошел в гору. Уголек еще раз оглянулся и потянул Ёму вперед:

– Надо бежать.

Тому достаточно было мельком обернуться через плечо, чтобы убедиться в сказанном: Волна уже летела за ними, поглощая каменистые склоны, деревья, траву, горные цветы – все без разбору.

Мальчишки побежали.

Их путь лежал вверх, все выше и выше. Двигаться было тяжело, быстро уставали ноги. Они не останавливались. Пыхтели, утирая пот на бегу.

Впереди над зеленой вершиной виднелись снежные пики – далекие, в серебристой дымке, сверкающие белыми покровами. Где-то на пути к ним пряталась заимка, стояли горные селения, были люди. Ёма с Угольком невольно цеплялись взглядами за вершины Тянь-Шаня.

Восхождение заняло у них больше часа. Вот уже склон сделался более пологим. Предвкушая скорый спуск, мальчишки позволили себе сбавить ход.

Наконец поднялись. Волна неотвратимо спешила следом: в чистом горном воздухе казалась еще огромнее, величественнее.

Уголек вытер лоб рукавом. Похоже, ничто им не сулило привала. Стараясь не думать об изможденных ногах, он двинулся вперед. Однако через сотню шагов все мысли об усталости забылись.

Гора, на которую они взобрались, обрывалась провалом.

Еще не веря самим себе, мальчишки подбежали к пропасти. Запыхавшиеся, остановились у самого края. Поправляли рюкзаки. Утирали пот.

Далеко-далеко внизу у подножия отвесного склона шумел на камнях кипенно-белый ручей. Там же бродил табун гнедых лошадей – с такой высоты они представлялись темными пятнышками на травяных волнах. Но добраться туда было невозможно. Ни тропинки, ни даже осыпи – ничего.

Ёма поднял взгляд на Уголька, копые в его руках дрогнуло.

– Тихо, тихо, Ёмыч. Все в порядке. Сейчас... – Уголек на секунду зажмурился, потом кивнул серьезно. – Так. Надо найти спуск.

– Это какой-то отрог? Это... что это? Что, Уги?

– Неважно. Ты сейчас пойдешь налево и будешь осматривать край. Где-то наверняка попадется тропа вниз или еще что-нибудь. А я пойду направо. Как только один из нас увидит спуск, будем кричать друг другу. Понял, что нужно делать? Все. Иди. Иди, говорю!

Ёма побрел в указанном направлении, но поминутно оглядывался, будто друг мог исчезнуть каждое мгновение. Уголек заставил себя выпрямить спину и тоже отправился на поиски. Только отойдя подальше, он позволил себе взглянуть на Волну: нет, возвращаться было уже поздно. Волна успела поглотить подножие горы, на которую они взобрались. Поэтому теперь оставался лишь один выход.

Каждую минуту Уголек ускорял шаг, лихорадочно осматривая отвесные склоны. Ждал спасительного окрика, какого-нибудь знака свыше. Вспоминал, как дедушка рассказывал о горных архах, их тропках.

В себя его привел заполошный топот за спиной. Ёма бежал за ним следом – с загнанными хрипами, с отчаянно болтающимся рюкзаком. В ворота расстегнутой рубашки краснела обгоревшая на солнце шея.

Он налетел на Уголька, уцепился за его руки:

– Уги! Там нет спуска, нигде нет! Я смотрел, смотрел – его нет. Уги!

– Должен быть!

– Нету. Уги... Она совсем близко. Я не хочу, чтобы мы отдельно были! Пожалуйста! Пойдем вместе, а? Мне только не одному туда...

– Хорошо, Ёмыч, давай вдвоем. Один больше не ходи никуда. – Уголек, скрывая дрожь, повлек его за собой. – Вон там видишь выступ? Идем.

Приближаясь к цели, он видел боковым зрением, как Волна уже надвигается на них. Все такая же бесшумная, Волна вздыбилась до самого небосвода.

Вот и каменный выступ. Ветер треплет редкие травинки среди камней.

Ёма, цепляясь за друга, заглянул в пропасть. Плечи его опустились. Он медленно высвободил руки из лямок рюкзака. Сбросил свою ношу на землю. Ногой подтолкнул к головокружительно провалу.

Рюкзак полетел вниз. Мальчишки смотрели, как он несколько раз ударился о выступы, закрутился в воздухе. Только

спустя целую вечность упал прямо в воду. Ручей оказался совсем мелким – промокший рюкзак остался лежать на камнях, едва неразличимый с такого расстояния.

– Надо туда, – прошептал Ёма. – Надо прыгать.

– Нет, нет! – Уголек, опомнившись, оттащил друга от края. – Ты с ума сошел? Нам туда нельзя! Нельзя, слышишь?! – Он встряхнул Ёму. – Послушай, представь, что Волна – это просто будущее, от которого не убежишь и которого мы не знаем. Никто не знает! А если прыгнем...

Тут Ёма оглянулся на Волну. И расплакался.

Она была уже совсем близко. Уголек набычился, заслонив собой друга. Потом схватил копьё и со всей силы метнул в нее. Древко исчезло в беззвучной пелене – ни звука, ни следа.

– А-а-а! – Уголек закричал до боли в горле.

Только теперь почувствовал, с какой силой Ёма цепляется за него, как медленно сползает на землю от отчаяния.

Уголек с шумом выдохнул. Заставил друга подняться, развернул его, чтобы Ёма не видел надвигающуюся Волну. Ткнулся лбом в его лоб и накрыл ладонями их виски – сделал «коридор», чтобы нельзя было посмотреть ни назад, ни по сторонам. Теперь они могли видеть только глаза друг друга.

Ёма стоял спиной к Волне. Все порывался оглянуться. Но Уголек держал его крепко, не отпускал. Тогда Ёма сам схватился за него. Стиснул.

– Уги! Уги-и-и!

Не выдержав, Уголек сам на мгновение выглянул из этого укрытия и тотчас вернулся – приник лбом ко лбу Ёмы, насколько мог:

– Спокойно, Ёмыч. Я здесь, я все время здесь! Слышишь?!

– Я по-нял, Уги, понял. Мы же вместе! Вме-сте! – Ёма навзрыд засмеялся, держась за его ладони на своих висках. – Да никакая волна... Хотя бу-дущее... Вместе во-обще нифи-га не страшно! Уги! Понимаешь? Вместе!

Уголек тоже засмеялся. Теперь хотелось одного: чтобы только Волна пришла поскорее. Быстрее же, пока другу не страшно!

Табун сдвинулся. Мчатся молодые кони. Прочь от знакомого ручья, прочь от прежнего пастбища. Глухой топот копыт в траву, горячее фыркание. Дымом летят темные гривы. Гнедые огни над землей – все быстрее, быстрее. К белым склонам-столпам. Впереди Тянь-Шань.

Петр ЧЕРНЯК

СМЫЧОК

*Одной судьбы смычком
играет Бог
на струнах поколений...*

Рассказы

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ

Дети – вообще страшные люди, и, чтобы детство благополучно перешло в юность, нужны не только стальные нервы родителей, но и еще что-то, что люди называют по-разному: Бог, расположение планет, судьба или просто везение. Что-то все-таки отводит рок от тех, кто сам не понимает, что творит, иначе мы бы никогда не становились взрослыми. Но так бывает не всегда, и язык не поворачивается подобрать правильное название. Шанс, риск, может, что-то еще. Наверное, правильнее сказать, что детство – это лотерея на выживание (в нашей жизни с достаточно неплохими шансами), но люди обычно принимают это только тогда, когда сами становятся родителями.

Сереге (которого через много лет экстремалы будут звать исключительно Смычком) недавно исполнилось два. Крепенький живчик, он правильно развивался согласно темпам, скрупулезно разработанным и многократно апробированным на миллионах советских детей. А вот с таким (неучтенным советской педиатрией) показателем, как шустрость, у него было не все в порядке, вернее все в порядке с избытком. Ребенок подсел на пламя. И здесь глагол из лексикона наркоманов вполне приемлем, так как тяга к огню была почти наркотической. Еще в грудничковом возрасте взгляд ребенка постоянно замораживался при виде открытого пламени, особенно ему нравился

газ. Голубое свечение над конфоркой плавным конусом с желтоватыми перьями ласкало пространство над плитой и двумя огоньками отвечивало в восхищенных глазах малыша, которые мгновенно тухли, как только на плиту ставился чайник. Он очень рано понял, что огонь появляется из спичек, и быстро сообразил технологию его добывания. На кухне стали пропадать спички, а ребенка все чаще приходилось оттаскивать от костров, которые (по его словам) организовывали соседские мальчишки. Родители справедливо предполагали, что первая искра (от которой по русской традиции всегда возникает пламя) имела происхождение от исчезнувших с кухни спичек. Однако личный досмотр с пристрастием (настоящий шмон) сына ничего не давал. Позже выяснится, что коробки выносились в трусах, даже летом, когда они составляли полный уличный гардероб. Сегодня трудно сказать, что это было: жажда познания, бродящая в юном теле, гены предков-язычников или начало пиромании, когда власть огня пересиливает власть разума. Однако для большинства людей это вполне нормально. И даже исторически спорящие философы разных школ признавали вечной истину, что человек бесконечно может смотреть на огонь и воду. В нашей истории не до философии, так как появляется очередное действующее лицо, с которого непосредственно начинается триллер.

Это были времена тотального дефицита и патологической необходимости делать заначки, нычки, схроны. И не только от жен. К отцу как-то заехал его товарищ дядя Антон с предложением организации закровов ГСМ на их территории. Отец быстро просек выгодность предложения предприимчивого друга. Дядя Антон, имея доступ к жестко лимитированному в те времена бензину, предложил поставить в их огороде бак от огромного грузовика и сливать туда с боем и хитростью добытое горючее. По понятным причинам у себя в хрущевке разместить емкость он, естественно, не мог, поэтому обратился к другу. Сказано – сделано, один привез бочку, другой установил в укромном от глаз соседей закутке, предварительно врезав краник для удобства слива. Процесс пошел, как модно было говорить в те времена. Дядя Антон привозил раз в неделю канистру-другую, иногда приезжал заправляться. В один из приездов произошел маленький инцидент, свидетелем которого стал Серега. Отец при очередном перетаскивании до краев наполненной канистры нечаянно пролил изрядную порцию дефицитного горючего прямо на бетонную середину дво-

ра, которая расплзлась в огромную переливающуюся всеми цветами радуги и резко пахнущую лужу. Он хотел подсоединить шланг и смыть с бетона результат своей неаккуратности, но мудрый дядя Антон предложил менее трудозатратный метод. Надо просто бросить в лужу горящую спичку, и бензин элементарно выгорит на бетоне. Сказано – сделано, чирк, и наблюдающий за всем этим процессом Серега видит потрясающий костер, который горит прямо на полу. Это пламя было даже красивее горящего газа. Голубые линии огня грациозно извивались в неописуемо красивом плавном танце, растворяясь в воздухе проблесками желто-красных разводов с каким-то фиолетовым оттенком. Взрослым тоже нравилась картина горящего бензина, и никто не обратил внимания, какое впечатление происходящее производит на душу юного поджигателя. Через минуту пламя погасло, отец попрощался с дядей Антоном, и будничные заботы продолжили свое рутинное течение. Для всех, но не для Сереги. Он в первый раз даже не пожалел, что голубое пламя так быстро прекратило свое существование. Он не знал, что такое бензин, но понял, что так красиво горит именно эта резко пахнущая жидкость, и ее запах вдруг для него стал очень приятным. Как затаившийся зверек или коварный враг, в следующие дни Серега был тише травы, ниже воды (это даже круче, чем тише воды – ниже травы), им уже овладел злой рок, который неотвратимо вел его к главному испытанию его детства. Час «Ч» наступил дня через два. Утром отец вышел в огород и увидел картину, под впечатлением которой делает удивительное открытие в области своей личной анатомии – оказывается, и на волосах есть мышцы. Потому что без наличия мышц ни один, даже самый сильный волос не сможет встать дыбом, а тут разом поднялась вся шевелюра. Причиной тому стала совершенно идиллическая картина: утро, огород с бензиновой емкостью посередине, коробок спичек со спичкой, приготовленной для поджога, ребенок на корточках (натруженно пыхтя всем растущим организмом), пытающийся открыть кран с волшебной струйкой.

Отец не знал, что он умеет так быстро передвигаться в пространстве. Уже через секунду на безопасном расстоянии от бензина и спичек начался воспитательный процесс. Узкий ремень отцовских брюк ритмично оставлял красные полосы на худой Серегиной попке. Его пороли в первый раз, для отца это тоже было впервые, никогда еще он не поднимал руку (ремень) на своих детей. И сейчас, стегая крохотное существо,

своего сына, он испытывал почти физическую боль, это его сын терзал его сердце и душу, заledenевшую от ужаса так близко подступившей роковой черты. Для всех это был страшный урок.

Вечером Серега, умиротворенный утренней экзекуцией, спал с четко внушенной инструкцией, что к бензину подходить нельзя (и докажете, что в ремне нет воспитательного начала). Он и потом, во взрослой жизни, относился к горящим жидкостям с некоторой опаской, хотя костры любил совершенно откровенно. Родители на вечернем разборе полетов пытались отыскать ту отправную точку, которая чуть не привела к трагедии, и не находили ничего более конкретного, чем дядя Антон со своими ГэСээМами. Дядя Антон, видимо, печенкой прочувствовал ситуацию и больше с канистрами не появлялся, да и бензин к тому времени перестал быть дефицитом. Родители усилили бдительность за пиронаклонностями сына, подключив к слежке сестру, которая в конце концов и обнаружила место, куда прятались спички. Нет, Серега не сдался, и костры еще долго оставались в арсенале его развлечений, но дальше все было как-то подконтрольно. И огонь, предупредив однажды, не причинил ему никакого вреда за всю оставшуюся жизнь. Вскоре после этого случая мать обнаружила первые седые волосы на голове, а отец (по его ощущениям) именно с этого момента начал лысеть. И они оба считали это минимальной платой за то, что Бог, расположение планет или судьба отвели в тот день злой рок от их мальчика.

ДРЕВОЛАЗЫ

Эта история случилась на инвалидном пробеге вокруг Иссык-Куля. Группа энтузиастов, считающая себя адептами современного западного общественного устройства, решила доказать на местном уровне, что и в наших условиях люди с ограниченными физическими возможностями могут и должны жить полноценной жизнью. Для этого стали придумывать и организовывать совместные приключения здоровых спортсменов и дизейблов (спортсменов-инвалидов). Так в 2002 году состоялся пробег (проезд на специально построенных спортивных колясках) инвалидов вокруг озера Иссык-Куль. Это была совместная акция профессиональных бегунов, ве-

лосипедистов и приглашенных спинальников – людей, которые в обычной жизни могут передвигаться только на инвалидных колясках. В числе спортсменов-колясочников совершенно случайно (ввиду обострения болезни у другого, «более заслуженного» инвалида) оказался Шамырбек Ы., в простонародье чаще отзывающийся на имя Шамиль. До этого, оставаясь незамеченным в инвалидной диаспоре Кыргызстана, где всегда существовала строгая иерархия и годами отработанная система приоритета авторитетов, он (согласно рангу) в первые дни пробега был абсолютно незаметен. Однако к концу мероприятия стал не только харизматично знаковой фигурой, но и фактически основным героем фильма «Горы для всех», который там снимался. Понятно, что такую перемену обеспечила атмосфера всей авантюры (в смысле приключения), но об отправной точке такой трансформации следует рассказать отдельно. День во второй, утомленные после очередного этапа, бегуны Сергей «Смычок» и Женя «Бонд» (в кавычках не тюремные погоняла, а нареченные в экстремальной тусовке «имена») вечером занимались приведением в боевой порядок своих тел, в смысле массажем с втиранием специальных спортивных снадобий. В комнате с ними оказался Шамиль, которого инстинктивно отталкивало от инвалидной группировки, где главенствовал Ильич – известный заслуженный марафонец, под колесами коляски которого остались десятки тысяч километров разных стран всего бывшего СССР. Он, познавший славу и внимание, а также полное забвение после славы, обладал в инвалидной среде репутацией почти оракула (как Ленин у коммунистов). И если поначалу его рассказы носили повествовательный характер, то постепенно разбалованный вниманием Ильич перешел на отеческий навязчиво нравоучительный стиль общения. А это, как известно, не всем по нраву. Так вот, там Шамиль по статусу и возрасту был обречен быть только слушателем (возможно, его и пригласили на пробег в качестве ушей от массовки) историй в стиле «А когда я был на большом марафоне». Поэтому при первой же альтернативе, представившейся в момент расселения на очередную ночевку, Шамиль и сбежал в комнату к бегунам. Настоящие спортсмены, особенно экстремалы, инстинктивно и суеверно побаиваются инвалидов (а скорее всего инвалидности). Ведь сегодня не войны и не болезни, а, к сожалению, большой спорт (и чем больше, тем вернее) – это кратчайший путь в кресло на колесиках. Такова плата за пьедесталы, подиумы, медали

и кубки. И человек в инвалидной коляске является подсознательным предупреждением для находящихся в расцвете сил атлетов. Впрочем, они (атлеты) этот вопрос обычно не анализируют, отдавая все силы тренировкам и отдаваясь во власть подсознания. Шамиль, не будучи спортсменом высокого ранга (и невысокого тоже), этого тоже не знал и просто инстинктивно потянулся к молодым симпатичным ребятам. И не прогадал. Серега с Женей хоть и серьезные спортсмены, но эта подсознательная дурь (инвалид в качестве предупреждения) точно не про них. Все потому, что они еще и медики на грани финиша медакадемии – старта интернатуры. Действительно, как бы ни хаяли, ни поносили наше медицинское образование, но оно точно учит относиться к человеку как к человеку, и клятва Гиппократа – тому порукой (как бы высокопарно это не звучало).

Итак, вечером, после ужина, Серега с Женей занимались приведением в боевой порядок своих организмов. В такой передыжке (полсотни километров рядом с велосипедистами) больше всего страдают ноги – даже в привычно набеганной обуви мозоли все равно натираются, это бич всех приличных стайеров. Серега расслабленно лежит на кровати, Женя втирает ему в пятку какую-то приятно пахнущую мазь. Шамиль подкатывается ближе, решив перейти к более тесному общению со сосредоточенно манипулирующим «Бондом»:

- Как это у вас красиво получается...
- Шамиль, мы сколько уже знакомы?
- С неделю, а ЧТО?
- Тебе сколько лет?
- 27, а ЧТО?
- Во-первых перестань ЧТОкать, во-вторых, прекрати ВЫкать, а массаж тебе сделаем после Сереги, небось плечики-то болят?
- Не-е, я только что от массажиста. А ГДЕ этому научились?
- Смотри (поднимает голову Серега), сменил вопрос, но продолжает интересоваться.
- Мы, вообще-то, медики, а здесь так, косим от занятий.
- Ничего себе косите, километров по пятьдесят в день, аж вон пятки постирались.
- Да не грузись, Шамиль (второй раз поднимает голову разомлевший Серега), мы еще и спортсмены, бегуны, биатлонисты и альпинисты иногда. Бегаем, стреляем, в горы лазаем.

- Я тоже раньше любил лазать, поэтому и оказался теперь в коляске.

- Так у тебя травма с гор, что ли?

- Не-е, с дерева. Хотите, расскажу? Сгубили меня две вещи – игривый характер и местная медицина.

- Что, тоже доктором хотел стать?

- Не-е, дело было так. Я и после школы оставался простым сельским пацаном, и беда наша в том, что делать на селе сегодня нечего: ни работы, ни отдыха. Помогал родне по хозяйству, а в основном балду бил совершенно откровенно. Среди сверстников тоже был не в почете, они уже на водке да анаше, а меня, наверное, Бог уберег от соблазнов. И любимое занятие – обследовать окрестности родного Ат-Баши. Вы знаете, что горы всегда разные, и, если даже ходить по одной тропе, всегда увидишь что-то новенькое. А если на шаг отойдешь от привычного маршрута, то, как говорят туристы, Кыргызстан откроет тебе все красоты. Вот и появилась у меня страсть уклоняться от привычных маршрутов. То на скалу залезу, то речку, там, где не надо, перейду. И еще деревья. Стоишь на скале, смотришь в долину – красота неописуемая, а если залезть на стоящее рядом дерево, то все становится еще краше. Наверное, потому, что под ногами уже не земля, а воздух, и из окна дома такого впечатления не получишь. Вот так и рухнул по весне с тополя над обрывом, метров с восьми – десяти. Но основную травму получил уже в процессе транспортировки, так меня перевернули, погрузили, довели, чудом жив остался. Думал, после этого врачей вообще ненавидеть буду. Нет, не обозлился, просто тот врач был точно НЕ ВРАЧ, так, неуч с дипломом. Врачей я зауважал после того, как меня к жизни вернули, пусть в коляску, но и из коляски тоже многое видно. Шесть лет сидел взаперти, и жизнь казалась серой и мрачной. А тут случайно попал на пробег и увидел все вокруг в красках из прошлой жизни.

- Шамиль, для простого сельского паренька ты больно красиво рассказываешь.

- Так ведь читать стал, сидючи в коляске, и так обидно стало, что в школе плохо учился.

- Так мы с тобой коллеги (оживляется в очередной раз Серега, предлагая свою историю). В детстве у меня было тоже увлечение, а у моих родителей серьезная проблема. Годам к пяти-шести их просто задолбали соседи жалобами на сына. Это я сейчас понимаю весь ужас матери, когда прибежала в

очередной раз тетя Маша (Клава, Дуся и т. д.) с истерикой, что ее любимое чадо залезло на их тополь (клен, карагач и т. д.), да так высоко, что для съема придется вызывать пожарных. Ничего, слезал сам, голой попой навстречу отцу с ремнем. Он так и прозвал меня Древолазом. И если бы ни альпинизм, возможно, и сейчас лазал бы по деревьям или несбыточно (по состоянию возраста) мечтал бы об этом, точно.

- Точно другое (вставляет реплику Женья), это в вас обоих играют гены ваших человекообразных предков. А может, ваш пра-пра-пра был вообще одной и той же обезьяной? И насчет этого пра-пра-пра прав был ученый Дарвин, точно прав.

- Сергей, так это что, я в прошлой жизни тоже был древолазом?

- Почему был, ведь даже разбившийся каскадер все равно остается каскадером, это категория душевная, а не физическая.

- Однако душевно пообщались, господа легкоатлеты. Можно я и дальше жить с вами буду, а то уж больно Ильич донимает?

- Конечно, живи, коллега, мы его тоже боимся. Древолаз древолазу друг, товарищ и...

- ...И дуб! — смачно резюмирует «Бонд», принимаясь за смычковскую пятку другой ноги.

P. S. *Продолжение этой истории – история отдельная: ехали они весело и дружно. Но не всегда, ибо столкновение характеров и амбиций в долгом путешествии зачастую обостряется конфликтами интересов. Ильич, с каждым этапом теряющий свою показную важность, явно приревновал общественный интерес, обращенный в сторону незаметного Шамиля, которого бегуны де-факто приняли в свои ряды.*

P. P. S. *Интереснее оказалось окончание истории, когда через год вся команда собралась на премьере фильма, посвященного этому мероприятию. Ильич был черен от гнева, но подчеркнуто молчалив. Его орденоносная натура не могла смириться с неглавной ролью на премьере, но величественная гордость не позволила недовольству проявиться банальной склочностью. Сила духа Ильича оказалась сильнее немощности тела. За такой пример ему отдельный респект. А героем был другой – Шамиль и его перерождение. От инвалида, годами заточенного в квартире без выхода,*

до экстремала, которому уже по силам горные дороги. И не только. Но главное в том фильме была личностная трансформация на примере реального человека. По окончании мероприятия, на котором Шамиль, как обычно, держался между «Смычком» и «Бондом», произошло главное событие всей этой истории. Человек в инвалидной коляске предложил развезти по домам профессиональных бегунов!

- На коляске, что ли? – удивился Женя.
- Мы все не влезем, – дополняет Серега.
- Нет, вон мой «Мерс» стоит.

С бегунами случается фальшстарт наоборот. Немая сцена из «Ревизора». Как? У них круче кроссовок для дороги ничего нет, а человек в инвалидной коляске уже на мерине!

- Все очень просто. Пока шло мероприятие, каждый день крутили по телевизору новости с пробега. Меня запомнили, особенно ту часть, где я корреспондентам «Вечерки» рассказывал, что окончил курсы бухгалтеров. Приехали из одной фирмы, предложили статью у них бухом. И машина эта типа моя служебная. Чем занимается контора, вам лучше не знать. Но для них, видимо, не слишком верткий бухгалтер как раз в самый раз. Они и ручное управление сделали, и права мне купили. А экзамен по ПДД и вождению я сдавал внутри фирмы своим боссам.

- Ну ты даешь!
- Поехали, а то я на тренировку опоздаю.
- ?!
- Да, теперь я пауэрлифтингом занимаюсь. Уже первый разряд выполнил.
- Ты, Шамиль, молодец! В себя поверил. Один раз в себя поверишь, и дальше все уже складывается по-другому.
- Для этого оказалось достаточно того, чтобы когда-то в меня поверили вы.

ИСТОРИЯ О БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКОМ ЭФФЕКТЕ ХРАПА

(лечебный позитив некоторых отрицательных явлений)

Эта прикольно-поучительная история на стыке спорта, медицины и психологии случилась на пробеге инвалидов-спортсменов вокруг озера Иссык-Куль осенью 2002 года. Тогда в пятисоткилометровый пробег отправился караван спортсменов-спинальников (инвалидов с травмой позвоночника и

обездвиженностью ног) на только что построенных велоколясках. Мы (группа энтузиастов развития туризма в стране) были горды (как Остап Ибрагимович на аналогичном пробеге против бездорожья и разгильдяйства) тем, что смогли осуществить этот, на наш взгляд, грандиозный проект. Грандиозен он был уже только потому, что в наших условиях (практического отсутствия в активах государства машиностроительных предприятий) мы смогли спроектировать и построить партию дорожных инвалидных велоколясок. Наверное (точно), все получилось только потому, что было нарушено одно из основных правил изобретательства: «Не придумывай велосипед». Ведь в наше непростое время что-то чаще и лучше получается вопреки, чем руководствуясь правилами. Другой аспект, которым мы тоже страшно гордились, – это реализованная идея совместных акций здоровых атлетов и спортсменов-инвалидов. Весь цивилизованный мир давно считает людей с ограниченными возможностями полноправными членами общества, нам же еще предстоит долгий процесс такого осознания, а спорт и приключения, возможно, – самый короткий путь к воспитанию общественного сознания. Ведь давно и не даром после каждой Олимпиады на тех же объектах обязательно проводят Паралимпийские игры. Олимпизм мы, конечно, не потянем, а вот совместная экспедиция у нас получилась. И отправились в путь вокруг кыргызского моря колясочники, велосипедисты и бегуны-легкоатлеты – немного недоученные, в смысле будущие, медики (что важно для нашего рассказа) Сергей «Смычок» и Евгений «Бонд». Получившие свои прозвища – один от «позора» двух лет музыкалки по классу скрипки, другой – от схожести фамилии с фамилией английского шпиона. После недели ежедневной беготни по 50 – 70 километров организм Сереги дал сбой. Сначала его начало ломать, как при гриппе, но он бежал, пытаясь волей переломить физиологию. Потом организм, к предупреждениям которого спортсмен не прислушался, долбанул по личности сорокоградусной температурой. На первых порах борьбу за здоровье друга вел еще недоучившийся доктор «Бонд». И когда я выразил сомнения по поводу его настоящей (сегодняшней) медкомпетентности, Серега вдруг оживился жестким и аргументированным возражением. Во-первых, Женя бежал все это время рядом и по себе знает, какие были нагрузки, во-вторых, он уже настолько опытен (не смотря на всего лишь предпоследний курс), что уже даже вырезал геморрой какому-то главе не то района, не то области.

- Какой области? Фамилия губернатора?
- Не скажу, чтобы другие не позавидовали!

Последний аргумент в устах больного поднял «Бонда» до уровня уже состоявшегося эскулапа. Но состояние Сереги продолжало ухудшаться, и тут уже переполошились все. Саша Тянь, как начальник обоза экспедиции (транспорт, кухня и другие осветительные и согревательные приборы и средства), собрал совещание (на медицинском жаргоне – пятиминутку). Врачи из медицинского центра доктора Назаралиева Долон и Нурлан, которые работали с нами на этом проекте, притащили не аптечку и даже не аптеку, а передвижной госпиталь (почти МЭШ). Тянь упал в осадок:

- Я знал, что у нас все есть, но не до такой же степени!
- Дядь Саш («Бонд» вытаскивая из рюкзака полиэтиленовый, из-под телевизора, куль с таблетками), а вот еще наше с Серегой.

-... (немая сцена с вывалившимися челюстями Нурлана и Долона).

- Давайте будем лечить сначала вашими средствами, а потом каждый своими (острую я), смеется только сорокоградусный «Смычок», видимо, такой тяжелый юмор доходит только до тяжелобольных, или Серега просто пытается помочь нам бороться за его здоровье. А проблема становится очень серьезной. Ни прослушивания, ни простукивания диагноз не определяют, таблетки и инъекции температуру не сбивают. Больной, принимающий участие в своем лечении в качестве полудоктора, тоже не может определиться, что с ним. Тянь волевым решением грузит всех в бусик и уезжает в ночь в ближайшую районную больницу с твердым обещанием организовать посреди ночи рентген и анализ крови. «Передвижной госпиталь» возвращается за полночь, персонал – в таких же непонятках, как и на момент отъезда. По анализам Серега должен чувствовать себя хорошо, а по внешнему виду ему явно хреново. Укладываем больного, оставляем Женю в качестве сиделки и вместо отбоя идем пить ночной кофе. Тянь по такому серьезному поводу проставляется своей особо вкусной заначкой.

- Вообще, доктора докторам после стресса рекомендуют не кофе, – замечает Нурлан.

- Что рекомендуют доктора, у них обычно и бывает, – парирует Саня. – И вообще, у нас на пробеге сухой закон, который на кофе не распространяется.

Осенняя ночь на Иссык-Куле, веранда в саду гостевого дома. В свете полной луны сквозь листья деревьев просматривается снежный пик, гордо упирающийся в звездное небо. Дурманящий аромат свежего кофе смешивается с терпким запахом созревших над головами яблок – идиллия ощущений, которыми можно просто наслаждаться. Мы же обсуждаем вполне реальную проблему – как быть с Сергеем: сейчас или утром везти в Бишкек. Тянь, как самый далекий от медицины из всех присутствующих, начинает возмущаться:

- Ну все сделали, чтобы инвалидам комфортно было и не случилось ничего, а тут здоровые сдают и диагноз не определяется. Решайте, мужики, кто его завтра сопровождать будет, а кто останется на Shou Must Go On.

- Не торопись, путник, ботинки протрешь, – вступает Нурлан, – утро завтрака мудренее. Сдается мне, что это реакция на какое-то переутомление или стресс, который был не так давно. Ты чо думаешь, Долон?

- А я думаю, что спортсмены в чем-то по клинике похожи на наших (оба работают в стрессо-шоковом наркологическом центре), у спортсменов и моральное истощение, и передоз нагрузок, и ...

- Э-э-э, господа врачи, – по-азиатски неинтеллигентно вступаю я, – так Серега в прошлом месяце два семитысячника сделал, вот вам стресс первоподъема и передоз перенагрузки. А тут еще и по полтиннику километров ежедневно, так что подошва на кроссовках горит.

- Если так, то к утру полегчает, а там и оклемается, – продолжает Долон, – его бы морально встряхнуть...

- Не надо его трясти, он и так лечил себя наравне с вами. Пошли, однако, спать, как Нурлан сказал, мудро завтракать утреннее!

Мы с Тянем пробираемся в темную комнату, где спит Серега и бдит Женя, укладываемся по своим койкам и засыпаем, завтра опять в дорогу...

Часа через два я просыпаюсь, почувствовав движение в абсолютно темной комнате. Женя крадется к соседней койке, где Тянь храпит, как тяжелый танк, заправленный некачественной соляжкой. Сиделка решает разобраться с этим исчадием адских звуков, мешающих спать его подопечному, причем в полной уверенности, что это храплю именно я. Трясет за плечо, вкрадчиво приговаривая: «Петька, перевернись!» Пауза, затем Саня то ли во сне, то ли спросонья изрекает сакрамен-

тальную фразу: «Это что, угроза?» На секунду «Бонд» остолбенел от неожиданности. Темнота взорвалась гомерическим хохотом больного, Серега ржал уже как совершенно здоровый человек. Тянь стойко продолжал спать, и через пять минут все остальные тоже уgomинились. Утром температуры у Сереги не было, и консилиум врачей дал добро на продолжение пробега, но только в обозе. У меня возник вопрос по поводу его ночного истерического смеха, ведь не так смешно Тянь ответил «Бонду», и не так сильно тот испугался, да и темнота была кромешная. Зато какой смешной храп был... И в контексте его высокотемпературного полубреда-полусна Серега готов пояснить ситуацию, чтобы реабилитировать свою перенасыщенную медикаментами в последние сутки крышу, на которую некоторые уже успели плохо подумать. Во всем, оказывается, виноват бультерьер, вернее бультерьериха Гира. На таком заявлении у Тяня показно тухнут глаза. Все утро он (его храп и последующие разборки) был героем удивительного выздоровления, а теперь главная роль уплывает к какой-то собаке. Серега переходит непосредственно к рассказу. В их семье всегда жаловали животных и вдобавок к сестренскому (находившемуся в попечении его сестры Марины) ротвейлера Заура прикупили ему бультерьера Гиру. Обычное в таких случаях соперничество брата с сестрой приняло соревновательный оттенок под девизом, чья собака лучше (все началось с полов: у нее кобель, у него сука). Серега не щадя сил вкладывал в Гиру душу, и по всем показателям от ужасности экстерьера (такая особая бультерьеровая красота) до физических кондиций и выдрессированности выигрывал у сестры с ее питомцем. Если бы не одно обстоятельство. Гира была добрая и ласковая, что для настоящей бойцовой собаки было крахом карьеры. Но самое обидное, эта недостойная представительница рода друзей человека проявляла свой бойцовский характер только в одном случае – когда ее пытались разбудить. Высокопородистая бестия (будучи еще зеленым щенком) приучила хозяев в зимний период позволять ей спать в коридоре у печки. В следующую зиму у печки уже законно спало ужасающе храпящее чудовище, которое (не то, что добрый Тянь) на компромиссы по поводу смены позиции не шло, и каждую зиму семья терпела этот храпокалипсис. Вот эта картина и снилась Сереге в момент, когда Женя в темноте подкрадывался к кровати. А теперь представьте: «Я во сне пытаюсь уговорить свою собаку не храпеть, она поднимает голову и голосом Тяня спрашивает:

— Это что, угроза?!» Я просыпаюсь и чувствую, как через хохот уходит вся моя хворь». Долон вступает с тирадой, что прав был он сегодняшней ночью, стресс выгнал хворь из в общем-то здорового тела. Храп победил болезнь.

В этой истории остался лишь один вопрос: чья это заслуга, Тяна или?..

150 МЕТРОВ КАК МЕРА МУЖСКОГО СЛОВА

Жизнь непростая (с другой стороны — простая) штука, и у каждого есть шанс оказаться в ней победителем или побежденным. Или наоборот. Не все и не всегда выглядит так явно, ведь даже в черно-белом кино присутствуют серые оттенки. Разделить эти категории пытались еще древние философы, средневековые прорицатели, писатели из прошлого и настоящего. Но каждый решает все сам за себя. Ведь по большому счету только сам человек по прошествии времени может сказать, ПРАВ ли он был в определенный момент, свернув наПРАВО или наЛЕВО, нажав или не нажав курок. Это испытание жизнью, и в конечном итоге так и определяется победитель или побежденный. И чем в более жестких условиях приходится принимать решение, тем больше вероятность (и это не парадокс) оказаться победителем. Наша жизнь, особенно в благополучных странах, течет все более размеренно и определенно. Рутинa засасывает. И при внешнем благополучии итог прожитых лет может оказаться никаким. И не всегда в этом вина человека, здесь влияет все — от расположения звезд (раскрученного пиаром) до бытовых случайностей (что более реально). Как у Булгакова: «Аннушка уже разлила масло...». И тем не менее во все времена находились люди, которые уходили, уплывали, улетали от обыденности — от философа Кампанеллы до Христофора Колумба или Юрия Гагарина. И в наше время есть такие места, где все по-другому, по-настоящему. Наверное, там настоящая жизнь, там реальные люди совершают поступки и чаще всего оказываются победителями, победителями по жизни. А иногда проигравшими...

Человек всегда жил в горах и даже поднимался на достаточно большие высоты, но только в XX веке альпинизм стал одним из символов человеческого мужества и степени развития общества в целом. Почему так случилось? Наверное, потому, что это оказалось одной из реальных возможностей вырваться из обыденности, перейти от горизонтального осоз-

нения к вертикальному мышлению. И те, кто смог подняться (как в спортивном, так и в человеческом смысле) до реальных высот, для своего общества, своей страны, становятся если не героями, то примерами точно. Особенно для молодежи, особенно там, где проблемы с отсутствием личностей в других областях человеческой деятельности.

Маленькая молодая независимая страна Кыргызстан стала настолько независимой, что попала в зависимость исключительно от помощи извне. Возможно, это объективный процесс, возможно, судьба, возможно, еще что-то. Но так или иначе сегодня общество (и из-за этого тоже) в большинстве своем пассивно. Оно задавлено текущими обстоятельствами, борьбой за выживание, ужасом внезапно сменившихся ценностей и многими другими факторами. И нет желания смотреть ни вперед, ни даже вокруг себя. А вокруг нас горы, и до сих пор туда уходят люди: спортсмены и специалисты, и, возможно, через их взгляд, общество все-таки научится смотреть вдаль. Ведь всегда с крыши видно дальше, чем из окна...

У нас не самые высокие горы в мире, но, говорят, самые красивые. Возможно. Это дело вкуса. Но мировая значимость Кыргызстана как горной державы неоспорима. А страны, даже имеющие примитивные (по нашим меркам) горные системы, такие как Альпы, давно выработали кодекс принадлежности к неформальному горному клубу. Одно из условий – покорение страной (экспедицией или в крайнем случае гражданином) одного из 14 восьмидесяти тысячников в Гималаях или Каракоруме, и только тогда страна может называться полноценной горной державой. Для нас переломным стал 1997 год, когда двое кыргызстанцев Михаил Михайлов и Дмитрий Греков в составе казахской экспедиции отправились на Эверест. Грекову повезло, и он смог взойти на высочайшую точку планеты. И его пример стал переломным для альпинизма Кыргызстана, находившегося к тому моменту в фазе абсолютной стагнации. Настолько ли одиозен Дима Греков как пример для общества в целом? Безусловно, он сильнейший альпинист, закаленный профессионал, монстр, побеждающий высоту, но, с другой стороны, он простой парень, о которых говорят «настоящий мужик», и среди нас такие все еще встречаются. Человек реально добился результата, сделал шаг, и теперь за ним идут другие. Реально пошли уже тогда, в 1997-м. Среди молодежи, которая оказалась на одной орбите с горным мэтром, был Сергей «Смычок» – студент-медик с наклонностями профессиональ-

ного спортсмена, на тот момент так и не решившего, кто же он, легкоатлет или биатлонист, или его больше тянет в горы? Греков с молодежью был крут, но доступен. И хотя в секции все были на «ты», но слово старшего тренера была категорией абсолютной, что объяснялось не только суперпрофессионализмом последнего, но и гималайским (эверестовским) авторитетом. Серега как типичный selfmade (сделавший сам себя) и не терпящий диктата в любой форме Диму воспринимал не как банального тренера, а как гуру с элементами панибратства. Чувствуя более чем симпатию к конкретному человеку, он пытался анализировать свое отношение. Почему Греков (не являясь образцово-показательным примером) имеет такой авторитет? Пожизненный Серегин друг Саша «Керим» как-то нечаянной фразой в момент тренировочного процесса вдруг все поставил на свои места: «Димка, он учит, а не поучает, и понты покорителя Эвереста остались где-то там, на страницах старых газет и еще в качестве примера для таких, как ты». Серега понял, что он никогда не предаст этого человека. Жизнь сложилась так, что испытания на предательство так и не случилось, а вот за свое слово Сереге пришлось отвечать. Наверное, это и был один из тех шагов, когда можно было пойти направо или налево (в нашем случае вверх или вниз).

В 2002-м Серега как альпинист дорос до серьезных гор. Греков, работавший летом в высотном лагере на Иныльчеке, взял его в свою бригаду в качестве доктора. Иныльчек – одно из самых интересных мест на планете. Огромный ледник разделяет два известных на весь мир пика Хан-Тенгри и Победу. Между ними расположены высотные лагеря, через которые в сезон проходят сотни альпинистов со всего мира. Сегодня, когда даже Гималаи являются практически общедоступными, к нам в Кыргызстан все равно едут горовосходители, потому что наши горы остаются востребованными в среде мировой альпинистской элиты. Так и работают местные альпинисты весь летний сезон: кто рабочим в лагере, кто портером, кто гидом, и все без исключения на спасательных работах. Во всей этой череде забот иногда удается выкроить окно, и тогда есть возможность совершить свое личное восхождение.

Так случилось и в этот раз. Дима повел своих ребят на Хан. Подробности восхождения опустим, так как не было в этот раз ничего из ряда вон выходящего, за исключением одного момента, произошедшего с Серегой. Группа достаточно комфортно переночевала в пещере, чуть выше перемычки, и

с рассветом вышла на штурм. Нормальная погода предполагала достаточно беспроblemный подъем на вершину. Все бы ничего, но, кроме Грекова, для всех остальных это было самое серьезное восхождение в их карьере. Не каждому в этот раз тропа оказалась по плечу. Дима дает команду: кто может идти быстрее, пусть уходит вперед, он же остается с аутсайдерами, и, скорее всего, они скоро повернут назад. Одно условие: 15.00 — точка возврата, и вне зависимости, в скольких метрах ты от вершины, обязан повернуть назад, чтобы засветло вернуться в штурмовой лагерь. Серега в тот день был точно в лучшем состоянии из всех и сразу ушел вперед от группы. Тропа проторена прошедшими накануне не то чехами, не то корейцами, идетя легко, вот только погода предательски начинает портиться. Жаль времени, потерянного при передвижении в группе. Эх, если бы с утра шел в своем темпе, наверное, был бы уже на вершине. Стрелки предательским галопом несутся по циферблату, отметки альтиметра перемещаются черепахой. Часа в два Серега еще верил, что успеет на вершину. Далее был самый тяжелый час в его жизни. Это была борьба усталости со временем. И время как категория абсолютная, конечно же, взяло верх. В 15.00 он был всего в 150 метрах от вершины. Еще час, и цель была бы под ногами. Он почувствовал, что практически не устал, и предательская мысль посетила его светлую голову. Рядом никого нет, снизу его тоже не видят, а если и видят, то на край ему и часы потерять можно или подвести стрелки (дескать, замерзли и стали отставать). Но СТОП!!! Он дал Грекову слово... А с другой стороны, он в 150 метрах от мечты. Как быть? Вправо или влево? Вверх или вниз? Мечта или Слово? И тяжелое слово мужика на весах сомнений перевешивает призрачную и такую желанную, такую близкую мечту. Он поворачивает назад. Тропа вниз терзает переживаниями: вдруг такого случая больше не будет. И репутация человека, ходившего на Хан и не взошедшего на вершину, его не устраивает в собственных глазах. Он злится на себя, за свое же слово, но со сформулированной мыслью (в лучших традициях Керима), что тяжело в этой жизни быть настоящим мужиком, как-то сразу успокаивается. Он возвращается, потому что стержень в нем уже сильнее амбиций (хотя настоящему спортсмену без амбиций тоже никак). В снежной пещере над перемычкой его встречает Греков с публичной озвучкой тезиса, что он («Смычок») настоящий мужик и человек слова, а это дорожке «сделанной» горы. Наука для чайников.

Сергея понял, что был прав, через четыре дня, когда со второй попытки стоял на вершине Хана. Стоял вместе с Димой, и это был его первый семитысячник. Обычно большие горы все равно оказываются под ногами настоящих мужчин, если они действительно стремятся к вершине. Особенно когда умеют держать слово...

Раиса ТОЛКАЧЕВА

СОБЛАЗНИТЬ АДАМА

Сага об ирландских танцах

Я танцую ирландские танцы в свободное от работы время.

Нет, я не живу в Ирландии, я даже не из Европы. Но мне нравятся эти танцы...

Простые движения, никакой эротики. Так, наверное, танцевали во времена викингов.

Прямая спина, гордо поднятая голова, четкий шаг и завораживающая магическая музыка, которая длится бесконечно и которую можно слушать вечно.

И символично, что именно на занятиях танцами мне пришло сообщение: «Вы прошли конкурс. Просим вас явиться в Центр управления полетом».

Центр управления полетом.

«Поздравляем! Вы зачислены в отряд космонавтов-исследователей.

Подпишите контракт, что вы согласны со всеми требованиями полета. Явка завтра в 08.00 на исходной платформе. Минимум личных вещей. Все необходимое для полета, работы и проживания уже на борту. Успехов!»

Эта краткая, но содержательная речь пресс-секретаря Центра управления полетом вновь и вновь прокручивалась в моей голове, пока я проходила через все виды предполетного контроля...

Все! Наконец-то я в капсуле, которая доставит меня на борт корабля.

Прощайте, непроницаемые лица инструкторов, конструкторов, врачей, тренеров, психологов.

У них такие безразличные глаза и монотонные голоса. А может, они андройды?

Кайф! Как минимум месяц, а может быть, и больше, я в полете!

Никаких земных переживаний, потрясений. Все забыто, все позади. Через тернии к звездам!

«Per aspera ad astra!» – так вроде это звучит на латыни.

Кабина пилота.

Пусто.

«Все привычно, как в учебке. Удобно. А вот это что-то новенькое. Здорово! Мое лицо расплывается в довольной улыбке.

А где же командир?

Бесшумно открывается передняя панель, и я боковым зрением вижу справа от себя в кресле пилота мужчину средних лет.

От неожиданности я медленно поворачиваюсь к нему.

Вижу верхнюю половину его тела: широкие накаченные плечи, какие обычно изображают на рекламных плакатах фитнес-центров. Правильные черты лица. Бесстрастный взгляд небесно-голубых холодных глаз. «Чистый ариец», как сказал бы Parteigenosse Адольф Гитлер.

Минуту-полторы мы смотрим друг на друга. Он – выжидающе, я – оторопев. Вообще-то я, как младшая по званию, должна была представиться первой. Наконец, я опомнилась и начала:

«Извините, сэр, разрешите...»

Он перебил: «Не надо, садитесь» и жестом указал мне на кресло слева от меня. Я села и смотрела на него уже снизу вверх, лучше бы я стояла!

«Чистый ариец» без особого интереса осмотрел меня и спросил: «Сержант, вы ознакомлены с приказом командования и требованиями центра?»

Я коротко: «Да, сэр!», а сама думаю, знает мое звание, хотя я в штатском. Да и сам без формы.

Интересно, а какое у него звание?

«Чистый ариец», словно прочитав мои мысли, произнес: «Я Пол Ринг. Обращайтесь ко мне – командор. Мое звание не должно вас беспокоить».

Я быстро: «Да, сэр!»

Еще бы я беспокоилась о твоём звании, командор. Понятно, что ты уже не сержант!

«Ариец» безразличным тоном робота-автомата продолжал: «Справа от центрального входа ваше рабочее место. Нажмете ту зеленую кнопку, откроется вход в вашу комнату отдыха, там душ, выход в спортзал. Слева от входа – моя половина. Центральная часть – конференц-зал, дальше – лаборатория».

В голове промелькнуло – как в юрте: справа – женская половина, слева – мужская, центр – для гостей.

Командор: «Конструкция корабля немного устаревшая, но зато простая и безотказная. Итак, десять минут на ознакомление с кораблем – и за работу».

Третий день полета.

Все тихо, стабильно. Все по плану, по распоряжку корабля.

Контроль над приборами, исследования в лаборатории, тренировки в спортзале, обед по расписанию.

Такое чувство, что я все еще в учебке. А может, я все еще на Земле? А виды из иллюминатора – это хорошо смонтированный иллюзион? Да нет, вроде мы в космосе.

Прошла неделя.

За все это время я только и говорила: «Есть, сэр!», «Да, сэр!», «Спасибо, сэр!»

Можно было вообще не говорить: нажимаешь на кнопки, касаешься экрана.

Работа с приборами отвлекает от всех размышлений. Только и думаешь, что делать, что нажимать, чего касаться. А если поставить управление на автомат, то можно и не думать: задал программу и занимайся своими делами. Если что-то пошло не так, замигает красная кнопка – для глухих, заговорит автопилот – для зрячих, начнется вибрация – для слепоглохонемых.

Я спокойна, как во время медитации. Я в зоне недосягаемости для всех моих друзей, врагов, печалей и радостей. Я становлюсь похожа на моего командора «арийца». Мне кажется, даже мои каре-зеленые, болотного цвета глаза становятся такими же холодными, как у командора.

Я привыкла жить, общаясь только с монитором, расслабляясь только на тренажерах. Меня все устраивает.

Находясь здесь, ясно представляешь, что значит жить в параллельных мирах. Вот мы с командором вроде живем на одном корабле, но нигде не пересекаемся. Иногда я вижу его бритый затылок, иногда его сосредоточенный взгляд, но меня это не касается.

А где-то на Земле или еще какой-нибудь планете течет своя жизнь, но мы никак не влияем друг на друга. И оттого, что в Сахаре жара, мне не становится жарче здесь.

Восьмой день полета.

У меня сегодня строго конфиденциальный разговор с Центром управления полета.

Включаю монитор. Вижу силуэт фигуры моего научного руководителя. Слышу его измененный датчиками голос: «Здравствуйте, сержант. Как прошла адаптация?»

Я: «Спасибо, сэр, все хорошо».

Центр: «Тогда приступайте к основному пункту вашего задания. Инструкцию мы переслали вам по почте. Откройте свой почтовый ящик. Будут вопросы, обращайтесь. Конец связи».

Открываю почту, читаю дословно: «Эксперимент: соблазнить Адама. Ева (вы) должна соблазнить (вступить в связь) Адама (командора)».

Сижу, тупо уставившись на монитор, и автоматически перечитываю:

«...Эксперимент: соблазнить... вступить...»

А может, вам еще и забеременеть?

О-ФИ-ГЕ-ТЬ!

Я поднимаю глаза, смотрю на «чистого арийца», а он удивленно на меня. И я понимаю, что последнее слово я сказала вслух и он это услышал. Слышу в наушниках голос командора: «Сержант, есть проблемы?»

Я поспешно опускаю голову: «Нет, сэр».

Рука автоматически тянется к пульту. Нажимаю кнопку: «Вызов. Центр».

Центр, видимо, ожидал этого звонка и мгновенно на мониторе появляется фигура руководителя.

— Да, сержант, у вас возникли вопросы?

— Возникли. Что это за чушь вы мне тут написали?

— Вы плохо понимаете английский?

- Я прекрасно понимаю английский!
- Тогда в чем дело? Вы подписывали контракт, что согласны на эксперимент?
- Да, но вы не говорили о таких подробностях.
- А вы и не спрашивали, сержант. Вы просто согласились со всеми условиями контракта. Заново пересмотрите контракт и принимайтесь за дело. Вопросы есть?
- Есть. Почему я?
- Объясняю: наш выбор пал на вас, потому что, во-первых, вы физически абсолютно, насколько это возможно в наше время, здоровы. Во-вторых, вы прошли по психопараметрам: вы коммуникабельны и можете пойти на компромисс, ответственны, с вами комфортно, у вас прекрасное чувство юмора. В-третьих, и это самое главное, вы появились на свет естественным путем, без ЭКО и кесарева сечения. Другие достойные претендентки не прошли по этому показателю.
- А командор знает об этом эксперименте?
- Он знает, что у вас особое задание на корабле, но в детали эксперимента не посвящен. Все должно пройти естественным путем, просто, ненавязчиво, как на Земле, как в вашей деревне.
- Я вообще-то из города.
- Да-да, из города, где все друг друга знают, здороваются на улицах... Будьте собой, мужчин это привлекает.
- Могу я отказаться?
- Нет, сержант, не можете. Отказ от выполнения приказа грозит трибуналом. Вы знаете об этом?
- Да, сэр.
- Тогда выполняйте приказ, сержант, и не забывайте, что вы сержант. О работе докладывайте в установленном порядке. Конец связи.

Я чувствую, как краснею, как поднимается температура, как бешено стучит сердце.

От злости я сжимаю кулаки и изо всех сил бью по поручням кресла. Так хотелось разбить этот монитор. Замигала красная кнопка. В наушниках слышу беспристрастный голос командора: «Сержант, с вами все в порядке?» Я, не поднимая головы, выдыхаю: «Да, сэр». Надо сходить в спортзал, побить грушу. Была бы дома – всю посуду бы перебила.

Быстро закрываю почту, ставлю управление на автомат и говорю командиру: «Сэр, разрешите 30 минут тайм-аут?» Он кивает головой, даже не оборачиваясь ко мне: «Да, идите».

В тренажерном отсеке я расслабляюсь по полной программе. Перехожу от снаряда к снаряду, разговариваю сама с собой во весь голос. Только здесь я могу это себе позволить. Бодрая музыка и гул двигателей заглушают мою пламенную речь.

Спокойно, сержант, спокойно. Давай с самого начала. Итак, это долбанутое задание. Ну, конечно, кому они могли еще дать такое задание, если не мне. Нашли Еву, мать вашу. А расхвалил-то меня как: «С вами комфортно!» Будто я мебель. Ладно, мебель, проехали, на таких не обижаются. Естественным путем, как на Земле, как в моей родной деревне?

Ну, мой дорогой, в моей родной деревне для этого надо как минимум сходить на дискотеку, пригласить на день рождения, пообщаться в соцсетях, наконец. И потом, у нас, вообще-то, мужчина должен сделать первый шаг или хотя бы показать свою заинтересованность в этом вопросе. Конечно, женщина тоже может повилать хвостом перед носом нужных ей мужчин. Но это не мой случай.

...А если это просто розыгрыш? Проверяют мою реакцию на это шоу? Ну не может же быть такого задания в такой серьезной экспедиции?! Конечно, это розыгрыш, тупой розыгрыш. Ладно, сделаем вид, что я им поверила.

И я, уставшая после интенсивной тренировки, приняла душ, прилегла на кушетку, чтобы чуть-чуть отдохнуть, и уснула. У меня это бывает: после эмоциональных перегрузок мне достаточно только поспать, и я в порядке.

Не знаю, сколько я спала, но проснулась от того, что кто-то теребит меня за руку. Я быстро вскочила и сильно ударила головой о лоб командора. От боли я зажмурилась и ойкнула, а командор, отвернувшись, сказал: «Сержант, ваш тайм-аут давно закончился. Одевайтесь и замените меня».

Он вышел, я осмотрелась: везде разбросана моя одежда, а я в трусах и футболке. Как стыдно.

И время прошло уже больше часа. Понятно, что он забеспокоился. Наверное, подумал: сдох мой сержант космической службы, не вынес перегрузок! Ну ладно, я быстро.

Душ и сон хорошо освежили меня. Я спокойно сидела в своем кресле, наблюдая за работой приборов. Корабль идет по намеченному курсу, аппаратура работает нормально, я тоже в норме.

Я успокоилась и решила принять игру центра. Они хотят поразвлечься? Пожалуйста, развлекайтесь, но без моего участия.

А я буду изучать жизнь и размножение моих любимых микробов. Как-никак я биолог по специальности.

Прошли сутки. На моем мониторе замигала кнопка вызова Центра управления. Ага, интересуются экспериментом? Ну-ну. Включаю связь.

Центр: – Ну как дела, сержант?

Я: – Спасибо, сэр, все хорошо.

Центр: – Как эксперимент?

Я: – Продвигаемся, сэр.

Центр: – Будут вопросы, звоните. Конец связи.

Снова упало настроение. Так и хочется кого-нибудь побить. Интересно, а он видел мою кривую улыбку на лице? Свое-то лицо он хорошо замаскировал.

Нет, надо сходить в спортзал, иначе я все тут переломаяю. И даже все микробы мои передохнут, если я сейчас пойду в лабораторию.

Снова прошу тайм-аут у командора. Он медленно поднимает на меня свой ничего не говорящий взгляд, молча кивает мне и продолжает свою работу.

Брр... какой неприятный взгляд. Так смотрят на надоевшую муху за стеклом: убить невозможно и достала уже своим жужжанием. И я его еще должна соблазнить?

Пошла я в спортзал, включила музыку, легла на пол и уснула. Проснулась от того, что кто-то легонько трогает меня за ноги. Открываю глаза: надо мной возвышается «чистый ариец» и тихонько своим ботинком толкает мои ноги: «Сержант, в чем дело? Почему вы на полу? С вами все в порядке?»

Я отвечаю: «Да, сэр» и продолжаю лежать.

Он осторожно наклоняется ко мне и проверяет пульс на руке: «Сержант, спортзал – место для тренировок, а не для

сна. Поднимайтесь и идите спать в свой отсек».

Легким движением руки он поднимает меня, ставит на ноги и выталкивает из спортзала.

В более глупом положении я еще не была. Сходила в душ, легла спать, но уснуть так и не смогла. Все думала-думала. Но так ничего и не придумала.

Прошли сутки.

Снова вызов. Центр интересуется экспериментом. Сделала морду кирпичом, провела дыхательную гимнастику, включила связь.

Центр: – Здравствуйте, сержант. Как дела?

Я: – Спасибо, все хорошо.

Центр: – Что вы сделали за прошедшие сутки?

Я: – Я изучала объект моих исследований.

Центр: – Что узнали?

Я: – Ничего. Не могли ли вы дать о нем хоть какую-нибудь информацию?

Центр: – Например, какую?

Я: – Ну... Дату, место его рождения, родной язык, семейное положение, увлечения. Я бы составила гороскоп совместимости, вычислила бы все его слабые места и сильные стороны. Подходим мы друг другу или...

Центр: – Сержант, перестаньте молоть чепуху. Суть эксперимента в том и заключается, что вы о нем ничего не знаете. Вы сами должны о нем все узнать, расположить его к себе, влюбить его в себя, наконец.

Я: – Сэр, это невозможно.

Центр: – Почему?

Я: – Потому что он смотрит только на монитор, разговаривает только с приборами. Меня он вообще не замечает. Он голубой или асексуал?

Центр: – Успокойтесь, с ориентацией у него все в норме. Но свою работу он действительно любит больше всего. И вы эту жизнь должны разнообразить. Конец связи.

Тупо смотрю на экран. Вот вы, сэр, и разнообразьте его жизнь!

...Ну что это? Он снова испортил настроение. Черт знает что это такое!

Я от злости колочу по поручням кресла и кричу от боли. Кажется, я сломала руку. Как больно!

Слышу в наушниках голос командора: «Сержант, в чем дело?»

Поднимаю глаза. С монитора на меня смотрит удивленное лицо командора: «Вы плачете?»

Нет, блин, радуюсь!

Командор: «Сержант, может, вам сходить в спортзал?»

Я: «Да, сэр».

Командор: «Идите. Тайм-аут 30 минут».

Я поспешно ухожу в спортзал и, минуя его, иду в душ. Так и стояла бы под водой вечно. Но, к сожалению, в этих условиях это невозможно. Одеваюсь, иду в лабораторию.

Бессмысленно рассматриваю в микроскоп движение микроорганизмов. Интересно, а у них тоже есть какой-нибудь неприятный босс, который командует ими, учит их, как жить, что делать?

Успокойся, мы же договорились, что валяем дурочку! Напиши им, что он взял тебя за руку, коснулся еще каких-нибудь частей тела, только не ботинком. В конце концов, напиши им, что у вас был невероятный, космический секс. Кто будет проверять?

Полностью успокоившись, возвращаюсь в кабину пилота и, не глядя на командора, докладываю, что принимаю смену, а он может идти отдыхать.

Теперь я тоже не буду на него смотреть. Он для меня тоже что-то вроде мебели: шкаф с антресолями, только ходячий, вернее сидячий. Здесь много не походишь.

Прошли сутки.

Вызывает центр:

– Как дела, сержант?

Я: – Спасибо, сэр, все хорошо.

Центр: – А почему только хорошо? Почему не отлично?

Я: – Все отлично, сэр!

Центр: – Так-то лучше. Докладывайте, что сделано?

Я: – Сделано много, сэр, но предстоит сделать еще больше.

Центр: – Звучит обнадеживающе. А теперь конкретнее.

Я: – Он на меня внимательно посмотрел и спросил: как вы себя чувствуете, сержант?

Центр: – И?..

Я: – И?.. Все!

Центр: – Ошеломляющие успехи! Действуйте, сержант, действуйте. Конец связи.

Блин! Как болят руки, ладони опухли. Может, трещина или растяжение?

Впервые после разговора с центром я не отпрашиваюсь в спортзал, не иду в душ.

Сажу как прикованная к монитору, ни о чем не думаю и никуда не смотрю.

Командор что-то говорит мне, но я его не слышу. Я смотрю, как смешно шевелятся его губы на экране.

Вдруг чья-то рука сильно сжимает мое плечо. Я вздрагиваю от неожиданности. Поднимаю лицо – командор. Он склоняется ко мне и тихо спрашивает меня: «В чем дело, сержант? Почему вы отключили связь? Вы не слышите моих приказов!»

Сам включает связь на пульте управления, внимательно смотрит мне в глаза: «Вы наглотались антидепрессантов?» Берет за руку, проверяет пульс: «Что это с вашими руками? Где это вы так ушиблись? В спортзале?»

Я послушно киваю головой.

«Кажется, у вас трещина. Больно?»

Я пожимаю плечами.

«Сейчас проверим. Да, есть небольшая трещина, но в основном ушиб. За неделю пройдет. Выпейте вот это и идите спать. Сегодня я за вас поработаю».

Я встаю, делаю шаг, спотыкаюсь о его ноги и падаю снова на ладони. Дико ору от боли. Теперь там точно трещина.

«Чистый ариец» подскочил. Впервые я увидела испуг в его глазах. Он поднял меня на руки, отнес в отсек, осторожно положил на кушетку и приказал не вставать.

Я с удовольствием подчинилась его приказу. Так приятно, когда тебя носят на руках.

С улыбкой на лице я уснула.

Проснулась от аварийной тревоги. Быстро вскочила, оделась и села на свое рабочее место: «Что случилось, командор?»

Командор: – Выспались, сержант?

Я: – Да, сэр! А почему тревога?

Командор: – Чтобы вас разбудить! Принимайте смену. Я спать.

Да, с чувством юмора у него тоже все в порядке.

Сижу за монитором с довольным лицом. Жизнь хороша, и жить хорошо. Все, что было вчера, там и осталось. А сегодня – новый день, новое время.

Снова загорается кнопка вызова Центра управления полетом. Интересуются моим экспериментом. Я решила не выходить на связь. Во-первых, у меня нет желания портить свое такое хорошее настроение. Во-вторых, командор отдыхает, и у меня после разговора с центром не будет возможности уйти в спортзал.

А в-третьих, идите вы все...

Прошли сутки.

На нашем фронте все без перемен. Загорелась кнопка вызова центра. Я быстро отключила звук, чтобы не слышал командор.

Слышу в наушниках голос командора: «Сержант, включите связь. Центр вызывает».

Я: «Да, сэр» и продолжаю заниматься своими делами...

Мое плечо сильно сжимает ладонь командора, и напряженный голос «арийца» сдержанно шепчет мне: «Я же вам сказал, сержант, центр вызывает!» Сам включает связь с центром и сидит рядом со мной, когда загорается экран.

Центр: – Добрый день, сержант! Привет, Пол!

Командор: – Привет, Рик.

Я молчу.

Центр: – Пол, вы свободны. Я по поводу эксперимента. Как дела, сержант?

Командор уходит. Я хмуро отвечаю: «Все хорошо, сэр».

Центр: – Если все хорошо, почему не выходите на связь, не читаете почту?

Я: – Болела.

Центр: – Чем?

Я поднимаю опухшие руки: – Травма руки, сэр. Трещина.

Центр: – А с головой у вас все в порядке?

Я: – Да, сэр.

Центр: – Вот и думайте головой, прежде чем ломать мебель в кабине пилота. Нет, сержант, вы не женщина! Вас надо было отправить в бойцовский клуб!

Странно, что это он так разбушевался, как латинос. Я внимательно рассматриваю на фигуре руководителя ту точку, где у него должно было быть сердце. Интересно, а он носит бронежилет?

– Сэр, я не смогу выполнить ваш приказ.

– Это не приказ. Это научный эксперимент. Вы должны практически доказать гипотезу, что нормальные мужчина и женщина, находясь вместе длительное время, обязательно вступят в связь.

– Сэр, это вообще-то аксиома. И это уже давно доказано. Но ключевое слово здесь «нормальные»: нормальные мужчина и женщина, нормальные условия. А ваш Адам ненормальный, вернее, он гений. И, как у всех гениальных людей, секс у него на последнем месте. Он увлечен своей работой. Меня нет в списке его увлечений. Я пас.

– Не истерите, сержант, включите мозги. Любая проститутка с улицы давно бы справилась с этим делом. Да еще за такие деньги. За такой гонорар вы и ваша семья безбедно проживут на Земле всю оставшуюся жизнь.

– Сэр, во-первых, я не проститутка. Во-вторых, у меня уже нет семьи, в-третьих, мне наплевать на ваши деньги. И в-четвертых, я отказываюсь участвовать в вашем эксперименте. Конец связи.

Я отключила связь раньше времени. В голове звучит обидное: «Да любая проститутка...»

По лицу текут слезы. Смотрю со злобой на экран и вижу удивленное лицо командора. Плевать, не буду отводить взгляд. Где-то я читала, что у древних народов смотреть прямо в глаза считалось великой дерзостью. За это повелитель мог казнить своего подданного. Пусть казнит. Командор первым отвел глаза, и через секунду я услышала в наушниках: «Сержант, через 10 минут пресс-конференция с Землей. Приведите себя в порядок. Встречаемся в конференц-зале».

Обычная пресс-конференция. Любопытные граждане задают вопросы. Ну а команда отвечает. Причем вопросы уже содержат ответы. Например, а правда ли, что вы делаете то и то? Вам нравится то и это?.. Тебе остается только сказать: да, правда, нет, может быть.

Наконец-то закончилась пресс-конференция. Можно уходить. Встаю.

Командор: – Садитесь, сержант, есть разговор.

Ну не день, а сплошная пресс-конференция. Все сегодня хотят со мной переговорить.

Сажусь и смотрю насмешливо прямо в глаза командору.

Командор устало: – Сержант, почему вы злитесь?

Я удивленно поднимаю брови: – Я?

Командор: – Да-да, вы. Вы постоянно злитесь и плачете после переговоров с центром. У вас проблемы?

Я молчу.

Командор: – Я могу вам помочь?

Я тяжело вздыхаю.

Командор: – Это связано с вашим экспериментом?

Слово «эксперимент» больно бьет меня по самолюбию. Я опускаю голову, сильно прикусываю губу. Мне стыдно. Командор берет меня за руки: «Как рука? Прикладывайте мазь, быстрее пройдет. Если я могу вам чем-то помочь, обращайтесь». Уходит.

Интересно, командор, как же собираетесь мне помочь? Может, сами все за меня и делаете?

Прошли сутки.

Весь день размышляю над экспериментом.

Почему центр так упорно настаивает на эксперименте соблазнить Адама?

Адам – это командор, весь такой правильный.

Ева – это я, вся такая простая, как три копейки.

А центр – это кто? Змей-искуситель?

Зачем им это надо? Должна же быть какая-то причина.

Во-первых, это может быть просто реалити-шоу в космических масштабах. Кто-то хочет повеселиться. Во-вторых,

может, его, командора, хотят просто дискредитировать, опорочить его «облико морале». В-третьих, они хотят, чтобы я своими приставаниями и истериками не дала ему выполнить его задание.

Ведь он сказал: у меня своих дел на борту хватает. Если он не выполнит свое задание или выполнит плохо, его как минимум спишут за профнепригодность. А я здесь просто подсадная утка, выполняющая роль «палки в колесах». Да. Два против одного. Или шоу, или дискредитация. В любом случае я в этом не участвую.

Надо же, он мне даже начинает нравиться. Весь такой спокойный, невозмутимый, молчаливый. Не люблю болтливых мужиков. Для болтовни есть женщина.

И кому же ты помешал, мой командор? Кому дорогу пересек? И как же мне помочь тебе?

Вдруг командор поворачивается ко мне, и в наушниках я слышу его напряженный голос: «Сержант, в чем дело?»

Я оторопела: – Ни в чем.

Командор: – Тогда какого... вы постоянно рассматриваете меня?! Вам что, заняться нечем?

Я автоматически отвечаю: – Есть чем.

Командор: – Вот и занимайтесь своим делом! А я вам не музейный экспонат. Не надо меня разглядывать.

Я: – Извините, сэр.

Командор: – Работайте!

Вот всегда так, хочешь как лучше, а получается!.. Встаю, иду в лабораторию. Слышу в наушниках голос командора: «Сержант, извините, я вас обидел? Если вам так нравится смотреть на меня – смотрите. Я не растаю».

Я оборачиваюсь и вижу его довольное лицо: «Спасибо, сэр». На душе сразу стало так легко.

Скоро связь с центром. Решаю опередить их и отправляю по почте свой отчет об эксперименте.

По крайней мере, не буду врать вслух.

Прошло трое суток. Пишу обстоятельные психологические отчеты о своих успехах в проведении эксперимента. Центр требует видеоотчет. Где я тебе его возьму? Тяну время, насколько это возможно.

Центр не выдержал первым. Видеовызов. Центр на связи.

Я с приветливой улыбкой: – Здравствуйте, сэр!

Центр: – Здравствуйте, как успехи?

Я: – Все хорошо. Все по плану. Работаю.

Центр: – Не вижу. Где видео всех ваших достижений?

Я: – Будет, сэр.

Центр: – Когда? Сержант, вы саботируете проект! Вы знаете, чем это вам грозит?

Я: – Догадываюсь, сэр.

Центр: – В вашем распоряжении еще сутки. Если за это время не будет видео, вас спишут на Землю с далеко идущими для вас последствиями. Конец связи.

Монитор погас. А я все еще бессмысленно смотрю на темный экран.

Вот и все. Пора собирать вещи. Жаль, командор, в другое время и в другом месте я бы станцевала перед вами джигу. Но не в этой жизни.

Разглядываю себя в зеркальце: да, мать, не получилась из тебя Ева. Как говорится, вся Библия насмарку.

Все управление перевожу на автомат и, не спрашивая разрешения командора, покидаю кабину пилота. Вот и все, сержант космической службы. Ты навсегда останешься сержантом. А, нет, тебя разжалуют в рядовые!

Иду в свой любимый спортзал, бью свою любимую грушу, потом – душ, потом – лаборатория.

Потом душещипательные беседы с моими микробами. Да, сержант, говорили же тебе: включи мозги, а ты по ошибке включила еще и сердце. Вот поэтому ты и не смогла выполнить задание.

Ну скажи, только честно: он тебе понравился? Да-да, не ври себе. Тем более он об этом никогда не узнает. Только ты такая допотопная из своей допотопной страны могла влюбиться в человека, который даже ни разу не назвал тебя по имени. Да, любовь зла. А твои принципы мешают только тебе. Так тебе и надо! Пошла я спать.

Просыпаюсь от того, что командор трясет меня за плечи: «В чем дело, сержант? Вас даже аварийная сирена не разбудила! Через час по нашей траектории проходит корабль. Собирайте вещи. Центр возвращает вас на Землю».

На Землю – так на Землю. И на Земле есть жизнь.
Сижу в своем отсеке до последнего. Ухожу не оглядываясь и не прощаясь.

Шепчу про себя: «Господи, у меня к Тебе есть личная просьба: пусть у него все будет хорошо. А я и на Земле не пропаду».

Через десять месяцев. Центр управления полетом. Пресс-конференция.

– Пол, поздравляем вас с успешным завершением полета и очередным повышением звания.

– Спасибо, сэр. Спасибо, Рик.

– Да, Пол, я, как твой старинный друг, хочу преподнести тебе еще один подарок – видео с твоим участием.

– Да? И когда это я успел сняться в видео?

Это твой предпоследний полет. Так, смонтировал сам, посмотри на досуге.

Центр. Следующее утро.

Пол: – Рик, объясни для тупых. Для чего ты устроил это шоу с экспериментом? И почему пострадала та девчонка?

Рик: – Понимаешь, Пол, эта девчонка танцует ирландские танцы. А моя бабушка, ирландка по происхождению, всегда говорила мне: «Сынок, жениться надо на девушке, которая умеет танцевать джигу».

Пол: – Что это за джига?

Рик: – Это ирландский танец. Так вот, моя бабушка говорила: «Если девушка танцует джигу, она родит тебе крепких деток, не будет сидеть у тебя на шее, сумеет постоять за себя и за семью».

Пол: – Что-то я тебя не понял, Рик. Ты вроде уже женат. Или ты хочешь стать мусульманином?

Рик: – К сожалению, эта девушка не из тех, которые стерпят десять жен в гареме. Вообще-то я старался для тебя. Думаю, ты обязательно заметишь такую девушку. Как она вокруг тебя увивалась.

Пол: – Увивалась? Вокруг меня? Что-то я этого вообще не приметил. Ну ладно, а где она сейчас? Надеюсь, с ней все в порядке?

Рик: – Да, с ней все хорошо. Ее списали за профнепригодность на Землю, и все.

Пол: – Поехали.

Рик: – Куда?

Пол: – Сам знаешь куда! К ней!

Рик: – Пол, ты хорошо подумал? Это не ближний свет. Это несколько часов самолетом, потом столько же автомобилем. И вообще, зачем она тебе? Ведь она не в твоём вкусе?

Пол: – Откуда ты знаешь о моих вкусах? Когда ближайший рейс до её деревни?

Рик: – Если хочешь, могу устроить прямо сейчас по служебному трафику.

Пол: – Хочу. Давай.

Высокогорное озеро. Пансионат-профилакторий для реабилитации астронавтов.

– Сестра, вас вызывают, примите больного.

Бегу вниз. Во дворе две полувоенные машины. Ко мне подходит сопровождающий с бумагами: «Сестра, оформите больного». Читаю: «Пол Ринг... астронавт... частичная парализация конечностей... курс реабилитации». Командор? Не может быть. Это ошибка!

Подхожу к инвалидному креслу. Боже, он ещё и в тёмных очках! Быстро снимаю очки. Слава богу! Он зрячий! Обнимаю его и шпарю скороговоркой: «В чём дело, командор, почему вы здесь? У вас же всё прошло нормально? Я смотрела трансляцию вашего возвращения и пресс-конференцию. Ну ничего, здесь хорошие врачи, вас быстро поставят на ноги!»

Мы смотрим друг на друга. Он выжидающе, я – с радостью. Теперь, когда он в инвалидном кресле, а я на каблуках, мы одного с ним роста.

Командор внимательно разглядывает меня и медленно говорит: «Сержант, совсем недавно я узнал о некоторых деталях вашего эксперимента на моем корабле».

Я улыбаюсь: «Да? Ну и что?»

Он, нахмутив брови: «А вот сейчас, когда я в инвалидном кресле, вы бы стали соблазнять меня?».

Я с улыбкой качаю головой: «Нет, сэр».

Он усмехается: «Почему? Потому что я инвалид?»

Я дерзко, глядя ему в глаза, говорю: «Сэр, я не умею соблазнять. И вообще, может, не надо этих прелюдий? Может, мы сразу уже и поженимся?»

Он с удивлением смотрит на меня, его глаза расширяются: «Ты выйдешь за меня замуж?»

Я: «Да. Но при одном условии».

Он: «Какое условие?»

Я: «Вы должны сказать, что любите меня!»

Он сильно сжимает мои руки, целует мои покрасневшие ладони и тихо говорит: «Сержант, я люблю тебя. Выходи за меня».

Встает на ноги и поднимает меня на руки. Сопровождающий открывает дверцу машины.

В машине Рик, сидя на переднем сиденье и постоянно оборачиваясь к нам, говорит и говорит не умолкая. Где я его видела? Да это же он, из Центра управления, который заставлял меня соблазнять Адама.

Я пытаюсь сказать: «А как же работа, дом?»

Рик: «По здешним обычаям они узнают об этом дня через два-три. Мы пригласим их на свадьбу. А пока мы уладим некоторые наши проблемы». Он хитро подмигивает мне. Я почему-то краснею.

Свадьба.

Зал полон друзей и сослуживцев Пола.

Я подхожу к микрофону: «По нашим обычаям невеста в день свадьбы должна станцевать перед женихом».

Пол кричит: «Надеюсь, это будет танец живота?» Зал одобрительно гудит.

Я дерзко: «Не надейся, не будет!»

Звучит воинственная ирландская музыка. Я начинаю танец.

Простые движения, никакой эротики. Так, наверное, танцевали во времена викингов.

Прямая спина, гордо поднятая голова, четкий шаг и завораживающая магическая музыка, которая длится бесконечно и которую можно слушать вечно.

Рик с сочувствием бьет по плечу Пола: «Такова жизнь, друг! Мужчина мечтает, чтобы женщина станцевала перед ним танец живота. Женщина хочет, чтобы мужчина сплясал с ней ирландскую джигу!»

Жолдошбай ОСМОНОВ

КОРОВА ОТ КОРОЛЕВЫ

Рассказ

Тимуру никогда даже не приходила в голову мысль о том, что он может оказаться в таком отдаленном, глухом селе, расположенном у самого подножия скалистых гор, среди орехового леса. До села Акжар, находящегося в ста километрах от районного центра, они доехали среди ночи, когда здешний люд уже готовился ко сну.

- Вот и приехали мы в село. Сегодня ты побудешь моим гостем, – сказал водитель Аскар. Тимур вошел в дом вслед за Аскаром, неся в руке свой чемодан.

- Сайкал, я привел гостя. В нашу школу прибыл новый учитель, – сообщил Аскар.

- Добро пожаловать к нам, уважаемый гость, проходите! – вежливо предложила молодая симпатичная женщина, накрывшая свою голову цветным платком.

- С нашим селом ты познакомишься завтра, когда рассветет. Я более чем уверен, что тебе понравятся здешние места. Немного поживешь тут, и тебе даже не захочется уезжать отсюда, – заметил Аскар.

Оттого, что был крайне утомлен долгой дорогой, Тимур лег и сразу заснул крепким сном, а когда утром проснулся, увидел, что солнце уже вовсю сияет в вышине. Выйдя из дома, Тимур ошеломленно застыл, словно не верил своим глазам. Раскидистые яблоневые деревья на просторном дворе Аскара нагнулись ветвями почти до земли, поблескивая красными, зелеными и желтыми яблоками. За забором, отделяющим дворик от фруктового сада, все утопало в разнообразии мелких плодов диких яблонь, вишен и орехов. Тимур вспомнил слова декана Сапарбаева, который говорил: «Арсланбоб – это

рай на Земле! Чудесная родина орехов и разнообразного лесного богатства».

Со стороны леса отчетливо раздавались разные голоса; чирикание и трели лесных пернатых, слившись воедино, создавали непривычную для городского слуха Тимура приятную умиротворяющую мелодию. Чуть в отдалении были видны лишь крыши нескольких домов, а все остальное утопало в бескрайней зелени садов и лесов.

После того как они позавтракали, попили чаю, Аскар пригласил Тимура в школу. Поскольку остались считанные дни до начала нового учебного года, все учителя – а их всего было одиннадцать – были уже на месте.

- Это хорошо, что ты решился приехать к нам. Отговариваясь, что мы находимся далеко, молодые учителя стараются не попасть к нам, – сказал директор школы Касымбек агай¹, человек лет пятидесяти, в очках. – О том, что ты приедешь к нам, меня оповестили заранее. Я сегодня же отведу тебя в дом, где тебе придется жить, познакомлю с Кайырнисой эже².

При входе в школу висела красивая вывеска, извещающая о том, что здесь находится средняя школа № 18 Катар-Жангак.

Кайырнисе эже было около семидесяти лет. Две ее дочери вышли замуж, а у нее на руках остался внук Айбек, учившийся в 6-м классе. Для Тимура приготовили маленькую двухкомнатную времянку, построенную возле большого дома.

Тем временем наступил сентябрь и торжественно начался новый учебный год. Тимур стал обучать учеников с 5-го по 10-й класс английскому языку. Во время уроков он начал широко применять все, чему сам обучился в университете, учитывая при этом ценные советы своих преподавателей и все методы и знания, приобретенные им во время прохождения практики. Открыл кружок для дополнительного обучения английскому языку.

- Ребята, если вы, кроме своего родного языка, кыргызского, освоите также русский и английский языки, то все будет замечательно. Есть такое выражение: сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек! Если знаете иностранные языки, это обязательно принесет пользу в вашей жизни, – часто по-

¹ Агай - уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине. Буквально: старший брат.

² Эже - уважительное обращение к старшей по возрасту женщине. В буквальном смысле: старшая сестра.

вторял Тимур перед уроками. То ли благодаря стараниям Тимура, то ли всеобщий энтузиазм учеников сказался на деле, в конце концов, появились первые признаки успехов в изучении английского языка.

Тимур вовсе не ограничился преподаванием английского языка в школе, а взялся за серьезное изучение жизни и быта сельских жителей. Иногда, когда у него появлялось свободное время, он ходил домой к водителю Аскару и подолгу с ним беседовал, получая удовольствие от общения. Аскар всякий раз шутливо напоминал жене: «Сайкал, ты подбери ему хорошую невесту в нашем селе. Я хочу его женить и навсегда оставить жить у нас в селе». На это Сайкал непременно отвечала: «Ну наверняка у нашего учителя есть девушка».

Напротив дома Кайырнисы эже проживала одинокая вдова, оставшаяся с тремя маленькими дочерьми и одним мальчиком. Старшая Сайрагуль училась в 6-м классе, а следующая, Кайыргуль, во втором классе. Шестилетняя Нургуль и младший сын Талант еще не пошли в школу. Как-то, когда они сидели за чаепитием втроем – Тимур, Кайырниса эже и ее внук Айбек, Тимур обратился к старухе с таким вопросом:

- Эне¹, я до сих пор ни разу не видел мужа нашей соседки. Он в другом месте работает, что ли?

- Это ты про несчастную Зымырат спрашиваешь? Муж ее был искусным мастером на все руки, исключительно трудолюбивым человеком. Как только построил свой дом, он тяжело заболел и слег в постель. Показывали его и докторам. Но все было тщетно. Он скончался в больнице. Видать, его сородичи со стороны жены живут крайне бедно. Да к тому же у каждой семьи имеются ведь и свои личные проблемы. Зымырат – бедная, довольно бойкая женщина. Вовсе не собирается отчаиваться, говорит, что она обязана поставить на ноги своих детей, из кожи вон лезет, все время не покладая рук работает. Своих детей, которые мал мала меньше и остались без отца, она одна растит, рвет себе жилы. Ничего, не зря ведь говорят, что придет время и сирота тоже встанет на ноги. Скоро ее дочери подрастут и станут помощницами во всем. Да пусть Бог даст ее дочерям и сыну долгой жизни! Ее дочери весьма умные и послушные создания. Говорят ведь, что плохо только умершему человеку. Безвредный уста² Калдарбай закончил

¹ Эне - в буквальном смысле: мать. Здесь - вежливое обращение к пожилой женщине. Энеке - ласкательно.

² Уста - мастер-умелец.

свой земной путь. Зымырат получает пособие на своих детей, какие-то гроши. Этой суммы не хватает ни на одежду, ни на еду! – подытожила старуха и тяжело вздохнула.

Однажды Тимур провел кружок и вернулся к себе домой поздно. Со стороны дома старухи был слышен громкий голос незнакомого человека. Через некоторое время зашел Айбек и пригласил Тимура на ужин. Тимур еще на пороге дома понял, что ветеринар Ашырбай со старухой вполне серьезно беседуют о корове. Почему-то Тимуру не хотелось присоединяться к изрядно выпившему человеку, и он немного поколебался, не решаясь войти в дом. А изнутри раздавался голос Ашырбая:

- Эне, говоря по-честному, мы, кыргызы, не умеем по достоинству ценить корову и ухаживать за ней как следует. Нет у нас полного представления о ней. Индийцы – вот кто умеет ценить корову по-настоящему. Корова для них является священной. Если она случайно забредет в их огород, они не станут ее выгонять, а терпеливо ждут, когда она вдоволь наестся травы и сама уйдет. А если корова лежит посреди дороги, то не только пешие люди, но даже находящиеся за рулем своей автомашины объезжают ее осторожно, не беспокоя звуковым сигналом клаксона. Индийцы особенно глубоко почитают корову за то, что она дает молоко. Корова, эне, если здраво рассуждать, она и есть живой ходячий молочный завод! Мы, кыргызы, как обращаемся с ней? Стоит ей перешагнуть через наш забор, готовы воткнуть ей в живот даже вилы. А коровы, живущие в Индии, счастливы бесконечно! – подытожив свой монолог, ветеринар Ашырбай, как бы подтверждая свои слова, решительно и залпом выпил стакан водки, а затем поморщился, изображая кислую рожу от неприятного вкуса. Снял с головы старый потный калпак и понюхал его.

- Энеке, я должен вам рассказать, что индийцы не едят говядину. Я же говорю, что они корову почитают как своего рода божество. Так что индийские коровы по сравнению с нашими коровами счастливые, везучие создания. Мы же, кыргызы, с удовольствием едим говядину. Если заглянешь к мясникам, то у них говядины гораздо больше, чем конины и баранины. Я уже пришел к такому выводу: думаю, что коровы, живущие в Кыргызстане, и есть самые несчастные создания Бога, энеке. Заметьте, корова ведь требует трепетного отношения к себе, и в самом деле она священное животное. Не зря говорят у нас: «Если сломается рог одной коровы, то у тысячи коров ноют рога». Если коровы почувствуют запах крови своего зарезанного сородича, они все вместе завоют таким протяжным мы-

чанием, что невыносимый звон будет стоять у людей в ушах. Кыргызы не догадываются об этом. А индийцы хорошо знают и сопереживают им, – заключил ветеринар Ашырбай.

- Да брось, что за бред ты несешь? Ты лучше помолись, – заметила старуха, не зная, куда себя деть от удивления.

- Милая бабушка, если вам так уж не верится, спросите у учителя.

- Сынок, ты позвал своего учителя на ужин? – спросила старуха, обращаясь к своему внуку.

Тимур, деланно кашлянув, прочищая горло, открыл дверь и вошел.

- Вот учитель, парень сам пришел, – Ашырбай протянул ему руку, не вставая с места. – Братишка, я рассказал этой старушке-неучу о том, как индийцы боготворят коров, а она никак не хочет понять. Вообще-то она не виновата. Раз старуха осталась необразованной и за всю жизнь ни разу не выехала за пределы села, откуда ей знать обо всем этом? – примирительно утешил себя ветеринар. – Кстати, индийцы все говорят на английском языке, я правильно говорю, братишка? – обратился он к Тимуру.

- Вы правы, Ашырбай аке¹. Индия 300 лет была колонией Англии, поэтому английский у них считается государственным языком.

- Вот, как вы убедились, эне, образованный человек знает обо всем. Как жаль, что я не живу в Индии! Там уж я точно был бы очень счастливым. Лечил бы их священных коров, стал бы очень уважаемым человеком, а самое главное – жил бы богато и широко! – мечтательно произнес Ашырбай. – Вот, к примеру, я сегодня сделал укол корове бабушки за свой счет. А она за это отблагодарила меня бутылкой водки и сунула в руки пятьдесят сомов. Это же глубоко несправедливо. Если бы вместо нее была индийская старушка, то вручила бы мне пять тысяч рупий. Я прав, братишка? – обратился ветеринар вопросительно, словно прося от него поддержки. Тот молча кивнул головой, выражая согласие с ним.

В этот миг Тимуру вспомнились строки из романа «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса. Точнее, слова Аурелиано Второго, который испуганно и с радостью кричал: «Плодитесь, коровы, жизнь коротка!» Вспомнив об этом, он улынулся. Почему-то в этот миг ветеринар Ашырбай был

¹ Аке - уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине. В буквальном смысле: старший брат.

похож как две капли воды на колумбийского ветеринара Аурелиано Второго.

- Самые счастливые коровы на свете – это индийские коровы, энеке. Лишь индийский народ способен их оценить по достоинству, почитать с глубоким благоговением. А мы не способны оценить их по достоинству.

- Агай, вправду индийцы с таким глубоким почтением относятся к коровам? – спросил Айбек у Тимура.

- Да, индийцы среди всех животных в мире коров считают священными, – ответил тот.

- А что индийский народ говорит на английском, тоже правда?

- В Индии и английский язык, и хинди являются государственными, – просветил тот школьника Айбека.

Так в селе проходили похожие друг на друга дни. Английский язык, который преподавал Тимур, превратился в любимый предмет школьников. Со временем значительно увеличилось количество членов его кружка. Директор школы Касымбек агай иногда даже стал приводить Тимура в пример, чтобы как-то пристыдить других учителей.

- Как бы ты хорошо ни знал английский язык, но если не знаешь математику, то ты никто! – обычно обиженно парировал на подобные замечания математик Сооронбай.

- Никто не выступает против тебя. Но ты тоже должен пробудить интерес учеников к математике. Однако ставить один учебный предмет выше другого никому не позволю! – решительно пресек директор школы все попытки Сооронбая.

Приближался уже Новый год, и все начали усиленно готовиться к его встрече. Ученикам младших классов была оказана материальная помощь профсоюзной организацией районного отдела образования, за счет чего были приготовлены специальные подарки из разнообразных сладостей и фруктов. За три дня до Нового года в школе провели праздник Елки. Этот новогодний праздник отличился тем, что впервые школьников поздравил с наступающим Новым годом не только Дед Мороз, но и пришедший вместе с ним Санта-Клаус. Но их отличие друг от друга было совсем небольшим: если Дед Мороз был в длинной шубе, то Санта-Клаус был одет в короткую зимнюю шубу типа полупальто. И еще одной особенностью этого праздника стало то, что поздравления прозвучали сразу

на двух языках – Дед Мороз поздравил детей на кыргызском языке, а Санта-Клаус – на английском.

Приход Санты-Клауса на новогодний праздник для школьников и их родителей стал из ряда вон выходящим, незабываемым событием. Санта-Клаус задавал ученикам старших классов вопросы на английском языке, затем раздавал свои подарки – тетради, ручки и книги – тем ученикам, которые бойко отвечали ему на английском языке. Согласно программе, подготовленной заранее, были спеты песни на кыргызском, русском и английском языках. Праздничный вечер удался на славу, были представлены танцы разных народов мира. Так ученики ушли на зимние каникулы.

Многодетная мать Зымырат работала в школе уборщицей.

Поскольку ранним утром и по вечерам она находилась в школе, иногда дети до ее возвращения оставались дома у старухи Кайырниси. Тимур после новогодней елки вернулся домой и застал в доме старухи детей Зымырат – дочь Кайыргуль и сына Таланта. После того как попили чаю все вместе во главе с Кайырнисой эже, Тимур Кайыргуль и ее братишку позвал к себе домой. Он им обоим дал по конфетке и обратился к Кайыргуль:

- Я завтра уеду в город. Во время каникул решил съездить к своим родителям и родным. Если я с тобой поделюсь одной тайной, ты сможешь ее держать при себе?

- Нет, никому не расскажу, агай, – Кайыргуль с удивлением посмотрела на Тимура.

- Я знаю об одной тайне, но доверю ее только тебе. В Великобритании живет королева по имени Елизавета. Она весьма уважаема среди англичан, и стар и млад величают ее «наша королева». Ее предки с давних пор правят Великобританией. Испокон веков королевская власть у них передается по наследству от родителей к детям как национальный символ и традиция. Ежегодно перед каждым Новым годом дети из разных уголков мира пишут письма королеве о своих сокровенных мечтах. Может быть, ты тоже напишешь письмо королеве? Как ты на это смотришь?

- Неужели королева Елизавета исполняет все их просьбы-мечты? – с недоверием спросила Кайыргуль.

- Вовсе нет, Кайыргуль. Но она ознакомится со всеми

письмами лично, а затем сама же решит, кому стоит дать ответ. Я расскажу тебе об одном известном случае. Однажды вся семья королевы собралась на обед, но лишь королева почему-то запаздывала. После долгого ожидания глава протокольной службы королевской семьи постучал в кабинет королевы и, открыв дверь, заглянул внутрь. И увидел то, что совсем не ожидал увидеть: он застал королеву Великобритании Елизавету плачущей в своем кабинете. Он обратился к ней:

- Что случилось, Ваше Величество? Случайно не заболели ли вы?!

- Нет, Ричард, со мной все в порядке. Но я только что услышала по радио о том, что сотни детей из африканского Конго голодают. В то время когда дети так измучены голодом, как я могу себе позволить спокойно есть и пить? Уважаемый Ричард, я вас прошу – закупите на мою зарплату продукты питания и в срочном порядке доставьте туда, обеспечьте тех детей питанием. Я очень прошу вас об этом, – велела королева.

- Ты оценила, насколько она милосердная, великодушная женщина? – спросил Тимур.

Кайыргуль минутку подумала и обратилась к Тимуру:

- Стоит ли по всяким мелочам отвлекать королеву, агай? У нее наверняка и без нас достаточно дел и хлопот.

- Конечно, ты все должна решать сама. Но я на твоём месте рискнул бы и написал королеве письмо с просьбой помочь приобрести корову, – заключил Тимур.

- О, было бы прекрасно иметь свою корову для нашей семьи! Тогда мы ни у кого никогда не просили бы ни молока, ни айрана¹, – мечтательно заметила Кайыргуль, глядя с нежностью на своего младшего братишку. – А не создаст ли такая просьба неудобства для королевы, как вы думаете, агай? – колеблясь, спросила Кайыргуль у Тимура.

- А ты сначала напиши письмо, потом будет видно. Может случиться так, что королева прочтет твоё письмо. Это же королева Великобритании! Конечно, я вообще не могу гарантировать, что все именно так и случится. Но все же стоит попытаться. Ты напиши письмо королеве и принеси его мне, не показывая больше никому. А я переведу письмо на родной язык королевы и отправлю письмо из города. Может быть, нам повезет. Но мы с тобой должны договориться – об этом письме никто, ни одна душа не должна знать, поняла?

Кайыргуль молча кивнула, выражая согласие.

¹ Айран - кислое молоко.

Наутро Кайыргуль спозаранку принесла своему учителю письмо, которое она написала на имя королевы. Вот так было написано в письме: «Высокочитимая королева Великобритании, Ваше Величество Елизавета! Я пишу вам письмо из Кыргызстана, свидетельствуя о своем глубоком уважении, заодно хочу поздравить вас с наступающим Новым годом. Я сочла необходимым поделиться с вами своей сокровенной мечтой. Моя мать одна растит трех дочерей и сына. Я с сестрой учусь в школе. А моя младшая сестренка и младший братик еще не ходят в школу, поскольку очень малы для этого. Моя мама иногда вслух мечтает и делится с нами своей мечтой приобрести корову. Но это выше наших возможностей. В селе многие держат коров, а у нас ее нет. Поэтому нам довольно часто приходится просить у кого-нибудь молоко и айран. Высокочитимая королева, я решила обратиться к вам всего лишь с одной просьбой: если вам это нетрудно, могли бы вы подарить нам корову? Впоследствии, когда я вырасту и начну самостоятельно работать, обещаю купить для вас такую же корову и вернуть ваши расходы. Кайыргуль Турдуматова, ученица 2-го класса средней школы Катар-Жангак, село Акжар, Кыргызстан».

Тимур перевел письмо Кайыргуль на английский язык сразу же при ней, а на второй день уехал в город. Оттуда он отправился напрямик к своему другу Александру, с которым они вместе воспитывались в детском доме.

- Приветствую, друг мой, как поживаешь? Что-то ты пропал надолго из виду! – говоря так, Саша встретил его с распростертыми объятиями.

- Поверь мне, друг мой, у меня сейчас дел выше головы. Да к тому же меня распределили в школу самого отдаленного села. Как только начались каникулы, я сразу же выехал сюда. Саша, если бы ты увидел село, где я работаю, ты почувствовал бы себя так, словно попал в какой-то сказочный мир. Удивительно красивая, чудная природа. Кругом высятся белоснежные горы, скалы, покрытые синими льдами. Кажется, стоит протянуть руку – и ты дотронешься до их. Я окончательно убедился в том, что Арсланбоб – уникальный край, словно рай на Земле. Сто раз был прав наш декан Сапарбаев, утверждая, что «человек, не побывавший в Арсланбобе, никогда не познает в полном объеме всех прелестей земной жизни». Даст бог, этим летом я обязательно приглашу вас вместе с Наташей к себе в гости!

Тимур еще долго рассказывал им с душой о своей шко-

ле, где он ныне работает, о бесхитростных, искренних людях, окружающих его в селе. Восхищался гостеприимностью и человечностью сельских жителей.

Жена Александра Наталья тоже была несказанно рада приходу Тимура в их дом. За обедом они вместе вспоминали о детском доме, о директоре Жапаре Садыкове, а также о его жене Сонунбу эже. Решили как-нибудь найти время и съездить к своим учителям, которые дали им всем образование и воспитали их.

- Саша, Наташа, вы мои самые близкие люди. Я ничего не могу скрыть от вас. Я хочу посоветоваться с вами об одной проблеме и выслушать ваш совет, – Тимур вытащил из кармана письмо Кайыргуль и протянул его Саше. Саша прочел молча и отдал письмо Наташе. Они не только втроем воспитывались в одном детском доме, но и вместе учились на факультете иностранных языков, с той лишь разницей, что Наташа училась на отделении французского языка. Этих супругов отличало то, что они говорили на кыргызском языке как на родном.

- Ну что вы скажете на это? – вопрошающе обратился к ним Тимур.

- Се ля ви, значит, Тимурчик! Я догадалась о твоём замысле. Я полностью поддерживаю тебя. Ты даже королеве Елизавете не даешь жить спокойно! – рассмеялась Наталья.

- А ты, Саша, что скажешь? – Тимур обратился к Александру.

- Ну раз поддержала мой ангел, куда я денусь? – в шутиловом тоне заключил Александр.

- Спасибо, друзья мои, за вашу поддержку! Я твердо верил в то, что вы поддержите меня. А остальную часть дела я вам объясню, – подытожил Тимур.

В село Акжар, расположенное в самой что ни на есть гуще Арсланбобского леса, Тимур прибыл накануне завершения зимних каникул. Кроме разнообразных мелких подарков, он подарил Айбеку кыргызско-английский словарь, а Кайырнисе эже вручил большой шелковый платок.

- Этот платок вам передала моя мама, – сказал Тимур.

- Спасибо, миленький мой! Как твои родители, живы-здоровы ли? А как они поживают? – Кайырнисе эже принялась живо интересоваться у Тимура о его родителях, о новостях в

городе, и они долго так просидели, беседуя на разнообразные темы.

Однажды произошло вот какое событие. Был воскресный день. Айбек и Тимур вывели из сарая коров, привязав их к колам у стены, подбросили им сена. Затем принялись чистить сарай от навоза. Поскольку стояли трескучие морозы зимнего чилде¹, лишь один раз ближе к полудню на недолгое время можно было выводить коров наружу, а затем отгоняли их к водопою, чтобы коровы немного побродили и могли хоть как-то размяться. Сразу же после полудня коров вновь загоняли в сараи, чтобы они не замерзли совсем, и вновь подкармливали их сеном.

Как только закончили уборку внутри сарая, Айбек ушел домой смотреть телевизор. Погода вновь нахмурилась, казалось, сейчас опять пойдет снег. Вокруг все лежало под снежным покровом, а поверхность открытой земли обледенела.

Тимур вдруг услышал детский плач со стороны улицы. Желая узнать, кто же так плачет, Тимур приоткрыл ворота и увидел Кайыргуль, идущую с верхней стороны. Девочка шла и редела во весь голос. В ее руках был желтый трехлитровый бидон, завернутый в большой шелковый платок матери. Руки и лицо ее покраснели от мороза; изрядно замерзшая, она, плача навзрыд, лила слезы ручьем.

Тимур пошел ей навстречу и, подойдя поближе, спросил:
- Что случилось, Кайыргуль? Замерзла, что ли, почему ты плачешь?

Увидев человека, сочувствующего ей, девочка стала рыдать пуше прежнего, словно желая излить всю свою обиду.

- Ох, такая беда случилась со мной... Поскользнулась и упала, разлив молоко. Мама отправила меня за молоком, чтобы замесить тесто для хлеба... Я не смогла донести его домой, теперь мама будет меня ругать! – Кайыргуль безутешно плакала, не в силах сдержаться.

- Не горюй, Кайыргуль, это не стоит того, чтобы плакать. Это же сушья чепуха! Я сейчас попрошу у Кайырниси эже молока, чтобы она тебе налила в бидон, – утешая девочку, Тимур завел ее в дом.

- Говорят ведь у нас, что, когда есть народ, даже лиса не останется голодной. Разлить молоко – это же сушья мелочь. Придет время, когда дочери Зымырат тоже вырастут и начнут жить в достатке, – ободряюще заметила старуха, а затем

¹ Чилде - сорок самых холодных дней по национальному летоисчислению.

обратилась к девочке: – А почему в такой холод отправили тебя, а не кого-нибудь постарше?

Кайыргуль умолкла и ничего не ответила.

– Ее сестры стесняются ходить по айлу и просить молока! – ответил за девочку внук старухи Айбек.

– А ты молчи, никто тебя не спрашивает! – старуха гневно прервала своего внука. Она покормила девочку с горячим чаем и, обогрев ее как следует, налила в ее бидон молока, после чего по указанию старухи Айбек пошел провожать девочку домой. Не имея своей коровы, семья Зымырат время от времени просила у односельчан налить им немного молока и айрана. А в зимнюю пору молока было недостаточно даже у тех, кто имел свою корову. Поэтому обеспечение своих детей молоком порой превращалось для всех сельчан в непростое дело.

Наконец лютые морозы остались далеко позади, наступила ранняя весна, когда вокруг повсюду зацвела зелень. На деревьях зашелестели листья, и вновь Арсланбобский край утонул в море зелени. Всюду расцвели яблони, вишни и боярышник. Сельчане начали обрабатывать огороды и сажать на грядках рассаду картофеля, всяких других съедобных плодов и ягод. На ветвях деревьев птицы свили гнезда, без устали чирикаая днем и ночью. Словом, вновь со всей силой зазвучала симфония жизни, прославляя живую природу и все живое на белом свете.

После праздника Дня Победы, 9 Мая, Тимур закончил урок и начал было уже готовиться к занятию в кружке, но неожиданно в кабинет английского языка ворвался изрядно запыхавшийся Айбек.

– Агай, какой-то англичанин привез корову с телятком для семьи Зымырат эже. Ветеринар Ашырбай велел мне срочно привести вас к ним!

– Да брось ты! Как ты узнал, что он англичанин?

– Как вы учите нас на уроках, он точно так же говорил на английском, – сообщил Айбек.

– Ну пойдем в таком случае, посмотрим. А как он привез корову с телятком? На чем? Или просто привел, ведя за веревку? – поинтересовался Тимур.

– Он привез корову на бортовой машине. Оказывается, крупная темная корова, да и теленок точно такой же масти,

как и его мать! – Айбек шел рядом с Тимуром и возбужденно рассказывал ему о том, что узнал сам.

- Агай, и у коровы, и у теленка на шеях повязаны колокольчики с красной ленточкой. Когда корова и теленок поворачивают головы, то раздается приятная звенящая мелодия, – восторженно заметил Айбек.

Когда они подошли к дому Зымырат, увидели, что у дома уже собралась большая толпа. Среди них были ветеринар Ашырбай, старуха Кайырниса, Зымырат со своими дочерьми, а также их соседи.

- Я впервые вижу такую породистую корову, хотя и проработал достаточно много лет ветеринаром! – восхищенно отозвался о корове Ашырбай, обходя ее вокруг.

- А вот и подошел наш переводчик! Братишка, родной мой, ты сам поговори с этим гостем, а то я ни одного слова из его галиматый так и не смог понять. Ты сам с ним поговори! – предложил Ашырбай Тимуру.

- Добро пожаловать в наше село, уважаемый гость! – когда Тимур так обратился к незнакомому человеку, тот очень обрадовался, словно нечаянно нашел нечто драгоценное, упавшее ему на голову с неба.

- Здравствуйте, слава богу, хорошо, что подошли вы! А то я, не зная, кому вручить подарок королевы, ломал голову, – искренне признался рыжий англичанин.

Они довольно долго беседовали. Гость вытащил из своего портфеля лист бумаги и протянул Тимуру. Тот прочел эту бумагу, и они вновь продолжили устную беседу, содержание которой так и осталось абсолютно непонятным для жителей села. Затем Тимур подошел к Кайыргуль, стоявшей рядом со своей мамой, и тихо шепнул ей на ухо:

- Вот видишь, королева Великобритании отправила вам корову с теленком!

У девочки, услышавшей эту весть, вмиг засияли глаза от неожиданного счастья. Маленькая Кайыргуль была вне себя от радости. И, не зная, как выразить свое счастье, она молча с той же счастливой улыбкой переводила взгляд то на корову с теленком, то на свою маму, то на Тимура. Ее детская радость в этот миг была поистине безграничной!

- Зымырат эже, вы вместе с Кайыргуль идите со мной, уважаемый гость зовет вас, – сообщил им Тимур и повел их к гостю.

К этому времени еще больше увеличилось количество зе-

вак, с удивлением глядящих на корову с телятком. Когда четверо чуть отделились от толпы, чтобы спокойно поговорить, Тимур с гостем вновь принялись разговаривать на непонятном для матери и ее дочери чужом языке. Затем Тимур обратился к Зымырат:

- Зымырат эже, Кайыргуль написала письмо королеве Англии. А я перевел его и перед Новым годом отправил по почте. Этот человек хочет вам вручить подарок королевы и поскорее отправиться в путь назад. Кайыргуль, ты вот сюда напиши свою фамилию и имя. Добавь сегодняшнюю дату и год. А письмо королевы, адресованное тебе, твой брат тебе передаст. Я потом прочту его и переведу. Я зову гостя зайти домой и выпить чаю, а он не соглашается ни в какую, – раздосадованный Тимур указал на бумаге тот пробел, где она должна была расписаться.

Беря в руки бумагу, англичанин погладил Кайыргуль по головке, а затем протянул ей новенький синий конверт.

В этот момент Зымырат, все так же пребывая в трансе, хотя пока еще и не догадывалась обо всем толком, все же встрепенулась, будто наконец придя в себя.

- Сейчас я вынесу нан-лепешку из дома, пусть он хотя бы лепешку испробует! – сказала она, глядя на Тимура. Тот обратился к гостю на его языке, передав просьбу Зымырат. Гость улыбнулся и что-то промолвил, будто выражая благодарность.

- Зымырат эже, гость говорит, что приехал сюда издалека, дорога дальняя, поэтому хочет добраться домой пораньше.

Англичанин подошел к Кайыргуль и стал говорить на своем языке. Тимур, находившийся рядом с ними, перевел его слова на кыргызский язык:

- Он говорит, что обо всем подробно написано в письме королевы.

После этого гость сел в кабину грузовой автомашины, на которой привез корову с телятком, и машина сразу же тронулась в путь.

- Зымырат эже, я хотел предупредить вас: будет гораздо лучше, если никто, кроме нас троих, не будет знать о том,

¹ Испробовать хлеба. В буквальном смысле: Нан ооз тийуу. Здесь: национально-этнографический атрибут. Согласно национальной традиции кыргызов, гостю, пришедшему домой, первым делом на пробу преподносится нан-лепешка, дабы он оценил хлебосольность этого дома, свидетельствующую о его гостеприимстве. (Примечание переводчика.)

что королева подарила вам корову с теленком. Гость очень просил, чтобы я разъяснил вам это. Королева не любит разглашать свои благотворительные дела. Теперь хочу прочесть вам письмо королевы, адресованное Кайыргуль, – говоря так, Тимур с предельной осторожностью вскрыл красивый синий конверт. – «Моя любимая маленькая доченька Кайыргуль! Я была очень рада получить твое письмо. Хочу тебя заверить, что впервые в своей жизни я получила письмо из Кыргызстана. Оказывается, я королева не только Великобритании, но являюсь и твоей королевой тоже. Я была чрезвычайно рада этому и горда таким открытием! За это выражаю тебе свою глубочайшую благодарность. После прочтения твоего письма мне не терпелось поскорее узнать побольше о Кыргызстане. Я восхищена и удивлена твоей родиной. Вершины Тянь-Шаньских, Памирских гор у самого синего неба, священное озеро Иссык-Куль и есть настоящее чудо на Земле. Кстати, я убедилась в правоте слов космонавта Алексея Леонова, говорившего о том, что из космоса Иссык-Кульское озеро смотрится как сердце человека. И в самом деле, даже на географической карте озеро выглядит именно так, как сердце. Моя любимая Кайыргуль, я тысячу раз благодарна твоему обещанию, что “когда вырастешь и начнешь работать, то купишь мне корову”. Эти твои слова придали мне неимоверную силу духа, доставили огромное моральное удовлетворение! Но так уж принято, что королеве нельзя возвращать обратно то, что она однажды уже подарила сама другим людям. Такой поступок не к лицу королеве и уронит ее честь. Пусть это останется моим подарком для тебя. Я прошу тебя лишь о том, чтобы ты всегда была послушной своей матери и училась хорошо, а к своим сестрам и брату относись с любовью и милосердием. Я верю в то, что чистый воздух и красивая природа Кыргызстана обязательно понравятся твоей корове и теленку. Твоя королева Елизавета».

Весть о том, что Зымырат неожиданно стала владелицей коровы с теленком, мгновенно распространилась по всему селу, и целый месяц люди только и говорили об этом. Даже имели место случаи, когда из соседних сел специально приезжали любопытствующие, дабы своими глазами увидеть эту дойную корову с теленком. Но как бы любопытные люди ни пытались узнать о том, кто и как подарил корову, ни один из них так и не получил ответа на свои вопросы. Слова ветеринара Ашырбая об особой редкой породистости коровы подтвер-

дились сразу же, когда Зымырат начала ее доить: удоиность оказалась куда выше, чем у местных коров. А смиренность коровы вовсе не вызывала сомнений.

- Эта корова не из обычных непородистых коров, а чистокровной породы. Если позволят обстоятельства, мы должны принять меры для того, чтобы умножить количество таких коров. Должны постараться получить от нее потомство, – говорил ветеринар Ашырбай.

- А, Зымырат, – однажды сказала старуха Кайырниса, пораженная до глубины души. – Говорят ведь, что особые приметы скота видны снаружи, а особенности человека находятся внутри. Ты лучше эти звенящие колокольчики убери с шеи своей коровы, а вместо них пристегни кёзмончок¹. Что-то чересчур многие начали интересоваться твоей коровой. Постарайся сберечь достаток для своих детей.

В тот же день Зымырат сняла с шеи коровы красные ленты с колокольчиками, а вместо них привязала маленькие, почти незаметные для стороннего глаза бусинки. Мать и ее дочь каждый божий день молились, прося Создателя одарить королеву долгой жизнью, от души благодарили ее за свое счастье.

Но никто, ни одна душа не догадывалась о том, что эта история, поразившая всех, – дело рук Тимура, начавшего свою трудовую деятельность в школе села Акжар, бывшего подкидыша, выросшего в детском доме, не знавшего, что такое родительская любовь. А сам Тимур сразу же догадался, что письмо королевы и красные ленты с колокольчиками – плоды фантазии Натальи...

Перевел с кыргызского **Мамасалы Апышев.**

¹ Кёзмончок - оберег. В буквальном смысле: глазки-бусинки. Согласно народному поверью, дабы уберечь от сглаза, люди прикрепляли незаметные бусинки на шею своих детей, на любимых конях и т. д.

Олег БОНДАРЕНКО

РАССКАЗЫ

НЕМНОГО ЛАГЕРНОГО

Присутствуют: премьер-министр и члены правительства, представители президента и парламента, руководители органов безопасности, Нацбанка.

Приглашены: главы Академии наук, Комитета по новым технологиям, эксперты.

Ведущий: (имя засекречено).

Тема: эффективность и целесообразность созданной в стране машины времени и выработка основ государственной политики в области ее применения.

ВЕДУЩИЙ: Все в сборе? Можно начинать?.. Сегодня у нас на повестке дня один вопрос: разработанная командой ученых полгода назад машина времени и как ее можно наилучшим образом использовать для нужд государства... [Возгласы удивления в зале, кто-то из собравшихся вскакивает в порыве чувств, министр по делам туризма падает в обморок.] Что? Ах, да... Гм, я понимаю, что не все присутствующие введены в курс дела. Возможно, ряд участников сегодняшнего заседания просто не осведомлен — и это естественно, ведь информация строго засекречена и представляет собой государственную тайну.

Как вы все помните, при входе в зал заседаний у каждого была отобрана подписка о неразглашении...

Гм. Так вот, такая машина создана — наконец-то! — и запатентована Госпатентом, и сейчас ведутся активные разработки направлений работы с ней... В государственном масштабе,

так сказать. Гм. Я сейчас предоставлю слово для доклада главе Комитета по новым технологиям.

ГЛАВА: Граждане и гражданки! Кхе-кхе [Прокашливается.] Наверное, во-первых, надо заметить, что машина времени — это не совсем правильное название. Я понимаю, оно навеяно традициями, фантастическими романами и фильмами... Но в действительности это не есть машина. Кхе-кхе. По крайней мере, не есть какой-либо цельный законченный малогабаритный прибор, как многие из вас себе представляют...

Корректнее говорить об определенной технологии. Новой технологии — ведь сейчас, как известно, цифра решает все. В нашем случае речь идет о комплексе оборудования, километрах павильонов, целой зоне с охраной по периметру и нескольких институтах обслуживающих специалистов...

Кхе-кхе. Данную технологию разработал коллектив единомышленников — молодых ученых на деньги, одолженные у Илона Маска, и нашему государству любезно предоставлен патент на все аспекты ее использования в настоящем и будущем.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА (ПО-ВИДИМОМУ, ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА): А где автор проекта? Непосредственный его разработчик? Он сегодня сюда приглашен?

ГЛАВА: К сожалению, господин Нифигас не смог почтить нас своим присутствием. Он заявил, что посылает все на (слово засекречено) и что ему нужно работать, пока прочие будут заседать. Однако он согласился направить к нам нескольких специалистов.

ВЕДУЩИЙ: Гм!.. Интересно было бы их послушать.

ГЛАВА: Конечно, конечно! Но всему свое время. Сперва я закончу, с вашего позволения... Кхе-кхе... Так вот, мы имеем дело с определенной продвинутой технологией, и у нее есть как плюсы, так и минусы. Плюсы заключаются в масштабности. С гордостью могу сказать, что отныне любое количество народа может быть одновременно отправлено в путешествие по времени — причем чем больше участников сразу подвержено воздействию технологии, тем дешевле получается отправка в пересчете на одну персону. Скажем, отправить одного — это то же самое по стоимости, что отправить население целой страны. И, как вы, кхе-кхе, понимаете, выгодно иметь дело со значительными массами людей.

Собственно, число лиц, которых можно переместить во времени сразу, в течение одной процедуры, неограниченно.

Оно зависит лишь от размера помещения, где концентрируется народ, – чем вместительнее, тем эффективнее конечный результат. Если бы в процедурную влезло население целого континента, то отправили бы подальше всех. К сожалению, такими огромными площадями мы не располагаем...

Подготовка к процедуре невероятно сложна и требует ювелирной точности. Поэтому реально провести один сеанс раз в несколько лет, даже боюсь сказать, раз в несколько десятков лет. В общем, в житейском понимании, можно лишь раз. Сразу отослать всех – и все. Кхе-кхе.

ВЕДУЩИЙ: Вы говорили о минусах.

ГЛАВА: Да, конечно. Основной минус – это интервал, отрезок времени, период, на который можно осуществить перемещение. Кхе-кхе... Сто миллионов лет.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА МИНИСТРОВ: ?!

ГЛАВА: Ну да... Вы не ослышались. Сто миллионов. Не меньше и не больше. Скажем, на 99 или на 259 миллионов уже нельзя. А на сто – пожалуйста.

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК: В будущее или прошлое?

ГЛАВА: Ну, тут как бы... Как бы сто миллионов вообще. Такой фиксированный шаг – в технологическом смысле слова. Можно на сто миллионов световых лет – то есть отправленные в путешествие участники проекта очутятся в отстоящем от нас на указанную величину секторе Вселенной, где-нибудь в открытом космосе. В этом случае они все тут же погибнут.

А можно, как вы изволили заметить, задать вектор не столько пространственный, сколько чисто временной. И прицелиться в будущее – не куда-то в космос, а на нашу родную Землю, на те же сто миллионов. Или в прошлое – шаг остается неизменным. Правда, тут возникают известные трудности, связанные с перемещением Земли...

ЭКСПЕРТ 1-й: Позвольте, я разьясню?

ГЛАВА: Да, пожалуйста. Кхе-кхе.

ЭКСПЕРТ 1-й: Видите ли, господа, наша планета не стоит на месте и постоянно меняет положение в космическом пространстве. И она движется – по орбите вокруг Солнца. А само Солнце движется по орбите внутри Галактики. А Галактика – в скоплении галактик, к которому принадлежит. Ну а скопление в свою очередь – внутри сверхскопления и так далее.

За сто миллионов лет точка, в которой находится Земля в настоящий момент, смещается в космосе. И может получиться так, что, допустим, мы посылаем людей на сто миллионов зем-

ных лет вперед, основываясь на координатах Земли в данную конкретную минуту, но на деле выходит, что планета давно изменила пространственное положение, ушла в сторону, вбок, вверх, вниз, передвинулась на огромное расстояние... И, прибыв по назначению, участники эксперимента оказываются в пустоте... Земля действительно здесь находилась сто миллионов лет назад – но теперь-то ее тут нет!

Следовательно, мы должны предварительно рассчитать, где именно будет находиться Земля ровно через сто миллионов лет, минута в минуту, секунда в секунду – и эти расчетные координаты заложить в программу перемещения людей. Сделать своего рода пространственно-временную поправку.

Это первая группа расчетов, и она крайне сложна. Стоит целое состояние.

МИНИСТР ФИНАНСОВ: Бог мой!

ЭКСПЕРТ 2-й: Я дополню?

ЭКСПЕРТ 1-й: Пожалуйста, коллега.

ЭКСПЕРТ 2-й: А я скажу о второй группе расчетов. Можно в программу сразу заложить привязку к планете Земля. То есть в какой бы точке космоса она ни оказалась через сто миллионов лет, участники эксперимента все равно «приземлятся» именно на ней, а не в открытом космосе. Но в этом случае возникают трудности иного рода. Тело Земли не является постоянной, фиксированной величиной. Оно изменяется в размерах, можно сказать, «дышит». То есть сегодня диаметр планеты такой, а через некоторое время – чуть иной. Был один объем, стал другой. Меняются геометрические характеристики, соответственно, может обновиться атмосфера, ее плотность, состав, даже сама сила тяжести... Вот, например, вы должны очутиться именно в этой точке сто миллионов лет спустя – вы и очутитесь, но поверхность планеты за это время опустилась, ужалась, и вы «выныриваете из ниоткуда» метрах в ста над сушей – и, соответственно, тут же падаете вниз. А то и в пяти километрах в воздухе... Бац! – и никого в живых нет!

Это если диаметр Земли уменьшился. А если увеличился? Тогда, простите, вы вообще «материализуетесь» в недрах планеты – где-нибудь в магме, на большой глубине от поверхности...

И еще меняются конфигурация материков и распределение суши. Скажем, вы собираетесь «прибыть» на твердую почву – а в том месте спустя сто миллионов лет оказывается океан. Раз! – и вы рыба...

МИНИСТР ПО ДЕЛАМ РЫБОВОДСТВА: Какой кошмар!..

МИНИСТР ФИНАНСОВ: И что, эти дополнительные расчеты требуют затрат? Это все действительно стоит так дорого?!

ЭКСПЕРТ 2-й: Разумеется. К тому же я сейчас говорил о будущем. Аналогичные группы расчетов должны быть сделаны и по отношению к стомиллионнолетнему прошлому Земли.

[Министр финансов теряет сознание. Объявляется перерыв.]

...
ВЕДУЩИЙ: Все, успокойтесь, коллеги! Продолжаем работу! Так... У меня напрашивается вопрос: почему именно сто миллионов лет? Кто объяснит?

ЭКСПЕРТ 3-й: [Встает.] Это длина волны пространственно-временного континуума. На самом деле число составляет 100.925.284,978, но для презентационных целей можно округлить. Условно.

ВЕДУЩИЙ: Гм... А в чем суть технологии?

ЭКСПЕРТ 3-й: Мы используем матричный метод. Это означает, что со всех материальных объектов – и живые организмы не исключение, – которые оказываются в пределах генерируемого пространственно-временного поля, снимаются матрицы. В цифровом виде. То есть каждый атом системы получает цифровое выражение, цифровую матрицу. И совокупность всех матриц благодаря резонансу мгновенно перебрасывается на некую дистанцию – в нашем случае ее определяет длина волны пространственно-временного континуума. Расчеты говорят, что наиболее эффективна будет переброска на одну целую длину волны; в дальнейшем неизбежны эфирные помехи, поэтому на две длины волны, на три и т. д. перебрасывать нецелесообразно. То есть переместить матрицы без потерь на 200 миллионов лет, 300 миллионов и т. д. не удастся.

Там, в точке прибытия, происходит обратный процесс: цифровые матрицы тут же обеспечивают воспроизводство своих материальных моделей, так сказать, в натуральном виде, в новых условиях. Это все воспринимается как физическое перемещение объектов, хотя, строго говоря, не является таковым в буквальном смысле. Но поскольку сами люди – если мы будем говорить о путешествии во времени людей – даже ничего не заметят, не ощутят момента, когда существовали в цифровом виде, можно считать операцию «перемещением». В широком смысле слова.

Переместится абсолютно все в системе. Все молекулы,

все микробы в организме. Даже паразиты в желудке. Как было, так и стало. Один в один.

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК: А что останется от перемещаемых у нас здесь после завершения процедуры? В нашем времени?

ЭКСПЕРТ 3-й: Только атомы – те же самые, с которых была снята матрица. Атомы неуничтожимы. Правда, они уже будут существовать по отдельности, в случайном порядке, и не будут составлять какой-либо цельный объект. Наблюдателю бы показалось, что участники проекта просто исчезли.

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК: То есть обратно возвратиться уже не получится?

ЭКСПЕРТ 3-й: А некуда возвращаться. Оболочки нет. Правда, можно повторить эксперимент там, на месте «приземления», сто миллионов лет спустя. Или столько же миллионов лет тому назад. Было бы кому осуществить процедуру...

[В зале слышен шум. Члены правительства галдят, переговариваются между собой. Премьер-министр что-то выслушивает от своих помощников, которые наклонились к его уху.]

ВЕДУЩИЙ: Коллеги, мы не закончили! Внимание, внимание! Переходим к самому важному и интересному. Гм.

Я прошу представителя правительства сделать сообщение, кого именно планируется отправить в будущее в рамках этого проекта.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ: [Включает микрофон.] Благодарю вас, господа, за возможность выступить. Мы тщательно просчитали все сценарии и определились с составом перемещаемых. Будет несколько категорий. Во-первых, заключенные, а также все те, которые находятся на учете в полиции, – наркоманы, проститутки, неблагонадежные граждане. Их переместят в принудительном порядке.

Во-вторых, это люди, которые учтены нашей государственной системой искусственного интеллекта как прослойка с низкой или недостаточной социальной ответственностью. К ним также добавляем больных с определенным набором заболеваний (со списком болезней можно ознакомиться под расписку). Перемещение в данном случае планируется в добровольно-принудительном порядке.

Наконец, будет еще третья категория – так называемые колонисты. Они будут участвовать в эксперименте полностью добровольно, за вознаграждение. Приветствуются искатели

приключений, спортсмены и вообще молодежь, которая готова возглавить всю группу перемещаемых. Набор в последнюю категорию будет объявлен по завершении всех тестовых испытаний. Мы очень надеемся, что добровольцев на перенаселенной Земле будет много.

ВЕДУЩИЙ: Сколько всего человек планируется переместить?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ: (ответ засекречен).

ВЕДУЩИЙ: Ух ты... А как будет организована деятельность перемещаемой колонии?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ: Там, в будущем, как мы подозреваем, должна существовать сверхразвитая цивилизация, поэтому они сами разберутся, что делать со вновь прибывшими. Ну а если что-то пойдет не по плану – тогда колония заработает как самодостаточный организм. У нее будет все с собой для нормальной организации жизни. Мы отправим вместе с перемещаемыми технику, стройматериалы, запас продуктов и вещей первой необходимости, лекарства. И, конечно, оружие.

[В зале слышны одобрительные возгласы. Представитель правительства отключается.]

ВЕДУЩИЙ: Ко мне тут поступили некоторые сведения от разработчиков проекта... Кажется, не все так благополучно складывается, как представляется на первый взгляд. Кто выступит от имени господина Нифигаса?

ЭКСПЕРТ 4-й: Я... Позвольте. Скажу честно: никому из сегодняшних жителей Земли пока не довелось лично побывать в эпохе, отстоящей от нашей на сто миллионов лет. Мы только отрабатываем технологию, проводим тестирование. Это можно сравнить с появлением ядерной бомбы в 1945 году – да, ученые ее создали, она стала свершившимся фактом, военные ее имели на руках... Но до проведения испытаний она многим представлялась скорее мифом, чем реальностью.

Так и здесь. Технология есть, мы знаем, что она работает. Но еще не совершили ни одного рабочего запуска с участием людей. Первые результаты тестов положительные – по ряду аспектов...

Однако в процессе испытаний и в ходе дополнительных изысканий (ведь мы проверяем множество источников самого разного характера, в том числе создаем астрофизические модели) получается какая-то странная картина. Наши аналитики предполагают следующее.

[Присутствующие в зале обратились в слух.]

В будущем, сто миллионов лет спустя, действительно на Земле будет существовать развитая сверхцивилизация – по-видимому, человеческая. Так вот, наши потомки, несомненно, будут обладать технологиями перемещения во времени, аналогичными рассматриваемой. Они, конечно же, сами смогут и посылать своих людей куда хотят и принимать со стороны... Но как раз последнее их, скорее всего, не устраивает – точнее, не будет в будущем устраивать.

Мы, кажется, сталкиваемся с фактором противодействия. Целенаправленного и очень мощного. Иными словами, те, грядущие, установили нечто вроде временного экрана. Теоретически наши посланцы могут попасть в будущее, а практически – нет. Им препятствует экран. Он, как щит, перегораживает дорогу и не дает возможности попасть в желаемую точку.

Отсюда мы своих людей отправляем, да. Они распадаются на атомы – а их матрицы устремляются вперед. Оп! – и перед ними отражающий экран, который просто разворачивает всех посланных и принудительно отправляет обратно, туда, откуда они вышли. Но беда в том, что вернуться некуда... Программа не планирует возвращения, да и биологических объектов – первоначальных оболочек – больше не существует...

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: [С места, пораженный.] То есть все, кого мы отправим, умрут?

ЭКСПЕРТ 4-й: Они исчезнут из нашего мира. По сути, без следа.

ВЕДУЩИЙ: Гм... Вот так дела!.. Выходит, мы им, будущим, не нужны?

ЭКСПЕРТ 4-й: Выходит, так. Мы для них лишние. Нежелательные персоны. Они все про нас знают – и нас у себя видеть не хотят.

МИНИСТР ПО ДЕЛАМ ТУРИЗМА: Ничего себе!

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: [Растерянно.] А... А-а... А если посылать нашу группу перемещаемых не в будущее, а в прошлое? На те же сто миллионов лет? Ведь подготовка к операции началась и идет полным ходом. Ее не так-то просто остановить! И столько средств вбухано в исследования!

МИНИСТР ПО ДЕЛАМ ГЕОЛОГИИ: Да-да! Верно! И климат Земли не настолько уж страшный был сто миллионов лет назад, сопоставимый с тропиками сегодня!

МИНИСТР ОБОРОНЫ: А с динозаврами у перемещенных будут средства справиться, мы им дадим самые лучшие пушки и пулеметы.

ЭКСПЕРТ 4-й: Понимаете ли... Дело не в динозаврах. Есть косвенные данные, что в то время на Земле процветала очень развитая цивилизация, по сути, людей – уж не знаю, насколько они близки антропологически к нам, сегодняшним. Возможно, у нас единые гены. Так вот, некоторые палеонтологи считают, что те, древние, достигли в указанную пору высшей стадии своего развития, что у них в обществе царили мир, гармония и согласие... Также предполагают, что они в совершенстве овладели технологией перемещения во времени. И отправляли в будущее, на сто миллионов лет вперед, всех своих отщепенцев, преступников, воров, убийц, чтобы очистить общество... Так сказать, в ссылку.

ВЕДУЩИЙ: Гм. Вы хотите сказать, что мы?!.

ЭКСПЕРТ 4-й: Увы, да. Мы, наше современное человечество, как раз и являемся ссыльными. Или их ближайшими потомками.

[В зале повисла мертвая тишина. Слышно, как летает жирная муха-самолет, и никто не обращает на нее внимания.]

ВЕДУЩИЙ: М-м... Не совсем понятно, что вы имеете в виду... Но, скажем так, вы, по-моему, сгущаете краски... Гм.

Но у нас остается неотвеченным вопрос: так можем ли мы отправлять своих людей в прошлое или нет?

ЭКСПЕРТ 4-й: Мне кажется, ответ очевиден. Если нас сослали в нынешнее время – то есть подальше, на сто миллионов лет, то любое возвращение к истокам будет рассматриваться как побег. Мы не можем сейчас сказать наверняка, какое наказание последует для незаконно вернувшихся, но ясно одно – по головке не погладят. Скорее всего, – я бы на их месте так и сделал – не пустят в свой временной период, сделают все так, чтобы «приземление» оказалось невозможным.

А как следствие – смотрите предыдущий пункт, с нашими потомками из будущего...

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: [В волнении соскакивает с места и начинает расхаживать по залу туда-сюда.] Это что же получается?! Нас не хотят нигде видеть? Ни сто миллионов лет назад, ни сто миллионов лет спустя?! Наши люди везде *persona non grata*?!.

ВЕДУЩИЙ: Гм...

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: Прямо как лагерь какой-то. Шаг влево, шаг вправо – и расстрел.

ГЛАВА КОМИТЕТА ПО НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ: Кхе-кхе!

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: [Останавливается.] Тогда зачем мы вообще обсуждаем эту так называемую супертехнологию? Какую пользу она принесет?

ВЕДУЩИЙ: Гм. Вот я и предлагаю посоветоваться, что же с ней делать с учетом открывшихся обстоятельств.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Да что там говорить! Одна трата денег!..

МИНИСТР ФИНАНСОВ: Правильно! Правильно! Безумные расходы безо всякой гарантии отдачи!

МИНИСТР ПО ДЕЛАМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ: [Разочарованно.] А мы так надеялись...

ВЕДУЩИЙ: Кто еще хочет высказаться? Гм.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: [Устало.] Мне кажется, вопрос предельно ясен. Эту вашу машину времени я видел в (слово засекречено).

ЭКСПЕРТ 4-й: Так что я могу передать господину Нифигасу?

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР: Что он уволен. Пожалуй, заседание пора закрывать.

ВЕДУЩИЙ: Ну что же. Если решение правительством принято, то я благодарю всех присутствующих за участие в сегодняшнем мероприятии. Оно было крайне полезно и поучительно. Оставим машину времени романистам и кинорежисерам.

Собравшиеся [обводит глазами], все согласны? Гм...

Выписка из стенограммы верна
ПОДПИСЬ СЕКРЕТАРЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МОРЮ

Памяти Александра Никитенко

— Милый, а можно я полежу?..

Я встаю и с нежностью смотрю на мою красавицу. Она раскинулась на широкой кровати, опьяненная обстановкой, атмосферой, ощущением начавшегося путешествия.

Ясное дело, с мобильником в руках.

Наконец-то она по-настоящему счастлива.

— Конечно, русалка, — примирительно отвечаю. Само собой разумеется, моей второй половине нужно отдохнуть и

прийти в себя, ведь мы только-только взошли на борт корабля и расположились в каюте.

В каюте? Блин, да это же просто роскошный гостиничный номер... Комфортный, современный, сверкающий, улетный донельзя. Вот тебе и океанский круизный лайнер! Ух-х... Белоснежный, гипнотический и всепожирающий...

М-да, я понимаю свою жену.

Из каюты – пардон, из этого крутого суперномера – первые часы ни ногой.

Пока не выйдем на просторы Тихого, Атлантического, Индийского, Ледовитого...

Что ж, ничего не поделаешь, пройдуся по палубам пока сам. Посмотрю, что чего, и разведую.

И расскажу потом моей благоверной.

Стану для нее проводником на судне...

Она, хитро прищурившись, благословляет меня.

– Иди, – говорит, – погуляй. Я знаю, вам, мужикам, не терпится окунуться с головой в приключения. – Улыбается во весь рот. – Можешь поднять в баре рюмочку за меня. А я тут чуть-чуть пообщаюсь с друзьями. – И отвлекается на WhatsApp.

– Ясное дело, русалка! – бормочу. В глубине же души чувствую, что почти уже становлюсь заправским морским волком. – Я выпью коктейль «Подводный филин» – за все корабли, ушедшие в море, за всех, забывших радость свою...

Выхожу в коридор. Он длинный, чистый до блеска, уютный и пустой. Пока дойдешь до конца, офонареешь...

Двери. Двери. Двери – бесконечных кают. Я запоминаю. Моей, то есть нашей, каюты – номер 6025. Первая шестерка – шестой уровень. Иду, вращая головой, рассматриваю входы-выходы берлог других пассажиров – соседей по этажу. Ноги утопают в ковролине. Мягкие неслышные шаги. Будто пантера крадется. Я – дикий зверь. Которого забросила в океан выдумщица-судьба, обожающая нестандартные решения.

Господи, когда же кончится эта дорога в неизвестность... Боковые ответвления от главного прохода? Большой монитор на стене – с указанием места, где я нахожусь в данный момент. Ага, чуть правее и выше – ресторан, обзорная площад-

ка, сауна с бассейном, концертный зал, ледовый каток, игровые комнаты и спа-салоны. Лифты. Конечно же, лифты.

Рядом.

Однако мне хочется ножками, своими двумя.

Так что продолжаю обследование.

Спуститься или подняться?..

Хочу осмотреть весь – весь-весь корабль...

С его днищем, нутром, чревом, с его заветными потайными помещениями. С лестницами и холлами. С открытыми туристическими прогулочными пространствами. С километрами улиц, зелеными парками и оранжереями, сказочными многолюдными площадями и разноцветьем магазинов.

С развлечениями выжившего – однозначно! – из ума старика Нептуна.

Однако, черт возьми, кажется, я заплутал...

Людей кругом нет. Даже странно как-то. На лайнере, насколько я знаю из рекламного проспекта, тысяч семь народу.

Очередной коридор. Поворот. Ступеньки вниз... Во-он оказался кто-то из персонала! И сразу пропал...

Я опять поворачиваю налево.

Каюты, каюты, каюты... Точнее, бесконечные ряды дверей гостиничных номеров с порядковыми числами; цифири судьбы?

Я уже, пожалуй, начинаю потихоньку волноваться – выберусь ли когда-нибудь из этих лабиринтов левиафана-корабля.

Спускаюсь уровнем ниже. Эх, была не была! Продолжу спуск в преисподнюю. Еще, еще один этаж.

И вновь коридоры, повороты, переходы, темнота...

Стоп! Почему стало темно? Где свет?

Пытаюсь понять и разобраться.

Вокруг тишина. Даже моторов не слышно работающих.

Куда это я забрел?..

Слава богу, опять свет. Но проход, в котором я очутился, что-то слишком мрачен. Вроде бы корабль как корабль. Но на современный лайнер мой коридор не тянет – в чем-то, в каких-то деталях, в самой атмосфере на борту.

Мигает электричество – то оно есть, то нет... И вроде бы

судно наклонилось... Угол наклона... Крен! Черт побери, это крен!

Слышу топот множества бегущих ног.

Оборачиваюсь — так и есть: толпа в два десятка человек несется откуда-то из-за угла и прямо ко мне.

Все одеты, мягко говоря, странно; так наряжались лет сто назад. Несколько дам — в длинных, хотя и простеньких платьях, джентльмены, которых большинство, — в старомодных костюмах, с заливчатскими усиками, в глазах отчаяние и страх.

— Где выход?! — кричат мне, и чувствуется в их возбуждении что-то нездоровое и роковое.

— Хотел бы сам знать... — бросаю. А толпа, какая-то ошалевшая, перестает меня замечать и подает назад. Отхлынула.

Крен неуловимо усиливается. И тут мне становится действительно не по себе.

Сам не замечаю, как присоединяюсь к этим, старомодным. Мчусь следом. Да, собственно, и спросить-то не у кого — что происходит?

Нервишки во мне взыграли.

Ну ничего себе...

«Титаник» — читаю я на бегу надпись на служебном щите, мчась вслед за толпой по изрядно наклонившемуся коридору.

Останавливаюсь. Протираю глаза.

Это что, розыгрыш?!

От нынешних весельчаков еще и не такого дождешься...

Красавица! Моя русалочка! Надо бы ее предупредить! Тут я окончательно отрываюсь от коллектива и реально задумываюсь, как вернуться обратно, на свой этаж.

Опять принимаюсь петлять в одиночку по бесконечным, мрачным и сказочным коридорам.

Волнуюсь.

Свет мигает...

Вот блин, мешает наклон.

В одном из боковых ответвлений вижу — скорее чувствую — отблески наружного освещения. И вовремя — на ковролине хлюпает вода. Очень неприятное чувство, особенно когда находишься на накренившемся судне.

Устремляюсь, куда сердце подсказывает. Все вокруг уже не кажется шуткой.

Металлическая лестница. Ажурная, старинная — внутри ультрасовременного парохода?

Вижу просвет. Вновь люди, толпа. С детьми, с сумками. Бедно одетых, в каких-то – с моей точки зрения – обносках. Плачут, причитают, требуют. Перед ними – решетка, запертая на замок, а за решеткой усатый стюард с испуганными глазами упорно отказывается пропустить народ вперед.

Ну ни фиги себе туристическая компания! Черт-те что!

Не могу дальше ждать. Довольно. Мне нужно отыскать, предупредить мою русалку.

Поворачиваю назад и с болью понимаю, что воды там, чуть ниже по коридору, откуда я пришел, – уже по колено...

Опять темнота. Кромешная! Скрипят половицы подо мной.

Кажется, я взбираюсь по какой-то внутренней лестнице...

Мерзкий запах – затхлый, отдающий и морской солью, и тиной, и гнилью, и спертым воздухом непроветриваемых помещений.

Упираюсь в препятствие; неужели дверь?!

Нащупываю ручку.

Тяну на себя.

Свет! Ослепительно яркий свет! Наконец-то! Солнце! Свежий морской воздух!

И я оказываюсь на узкой и сомнительной палубе некоего незнакомого парусника... Вижу над собой надутую парусину и слышу скрип первобытных снастей.

Оступился. От неожиданности упал. Со стуком – на деревянное покрытие; и привлек к себе внимание нескольких уродов с повязками на глазу и в такой живописно-древней одежде, что им впору сниматься в голливудских боевиках про корсаров и флибустьеров.

– Еще один! – вопят они, указывая перстами на меня. – Еще один!..

Я пытаюсь подняться. Но меня тут же подхватывают эти грубые ненормальные, резво подсакивая к моей персоне.

Тянут за руки, за футболку. Волокут вдоль борта – туда, ближе к мачте с парусами, где я уже вижу группу вычурно разодетых людей, грустных мужчин и женщин, смахивающих на испанских грандов, под охраной бандитского вида нескольких омерзительных хмырей.

С саблями наголо, между прочим.

У некоторых из последних за поясом заткнуты старинные подозрительные пистолеты с широко расходящимся дулом.

– Этот пленник пытался скрыться! – докладывают задержавшие меня средневековые матросы своему капитану, располневшему и важному. Тот сидит посреди палубы в выдавшем виды кресле под парусом и отдувается от жары.

На нем – эффектная шляпа, какие я видел разве что в кино про трех мушкетеров.

Мне все еще не по себе... Шутка явно затянулась.

Смахнув со лба пот – тропики все же, да и треволнений последние полчаса я испытал на всю оставшуюся жизнь, – я осматриваюсь. Вижу множество лихих пиратов и за ними, на рубке, выцветшую надпись с названием корабля: The Satisfaction.

Высоко на мачте реет черный, с двумя перекрещенными костями и белым черепом флаг...

Капитан бросает измученный жарой – и вместе с тем грозный все же – взгляд на арестованных, которых, судя по всему, доставили ему на усладу с какого-то другого судна.

Может, уже потопленного?

Может, иных пассажиров уже и не осталось с той, явно взятой на abordаж бригантины?..

Пленные стоят подавленные. Молча и растерянно. Они в окружении самых что ни на есть настоящих морских бандюганов, наглых, бородатых и кривых. Со шрамами на мордах. И если это не розыгрыш, то мне совсем не улыбается оказаться в компании невезунчиков, отданных на растерзание джентльменам удачи.

– Так вы говорите, ЭТОТ собирался от нас сбежать? – капитан указывает на меня, в то время как пара сильных рук бросает вашего покорного слугу ниц перед креслом и его восседателем.

Я слабо шевелюсь в надежде, что сейчас представление наконец закончится.

– Приговариваю его к смерти, – сообщает полный усач в шляпе. – Пусть пройдет по доске, чтобы всем остальным неповадно было! А они пусть посмотрят. Поучатся. Подумают. Как не повиноваться МНЕ на этом судне – в ожидании решения своей судьбы... За прочих затребуем выкуп! А этого – этого просто спишите; он свое заслужил.

И меня тут же сгребают в охапку и тут же тащат куда-то в сторону борта.

Я все еще надеюсь, что происходящее – не более чем невинное шоу. Мало ли какие развлечения придумает современное агентство путешествий...

Доска.

И действительно доска.

Она торчит перпендикулярно борту и установлена так, что один конец ее выдается с палубы далеко в море.

Это довольно любопытно.

Но совсем, совсем не смешно...

Меня подталкивают в бок алебардой. Довольно болезненно укололи – кажется, выступит кровь.

Не знаю, горевать мне сейчас или смеяться.

Но, поскольку выхода нет, залезаю на доску – забираюсь с палубы.

Оглядываюсь: группа пленников с состраданием во взгляде смотрит на меня. Глядят на меня и все пираты, во множестве столпившиеся у борта.

Взирает на процедуру даже усатый капитан. Он суров – и вместе с тем на обветренном смуглом лице его проскальзывает едва заметная улыбка...

Оборачиваюсь в последний раз к морю.

Оно сияет золотыми и серебряными волшебными бликами – далеко-далеко, до самого горизонта.

Выпрямляюсь – становлюсь ровно на своей доске. Расправляю плечи. Вода – синяя-синяя, обманчиво-дружелюбная, с легкими барашками ласковых волн – колыхается там, подо мною, в нескольких метрах внизу, за бортом.

Укол. Это меня еще раз кольнули пикой – чтобы не оставался. Чтобы шел вперед...

Осторожно ступаю по доске и думаю: неужели правда? Неужели не прикол?..

Доска начинает подо мной дрожать, вибрировать, раскачиваться... Все сильнее и сильнее – с каждым новым шагом.

Я с большим трудом удерживаю равновесие.

Становится очень опасно и тяжело дальше продвигаться.

Но они все ждут...

Опа! – я неожиданно срываюсь вниз. И камнем лечу.

Неуклюже кувыркаюсь.

С шумом, со страшным плеском, со всего размаха врезаюсь в воду. В морскую соленую воду; вкус ее не забыть мне уже никогда!

Фух... — я оказываюсь в жестокой пучине. Захлебываюсь — не успел набрать воздух в легкие.

Кругом — вода, аквамариново-изумрудный подводный мир, мириады пузырей и солнечные нити, пробивающиеся тут и там сквозь толщу плотной среды.

Глубина. Дна нет. И не будет уже? Для меня живого?..

Я погружаюсь в бездну, бессознательно извиваюсь угрем, барахтаюсь, пытаюсь восстановить вертикальное положение тела, — чтобы водная гладь, сияющая вверху далеким светлым пятном, оставалась все время у меня над головой.

Ох, дольше никак не могу! Не хватает кислорода!

Ох!..

Кажется, я тону...

Ну, слава богу, удастся вынырнуть на поверхность!

Все жутко, все состоит из вездесущей злобной воды — и вокруг меня, и внутри меня.

Все клоочет, все бурлит.

Не могу надышаться. Наглотался вдоволь жидкости. Прямо выворачивает, чуть ли не наизнанку...

Но вроде бы я живой?

С трудом плыву. Движения конвульсивные...

Слышу смех, свист, радостные вопли, чьи-то бурные аплодисменты. И громкие выкрики со словами поддержки.

Хватаюсь за какие-то перила. Подтягиваюсь. Да неужели же?!

Я в бассейне...

Боже мой! Ох!..

Почти без сил — но мне все-таки удастся выбраться по специальной боковой лесенке наружу, на спасительную сушу, которая оказывается помещением широченного спортивно-оздоровительного плавзала.

— Давай руку! — моя красавица, моя русалочка протягивает мне свою и помогает вылезти, потому что меня и впрямь мотает так, что мало не покажется.

Я чуть ли не рухнул на скамью, как нельзя кстати установленную здесь для отдыхающих заботливым персоналом.

Красавица склоняется надо мною. Она — и еще какой-то

незнакомый мне мужик, который представляется тренером.

Они вдвоем с радостью и даже гордостью смотрят на меня. Я в плавках, мокрый и дрожащий. М-да...

– Ты победил, милый! – провозглашает моя русалка. – Ты первый, первый! Раньше всех пришел к финишу!

Чувствуется, что мои спортивные достижения безумно окрыляют ее.

Я сижу, присмиривший, одуревший, и часто-часто дышу...

Поднимаю голову. Сквозь влагу – как сквозь туман – замечая многих зрителей-болельщиков, которые сочувственно разглядывают меня, победителя данного заплыва.

И все они одеты как-то... непривычно, что ли...

Так, как одевались в счастливые времена джазовых тридцатых.

– Что вообще случилось? – я даже не говорю, а хриплю.
– Где мы? Какой сейчас год?..

– Все в порядке, милый, – успокаивает меня русалка. – Сегодня 7 сентября 1934 года. Мы на нашем корабле, на который взяли билет, – на «Морро Касл». Отдышись, милый. Ты очень, ОЧЕНЬ хорошо проплыл! Лучше всех!..

Я молчу, насупившись... Мне хреново.

– Я устал от воды, – кое-как выдавливаю из себя. – Больше никогда не полезу в воду. Я замерз... Мне хочется тепла.

Моя красавица обнимает меня, мокрого, несчастного, и прижимает к себе.

– Мой родненький! – и лицо ее светится от счастья. – Иди ко мне, дорогой. Иди. Я тебя согрею!..

НЕСКОЛЬКО ГРУСТНЫХ МИНУТ ИЗ ЖИЗНИ ЭКИПАЖА ПОХОРОННОГО САМОЛЕТА

– Итак, все в сборе? – строго спросил я и взглянул на свои командирские часы со встроенным специальным гаджетом. – Система в этом секторе фиксирует коды всех членов экипажа, за исключением воздушного офицера по учету усопших.

Собравшиеся в конференц-зале – а их было около сотни человек – скромно промолчали и выжидающе глядели на меня.

Часы запипикали, и я заметил недостающего офицера, вошедшего в зал последним, с виноватой улыбкой на устах.

— Ну, здравствуйте! — бросил я ему с неодобрением, будучи старшим по званию и по должности. — Как всегда, опаздываете?..

Он что-то сбивчиво пробормотал и, отдав честь, мышью пробрался на свободное место в третьем ряду. До меня донеслось: «Командир, пожалуйста, извините...»

— Ладно. Будем считать, что сбор в полном составе состоялся — своевременно, по требованию, в соответствии с протоколом. — Я обвел своих людей суровым, но при этом потечески понимающим, чуть грустным взглядом. — Благодарю экипаж за быстрые, слаженные действия по сигналу «Немедленный сбор в установленном месте».

Выдержав многозначительную паузу, со вздохом опустил глаза. Положил руки на трибуну.

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: наш проект RIS-123 закрывается.

И замолчал.

Подчиненные сначала сидели в тишине, ибо до них не сразу дошел смысл моих слов. Потом как-то нестройно загалдели.

— Как это закрывается?..

— Почему?!

— Неужели такое возможно?

— Тихо! — потребовал я. — Сейчас разъясню.

Прокашлялся. Прислушался к едва уловимому шуму авиационных моторов там, за бортом.

— Итак, все вы знаете, что мы выполняем особую, историческую миссию — обеспечиваем бесперебойную работу гигантского самолета — летающего кладбища. Таких миссий, как у нас, в мире не более трех сотен. Жителям Земли негде хоронить покойников, кроме как отправлять их прах в вечный полет над планетой. Мы всегда следуем в стратосфере по установленным маршрутам, дозаправляемся в воздухе и принимаем малые стыковочные воздушные суда-крематории с новым грузом: урны с прахом, которых миллионы. Без нас людям трудно было бы жить, потому что мы — гарантия смерти.

Я посмотрел в лица всем своим притихшим специалистам.

— К большому сожалению, сегодня утром наша компания Rest in Sky, которой принадлежит целый ряд самолетов-клад-

бищ RIS, официально заявила о банкротстве. Увы, мы зависим от частного бизнеса... Эксплуатация летающих мест захоронений обходится дорого, и хотя родственники умерших ежемесячно вносят солидные взносы на поддержание проекта, расходы в последнее время не покрываются доходами. Особенно в связи с постепенным разрушением озонового слоя Земли и необходимостью соблюдать возросшие требования Кодекса эоумирания.

— От имени компании, — со вздохом продолжил я, — объявляю о прекращении постоянно действующего полета самолета-кладбища RIS-123 и завершении проекта.

В конференц-зале на борту повисла гробовая — ну, понятное дело, термин вполне профессиональный, — тишина.

— Когда же... когда же наш авиалайнер — после стольких-то лет пребывания в воздухе! — сядет обратно на Землю? — задал наконец вопрос воздушный офицер по религиозному обслуживанию (в его подчинении находилось несколько священнослужителей, отвечавших за погребальные обряды разных конфессий).

— Ну, здравствуйте... — с легкой укоризной ответил я. — Самолет класса RIS спроектирован таким образом, что он и не должен садиться. Формально при таком-то весе, чтобы сесть, ему нужна колоссальная по размерам взлетно-посадочная полоса, а все до единого участки на поверхности планеты давно распределены, расписаны и задействованы на нужды 36-миллиардного населения. RIS-самолет обычно собирается на орбите, доставляется на нужную высоту и никогда не касается Земли. Вам-то это должно быть известно лучше, чем прочим.

— Но... как же... мы? Персонал воздушного судна?

— Сейчас, после нашего заключительного собрания и церемонии прощания, вы все пройдете в сектор D-12, где каждому выдадут парашют. Спуститесь на Землю организованно, по списку.

— Не проще ли воспользоваться хранящимися на борту пассажирскими дронами?..

— Теоретически — да. Однако я объявил о завершении проекта, и с этого момента компания запрещает какое-либо расходование финансовых средств. Эксплуатация дрона стоит денег — следовательно, в нашей конкретной ситуации она исключается, ни копейки не может быть затрачено ни на одну акцию сверх уже закрытого баланса. Воспользуйтесь парашю-

тами – они включены в план расходов потому, что являются одноразовыми.

– Выходит, теперь мы все остаемся без работы?! – воскликнул воздушный офицер по уходу за урнами с прахом.

– Сожалею, – пожал плечами я, – но это зависит не от меня. Могу сообщить вам в качестве информации, что каждому сотруднику на карту было перечислено небольшое выходное пособие – исходя из возможностей разорившейся компании. Также сделаны позитивные отметки и в персональных делах – электронных досье, для сведения возможных работодателей в будущем. По прибытии на Землю вы вправе распоряжаться своим свободным временем по собственному усмотрению.

Сотрудники в конференц-зале возбудились, кое-кто встал, люди начали бурно и неорганизованно обсуждать происходящее. И потому я вынужден был всех призвать к порядку.

– Послушайте! Послушайте!.. – громко произнес воздушный офицер-штурман первого класса. – Главный пилот, ведущий наш самолет, а он в курсе?!

– Конечно, – сухо кивнул я. – Искусственный интеллект, управляющий самолетом, был поставлен в известность в первую очередь, – собственно, он и сейчас наблюдает за всем, что происходит на борту и в данном конференц-зале. По закону мы можем действовать только с его согласия. Так вот, он свое согласие дал – так и сказал: ну, здравствуйте, если компания легально прекращает свою деятельность и эксплуатацию всех принадлежащих ей воздушных судов, то о чем еще может идти речь? Все законно. Все правильно. Все разумно. Окей.

– Но ведь... – штурман помедлил. – Но ведь лишившись поддержки диспетчеров и координаторов, оставшись без экипажа и будучи не в состоянии выполнять предписанные функции, наш... наш RIS-123 рано или поздно... разобьется?! Рухнет на Землю?! Если не последует очередной дозаправки в воздухе, которую – как я понимаю – компания больше не может себе позволить?!

– Несомненно, – согласился я.

Офицер-штурман побледнел, потом закрыл лицо руками. Офицер – старшая бортпроводница, с которой у него сложились хорошие рабочие отношения, принялась его утешать.

Персонал чуть-чуть заволновался.

Я, понимая своих расстроенных подчиненных, снисходительно молчал.

– Скажите, – выкрикнул с места воздушный офицер по логистике могил, – ведь при падении все эти миллионы урн с прахом, которые мы призваны бесконечно хранить, будут уничтожены?!

– Несомненно, – еще раз повторил я.

– Что же скажут родственники усопших?! Ведь многие из них оплатили услуги воздушного захоронения на годы вперед!

– С момента объявления банкротства все финансовые обязательства компании аннулированы. Каждый отдельный случай будет рассматриваться ликвидационной комиссией, и нам с вами до этого дела нет.

– Но сам прах?!

– Сожалею. Праха конкретных людей как физической сущности больше не будет.

Офицеры, расчувствовавшись, кажется, решили не сдаваться.

– Хорошо, командир, – поднял руку воздушный офицер по приему стыковочных самолетов с грузом. – Допустим, что наш борт RIS-123, израсходовав летный запас, закончит свое существование в авиакатастрофе. Но ведь можно же сделать катастрофу управляемой? Можно заранее определить место падения, при котором ущерб окажется минимальным? Как вы думаете?

– Ну, здравствуйте, – парировал я, – вы всерьез считаете, что компания не сделала соответствующих расчетов? В течение нескольких последних недель бухгалтерия и юридическое управление рассматривали огромное множество вариантов, которые позволили бы оптимизировать потери.

– То есть самолет можно целенаправленно направить, например, в море? Главный наш пилот ведь не против такой возможности?

– Как раз против, – я налил себе водички из бутылки, забортливо поставленной на трибуну бортпроводником, чтобы прочистить горло. – Искусственный интеллект RIS-123 знает все правовые аспекты данного вопроса, поэтому в нынешней ситуации солидарен с юристами компании. Мощное экологическое законодательство Земли однозначно не допускает загрязнения вод такими вещами, как падение самолетов, штраф может оказаться исполинским – суммой с десятью, одиннадцатью, двенадцатью нулями. Добавьте к этому иски судоводных компаний – ведь морские суда, а также плавучие и подводные города, искусственные острова, специально оборудованные

зоны акваторий сегодня встречаются практически на каждой квадратной миле водной поверхности, и при авиакатастрофе наверняка будет разрушена какая-то часть их. Наш цифровой пилот предпочел бы сушу.

— Суша заселена! — напомнила воздушный офицер-пальщик. — Там ведь, по сути дела, некуда падать.

Я терпеливо ждал, пока все члены моего многочисленного экипажа выговорятся.

Но вместе с тем старался держать ситуацию под контролем.

— Здравствуйте, — как ребенку, постарался доходчиво разъяснить я. — Конечно же, суша. Остается только суша — и ничего иного. Как все вы знаете, в настоящее время, принимая во внимание численность людей на Земле, каждый клочок планеты используется для жизни, каждый метр заселен и облагоустроен. Из книг и исторических фильмов мы знаем, что в прежние времена были горы и пустыни, «ничейные» территории и ледовые континенты. Сейчас ничего этого нет. Горы срыли и разровняли, а породу использовали для наращивания материков. Пустошей не осталось в принципе. Весь лед растаял, арктические шапки перестали существовать из-за изменения климата. Нынче на Земле яблоку упасть негде — не то что самолету. Но ведь у нас нет выбора? Придется падать туда, где дешевле.

— На промышленную зону? На футбольный стадион?.. — попыталась уточнить воздушный офицер-менеджер по приему гостей и поминальным банкетам.

— Ну, здравствуйте, это очень-очень дорогие, предельно затратные объекты. С их владельцами вовек нельзя будет рассчитаться. Юристы компании все посчитали и пришли к выводу, что лучше всего для намеченной цели подходят спальные районы городов, пригороды. Они тянутся на тысячи, даже на десятки тысяч километров. Если сложить все суммы компенсаций, которые придется выплатить родственникам погибших в результате несчастного случая, то и тогда общий итог окажется ниже, чем пришлось бы возмещать владельцам по настоящему крупной и ценной недвижимости.

— А что будет с самой территорией, на которую упадет наш гигантский самолет? Ведь там же окажется море трупов?! — ахнул воздушный офицер-специалист по траурным обрядам и песнопениям. — Ведь всех нужно будет хоронить?

— Хороший вопрос, — похвалил я. И опять отхлебнул во-

дикки. – Из сложившейся практики мне известно, что весь пострадавший участок земли – со всем, что на нем находится, – будет вырезан по периметру на определенную глубину. Это сделают специальные машины-роботы. Затем снизу установят комплекс реактивных двигателей, вырезанный участок взлетит в воздух – в стратосферу и будет совершать бесконечные обороты вокруг Земли, подобно нашему с вами RIS-123. Впрочем, этим занимаются другие коммерческие компании... А на высвободившемся в результате всего произошедшего месте тут же построят что-нибудь новое – очередь из желающих растянулась на годы.

– Да, командир, у вас все здорово продумано! – вставил слово, протянув руки к моей трибуне, воздушный офицер-распорядитель по пошиву черной одежды и изготовлению искусственных цветов.

– Здравствуйте... – чуть устало возразил ему я. – Почему это у меня? Я только командир воздушного судна. Мое дело – контролировать полет в целом, обеспечить эффективное функционирование самолета-кладбища. С помощью вас, моих помощников... А дело компании – управлять вообще всем-всем-всем. Такова жизнь, друзья. Такова смерть, коллеги...

Люди, кажется, начали потихоньку успокаиваться, гомон постепенно стихал; я чувствовал это в самой атмосфере на борту. Бросил взгляд в сторону иллюминаторов – там, за стеклами, небо из темно-синего стало уже нежно-голубым. Ясно было, что мы снижаемся, наш пилот – искусственный мозг доставлял нас на высоту, приемлемую для парашютного прыжка. Он у нас умница, за всем наблюдает, все понимает, все умеет вовремя рассчитать.

– Так! – грозно потребовал я внимания, нахмутив брови. – У нас остается мало времени, поэтому проведем церемонию прощания. Все готовы?

Экипаж окончательно замолчал, и в глазах собравшихся мелькнула грустинка.

Я надел на себя траурную ленту, поставил на трибуну заранее приготовленную корзину с четным количеством цветов.

Пригласил встать рядом трех помощников – пасторов-офицеров и, скорбно сложив руки, склонил голову.

– Наш дорогой RIS-123! – начал я. – Ты служил нам столько лет верой и правдой! Ты выполнял вместе с нами, детьми твоими, благородную функцию сохранения праха ушедших в мир иной! Ты делал лучшее, что мог, для мертвых, чтобы

обеспечить покой живых!.. И вот ты сам, милый наш, незабвенный RIS-123, уходишь в небытие, оставаясь при этом навеки в сердцах любящих тебя...

Я прощался. Со слезами на глазах – и слезы же стекали по щекам собравшихся. Воздушный офицер-плакальщица с особым рвением запричитала... Воздушный офицер-менеджер поминального звукосопровождения вовремя и очень органично включил траурный марш Шопена, исполняемый на соплах самолетов вертикального взлета авиационного флота планеты.

Главный наш пилот – он же искусственный интеллект, не отрываясь от штурвала, продекламировал по громкоговорителю подходящие для этого случая стихи. Его проникновенный, хотя и слегка механический голос разносился по всем отсекам, залам, коридорам, переходам, служебным помещениям и каютам для гостей бесконечного авиалайнера, навевая грусть, тоску, меланхолию и желание скорее покинуть этот борт.

...Когда я уже получил свой парашют и объяснил экипажу, что первым подам пример прыжка – пусть следуют в порядке очереди за своим командиром, – ко мне вдруг подошел воздушный офицер – заместитель начальника полета и в порыве чувств, вытянувшись и коснувшись груди, произнес:

– Командир! Для меня было честью служить под вашим началом! Я никогда не забуду этот воистину необыкновенный срок!

– Спасибо, офицер. Вольно! Можете быть свободны.

– Командир...

– Слушаю вас, офицер.

– Могу ли я просить вас... У меня тут, на нашем воздушном судне, покоится прах близкого родственника. Могу ли я... взять погребальную урну с собой? В память о службе на RIS-123?

Я выпрямился.

– Ну, здравствуйте! Вы знаете, офицер, что содержание в домах урн с прахом запрещено законом. По причинам экологии... – помедлил чуток, понаблюдав за тем, как меняется выражение лица бывшего подчиненного. – В общем, так: вы мне ничего не говорили, я ничего не слышал. Будем считать, что вы действуете на свой страх и риск.

– Есть, командир! – и воздушный офицер расплылся в улыбке.

Отдал мне честь.

Я козырнул в ответ.
Уже без слов.
Повернулся к открытому люку в хвостовой части самолета.
Распрямил плечи, выпятил грудь.
Почувствовал за спиной надежную тяжесть парашютного ранца.
Подошел к выходу наружу.
Прошептал про себя: «С богом!»
И выпрыгнул туда – в открытое, величественное, сумасшедшее пространство, сиявшее голубизной...

Август 2019 года

ПОЭЗИЯ

Вера КАЛМЫКОВА

РОЖДЕСТВО СЛОВА

Поэма

Марии Борисовне Плюхановой

Сегодня в России:
справа – наречие.
Но речь её
менялась. В XVII веке
справа –
существительное,
существо жизни Печатного двора,
его золотая слава:
справщик,
храня читателя от искушенья злого,
храня и нежа царственное слово,
сопоставлял богослужебные тексты, правил ошибки,
справлялся с источниками,
ставил правильные слова на правильное место –
а значит, восстанавливал сущность
событий и поступков,
когда хоть букву пропускал
усталый, нерадивый
печатник или переписчик.
Искажение Книги
лишало жизнь
права быть.

I. Пролог

Будь здоров, мой дорогой коллега,
через скоро уж четыре века.

На дворе Печатном справщик рьяный,
текстов ревностный сопоставитель,

их освобождаешь от изъянов,
православья древнего ревнитель.

Как тебе работалось, филолог?
Сколько приходилось на день сверок?

Каждая вокабула священна.
Божье слово живо и нетленно.

Если вдруг случается описка,
значит, бес крадётся где-то близко.

Справа – брань невидимая с бездной.
Но победы жаждать бесполезно:

там, где человек, всегда ошибки.
Отвлечёшься – вот она, неточность.
Дьявола знакомые ужимки
между букв – коварны и порочны.
Божий мир предстанет искаженным,
если искажен первоисточник.

...Что провидел ты – теперь я вижу:
жизнь в России – бег по строчкам книжным,

не страшны тюремные вериги,
только чтобы было всё, как в книге,

не письмо, а миротворенье.
Остальное – чтение, чтение, чтение...

Пушай испекут нас, как в печи хлебы,
но Троице сладок хлеб.

И Слово грянет предвечно Отче –
Отеческих Чадо недр...

II. Житие

Наступали последние времена.
Знаки судьбы собирала страна.
Ширилась и разгоралась тревога.
Близко присутствие Бога.

В лето тысяча шестьсот шестьдесят шестое
от Рождества Христова
(тысяча не в счёт,
её прибавил чёрт,
чтобы всех запутать)
состоялся суд
над теми, кто не принял новой веры.

Кто-то сразу отрёкся.
Кое-кто навсегда упёрся.

Попу Никите, дьякону Фёдору,
протопопу Аввакуму –
анафема.

Никита смутился,
Фёдор отступился –
раскаялись.

Отступничество дьякона Фёдора
продлилось недолго,
он опять за своё.
Снова судили:
протопопа Аввакума,
архимандрита Никанора,
попа Лазаря,
инока Епифания,
дьякона Фёдора.

Архимандрит Никанор изобразил раскаяние
И поспешил в Соловки поднимать восстание.

В лето тысяча шестьсот шестьдесят седьмое
от Рождества Христова
поп Никифор,
поп Лазарь,
инок Епифаний,
дьякон Фёдор,
протопоп Аввакум
осуждены и прокляты как еретики.
Епифанию, Лазарю, Фёдору
позже резали языки.

Поименованные еретики
сосланы в Приполярье,
в острог Пустозерск.
Поп Никифор скоро умер –
Больно стар был.
Сидели в земляных тюрьмах.
Полуголые.
Голодные.
Всегда мёрзли.

III. Будни

Я сижу под спудом – тем засыпан.
Несть на мне ни нитки – крест с гайтаном .
Да в руках перебираю чётки,
да что Бог пришлёт – то съем: всё добро.
О Христе, уродивый, питайся,
воздыхай и плачь – пока с душою
телу не придётся разлучиться.
Я уже истлел – живой и мёртвый.
Неизбежна битва, безнадежна,
смерть близка, а истина попрадна.
Только знаю: сбывшихся пророчеств
я свидетель, я же и причина.
Всем вам бью челом: рабам, свободным,
старцам, детям, славным и неславным.
Всё, что есть сейчас, избыто в Книге,
жизнь моя и смертный путь описан.
За друзей своих жестоко стражду,
Боже, дай терпения и скорби.
Отлучи мя от детей духовных –

слишком тяжко бремя, мне не сдюжить.
Слёз река очами истекает.
Тело сохнет – ветка для кострища...

Если поименованные еретики о чём и просили, то:
«Книг отеческих не отымай».
Книг им не давали вовсе.
Искажённая книга – искажённое бытие.
Книги нет – бытия нет.

Но я-то есть...

Сострадательные стрельцы приносили узникам
самое необходимое –
писчие принадлежности.
Поименованные еретики
рассылали духовным детям
трактаты и книги
о жизни своей в Пустозерске.

В лето тысяча шестьсот семидесятое
от Рождества Христова
сочинения поименованных еретиков
стали известны правительству.

Снова резали языки и руки.

История тёмная.

В пыточном приказе не шутили.
Записано «резали» – значит, так и было.
Как отрезать то, что уже отрезано?

Что же – отросло?..

Дьякон Фёдор потом помечал:
«Писано, мол, моей покойной рукою».
Инок Епифаний
как выделывал кресты, так и продолжал.

Чем?

Писали о самих себе,
ощущая себя средоточием Божьих чудес.
об ином и писать неумест... —
НО:

IV. Послание

Если что реченно слишком просто,
просторечию не позазрите:
русский свой язык люблю природный,
вириам философским не обучен.
Просторечья не уничижаю:
что в душе, а то и на бумаге.
Бог от нас любви единой хочет,
слов, что черпает рука из сердца...

Древнерусская революция — вот она:
во мне — весь мир.
Ибо раньше, до событий,
«я» на Руси было не в почёте.
Дальше прочтёте:

V. Видение Аввакума

в Пост Велик на первой неделе
хлеба не ядох в понеделник
не ядох во фторник ни в среду
и в четверг пребых аз не ядше
в пятницу псалмы начах пети
прииде озноб зело лютый
зубы мне разбило до дрожи
но умом псалмы аз глаголах
наизусть глаголах без гласа
немо сотрясаясь без звука
от себя и жизни отчаясь
изнемог дней столько не ядшу
но Псалтирь от Бога дана мне
аз душой глаголах. Без тела.

На одре моем в ночи Божьей

Бог меня оставил лежащу
чую: языку стало тесно
длиннен бысть широк и пространен
рот землею стал небо — небом
зубы велики ноги руки
а язык всё больше и больше
заполняет мир обнимает
всё огромней рвётся под небом
птицею летит над землею

так вместил я тварь и творенье
так вместил я небо и землю
так и мне, молитву творящу,
лествица дана — из себя же...

С этой лестницы — авторское сознание:
весь мир — во мне.

Дьякон Фёдор
учил богословию
Аввакума и Лазаря.
Переписка из трёх углов.
По ночам выбирались под небо
Поп, протопоп, богослов.

Лазарь ангелов видел глазами,
в сердце тайны глядел Аввакум...
Обо всём непременно писали,
что творилось в их узком кругу.

VI. Фёдор и Лазарь жалуются друг на друга

Преддверие последнего явления.
На грани.
Лазарь на краю времён
не видит разницы меж символом и сутью.
«Они — одно, — речет. — Иконописец
изображает ангелов, и днесь
реально видит их...»

А дьякон Фёдор
В отчаянье взывает: «Что ж ты, Лазарь!
У ангелов, глаголаша, власы!
И торочки на главах! И зерцала!
И надо же – ещё крыла у них!
Аз же ему глаголах: человеке,
ни глав, ни рук, и ни власов, ни крил,
так пишется – а как писать иначе?
Понеже будет зрение телесне
никако видеть! Ино – невозможно!
Какие руки?! Это ж чистый дух!
И надобно духовными очами!
Духовными! Причём здесь наше зреньё
и внешний вид?!»

Дыханье мелочи, прелестной и воздушной,
всесильное дыхание деталей,
откуда ты в сознание Аввакума
и Лазаря – и как осталось там?

VII. Об иноке Епифании и бесе (дела давние)

Епифаний, рукодельник Божий
(в пустыни нельзя без рукоделья:
велика тоска, печаль, унынье
через руки праздные находит), –
раз, и два, и пять боролся с бесом.
То приходит, поглядит – и прытко
шасть: в келейце светится икона.
То кафтан наденет драгоценный,
хочет вон – а нозы прилепиша,
мучится, чтоб нозы оторвати,
и никак. А то нагим явися.
Епифаний хватъ его, нагова,
поперёк, мясище, посредине,
ну и бить о коничек, о лавку.
А ещё – как лютый, злой разбойник,
вскочит в келью, туго так ухватит,
невозможно ни дышать, ни пискнуть.
«Помози, Никулае-святитель!» –

простонал предсмертно Епифаний.
Тут оставил бес его, покинул,
и неведомо, куда он делся.

Так боролся с бесом Епифаний,
Образом Пречистой заслоняясь
от тоски, уныния, печали.

Образ взял он у Кирила-старца,
в полверсте живущего. Кирилу
ни во сне, ни в яви бес не путал.
А как Образ вынес Епифаний,
так явился в келию к Кириле,
да и стал с ним жить. А что ж Кирило?
А ничто. Живёт себе, обиду
терпит от него и пакость люту,
тихо так, спокойно, не бояся.
Не дерётся с ним, живёт бок о бок.
Понемногу бес устал – и сдулся...

...Будь здоров, мой дорогой коллега,
через скоро уж четыре века.
Как тебе работалось, филолог,
текстов ревностный сопоставитель?
Как тебе дрожало над ошибкой,
что не вздор, а поношение веры,
как тебе несправедная справа
искушеньем виделась бесовским...

Самосознание у всех поименованных еретиков
развилось во всю земную ширь.
Ещё бы:
попробуй схалтурить и не самоосознать,
когда в тебя
единомоментно весь мир засунут.

VIII. Послание

Не сподоблюсь савана и гроба.
Наги кости по земле рассеют.
Но добро, любезно мне лежати,

небесами светлыми прикрыту.
Всё моё, что Бог мне дал, и благо.
Всё моё, от века сотворенно.
Неподвластен ни огню, ни тлену
мой язык, печальный, человеческий...

IX. Видение Аввакума

и вот отяготихся от кручины
ведь прокляли и волосы остригли
и бросили в темнице затворили
не туне ль моё бедное страданье

В полуночи во Всенощную чтущу
Евангелие утреннее, – в Духе
весь оказался. Ангел мой хранитель
ко мне ласкался, тёрся одесную.
И предо мной из облака явился
сначала Богородица, а после
Христос в Силах. И рече:
«Мы с тобою.
Не бойся. Не кручинься. Не один ты».

Мне одному любви так много стало,
что лучше б принял крестное страданье.
Не может человеческое тело
вмещать всю эту мощь любви небесной.
И я взглянул на воинство Христово
и падшу на земли...

X.

Двоеперстие.
Восьмиконечный крест.
И союз – языковое средство
связи слов, – вдруг выпавший из текста.
Вот за что восходят на костёр
четверо мужчин, худых и грязных.
И ещё один – в земле простёрт:
способ избежать единой казни...

Всё мимо идет.
Только душа не переменна.
Жаль их, бедных, — они
погибают от гнева.
Вешают, жгут, а Христос
их ждет к обращенью.
Но отказались они воскресать,
и не имут они Воскресенья.

Божьих четыре
Есть добродетели в мире:
мужество, мудрость,
целомудрие, правды стяжанье.
Тот, кто Писаньем исправлен,
не отвернется от смерти.
Не дорожи мне сим веком:
града мы здесь не имеем.

Писано: лишь претерпевший
свободен, блажен и бессмертен.
Нам ли бояться огня,
детям животворящего Света?
Станем мужески, аще
тело пылает огневи.
Станем мужески: слово
в Слово приходит, сбываясь.

В лето тысяча шестьсот восемьдесят второе
от Рождества Христова
апреля четырнадцатого дня
поименованные еретики
сожжены там же, в Пустозерске.

Развитое самосознание!
Попробуй, обожги руку!..

В чёрных погасших грудах
угадывались человечьи фигуры.
На авансцену культуры
выходило
новое

действующее лицо:
родная литература.

Рождество слова
в погасшем огне.
Всё видится мне:

Пылали, не жалея тел.
За что бы ты сгорел?

2011, 2019

СВЕТЛАНА СУСЛОВА
Народный поэт Кыргызстана

ЗИМНИЙ ДОЖДЬ

Невечная планета,
Где все чего-то ждём,
Где можно незаметно
Поплакать под дождём.
Из старых стихов

ПОРТРЕТ МАТЕРИ

Запечатлеть любимые черты
Невмоготу — все краски слишком тусклы.
Меняй палитру, кисти ли, холсты,
Настраивай всех чувств глубинных гусли —
Нет, всё не так. И понимаешь вдруг:
Нельзя вместить в картину мир бескрайний,
Беспечность детства, ласку нежных рук
И радость от исполненных желаний —
За это непростое волшебство
Платила мама жизнью, красотой,
Своею неисполненной мечтою...
Невольное, но всё же воровство
Мы, дети, ощущаем лишь тогда,
Когда вернуть, увы, былое поздно:
Весь мир наш освещавшая звезда
Уже слилась с другими в Млечном звездном
Пути, где нам её не отыскать,
Не попросить прощенья, не обнять уж.
Уже и сами, как морской окатыш,
На берегу житейском тишь и гладь
Готовы демонстрировать судьбе.
Но синева небес однажды глянет
На нас, как вопрошающая мать,
И станет стыдно вдруг за внешний глянец,

За тайны неосиленных проблем,
За прочие обидные невзгоды,
За то, что угодить пытались всем,
Лишь растеряв дарованные годы.
Что быть такими щедрыми, увы,
Не удалось нам – жизнь прошла, как гонка,
И так, как мама, биться за ребёнка
Нам не хватило сердца, головы,
И времени, и красок бытия...
Портрет закончу, может быть, когда-то.
Когда пойму лишь: в чём ошиблась я
И в чём перед природой виновата.

ЗИМНИЙ ДОЖДЬ

Зимний дождь за окном.
Он вернулся из юности давней,
Когда всё – невпопад,
Когда лгут календарь и прогноз.
Не забудешься сном,
Если юность назначит свиданье,
И заплаканный сад
Станет призрачно-смутным от слёз.
Я не плачу давно,
Что друзей моих меньше и меньше
Здесь, на этой земле,
Где свершается всё невзначай.
Я раскрою окно.
Небо – в старческих латках проплешин.
Но проступят во мгле
Две звезды. Это смотрит печаль.
Новогодняя ночь!
Тихий дождь – как предтеча прощанья.
Всё течёт в этом мире,
Где юность и старость – мираж.
Ведь душа молода,
И к материи так беспощадна,
Что природа, и та,
Размывая, стирает пейзаж.
Зимний дождь за окном.
Все утраты оплаканы всеу.

Новогодний потоп
Вновь эпоху уносит навек.
Вся душа напоказ.
Небо, слившись с землей в поцелуе,
Очищает всех нас,
Чтоб забрать в свой бессмертный ковчег.

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество – это холодное блюдо
С горьким перцем утрат и горчицей измен.
Одиночество – это обманная ссуда,
Где процент начисляют с чужих перемен,
Неподвластных тебе, неподсудных, незримых.
И проходит однажды твой преданный друг –
Не тобою он предан, – однако же мимо
Он проходит, тобою побрезговав вдруг.
Можно тысячи разных причин перечислить,
Что домыслить, что вовсе придумать опять.
И его оправдать. Но осенние листья
Опадают навеки – в грязи истлевать.
Так и чувства людские. И сколько ни тужься,
Не родишь даже отблеск доверья в душе.
Одиночество – чистка, пожалуй, оружия,
Что в последнем бою побывало уже.
Пусть луна замирает за скомканной шторой,
Пусть не движется стрелка уснувших часов –
Ты полюбишь своё одиночество скоро,
Что приходит всё чаще без снов и без слов.
Ты его, как гурман, будешь пробовать чутко,
Смаковать – без сравнений с ушедшим былым.
Одиночество – вечности тонкая шутка:
Всё, что было, уносится ветром, как дым.
И приходит свобода от чувств и желаний,
От любви, от сомнений, от грёз и надежд.
Вот и палишься в ночь – как агнец пред закланьем,
На луну – на шаманское солнце неведжд.

Жизнь – шагренева кожа.
Чем больше сбывается в ней,

Тем быстрее она убывает, и тает, и тает.
Не мечтать? Невозможно.
Так сон не стреножишь во сне.
Нас душа – молодая –
Подводит, в бессмертье витая.

СЕКРЕТ

Я люблю на чужом языке
Слушать страстью кипящие речи:
Словно щепкой лечу по реке,
Словно в пуще блуждаю под вечер.
Смутный рокот согласных, и взлёт,
И паденье, и сбив интонаций –
Это в омут затянутый плот,
Это к берегу вплавь не добраться.
Но, когда от игры устаю,
Постигаю те речи наитьем:
Я нечаянно вдруг узнаю
Чувств, и мыслей, и звуков соитья,
Проясняется смысл, и душа
С говорящим сливается словно.
Дверь в Единство лишь тем хороша,
Что ключи к ней – Любовь, а не Слово.

ДАР

И холст, и кисть забросив в одночасье,
Художник мнит, что дар его при нём,
Что заждалось другое в мире счастье,
Что прежний жар легко раздуть огнём.

На пепелищах душ растут бурьяны,
Чертополох, полынь и лебеда.
Там прежних чувств колышутся туманы.
Там слёзы льет угасшая звезда.
Там бродят тени прошлого в пустыне,
И миражи колышет ветерок.
Художник думал: сердце не остынет,
И божьим даром он запаса впрок.

Дрожит рука, нетвёрдая уже.
Беспочвенны пустые сожаленья,
Как сень садов в бесплодном мираже.
Но сердцу мнится прежнее горенье
И обмиранье в трепете любви...
Почти полёт – свободное паденье:
Попробуй их несходство улови.

Наша память – это сводня
Дней минувших – дней грядущих:
Нам солжёт она сегодня, чтобы завтра снова лгать,
Что, мол, кущи были гуще,
Что осилил путь идущий,
Что любил любимый гуще,
Чем свою родную мать.
Память! Памятник былым
Всем несбывшимся надеждам,
Сумасшедшим ночкам грешным,
Дням, растаявшим, как дым;
И черешням, и скворешням,
Далям – отчим и нездешним,
Перепутанице вешней
И невеждам молодым!
Чем засеяли мы пашни –
Завтра скажет день вчерашний,
Хоть уже не настоящий,
А легенда и молва:
Он ведь был судьбе указчик!
А когда сыграем в ящик,
Память близких нас обрящет
В том, где мы навек пропащи,
Но остались как Слова.

ЛИСТОПАД

Почему-то озаренья –
Чаще разочарованья:
Из свободного паренья
Попадаешь на закланье.

НА ВЕТРУ

Давай, мой друг, попробуем, укрывшись
От холода вдвоем одним пальто,
Не думать, как неблизок путь до крыши,
И радоваться – нет дождя зато,
И вспоминать, как много счастья, света
В годах, что пролетели навсегда,
В которых тьма, и та, была согрета,
И взгляды ввысь всегда вела звезда.
Всё было, было! Море и лаванда
Диван качали, узкий, как скамья.
А что осталось? Роскоши бравада,
Привычкой закреплённая семья.
Мы у судьбы отныне звёзд не просим,
С кряхтением просыпаясь поутру.
Возрадуйся, что можно в эту осень
Одним пальто согреться на ветру
И что сейчас, продрогнув на дороге
Вдали от дома, полного добра,
В глазах друг друга всполохи тревоги
Находим, словно слитки серебра,
Что чуем солнца соль мы сквозь наплывы
Тяжёлых туч, плотней бобровых шуб.
Что ощущаю вновь себя счастливой,
Хоть близок дождь и ветер хамски груб,
И что летит над нами, осеняя,
Знамена юной осени – листва,
Что я теперь уже почти не знаю,
О чём роняю тёплые слова.

Миг настоящий тоньше нити той,
Что паучок раскинул между веток.
Вчера и завтра в нём сошлись в простой,
Как вздох последний, вечной точке света,
Что взглядом никому не уловить
И даже знать о ней дано, минуя.
Вновь на виске, блеснув, осела нить
Прощального мгновенья-поцелуя.

Я – гражданка когда-то великой страны,
Что пытались в преданья замкнуть старины.
Я – осколок единого сонма людей
И почти позабытых прекрасных идей,
Что усилями власть захвативших гостей
Все низвергнуты в уровень детских затей.
Что поделаешь: время циклично, увы.
Те, что всплыли наверх, – те сегодня правы,
Хоть в народе известно, пожалуй, давно:
Вверх всплывает не золото, нет – а ... оно.
И настанет, я знаю, тот день, что снесёт
Ложь со-мнений и хлипкий обманчивый лёд
Всех дорог, что уводит в пустыню народ,
Проморгавший свой верный единый оплот.
И уже обновленных идей паруса
Будет ветер попутный вздымать в небеса,
Правды свет будет бить, путеводный, в глаза,
Чтоб опять заблудиться нам было нельзя.

ОДА МГНОВЕНЬЮ

В глухой ночи проснуться и понять:
Одно мгновенье вечности бездонно.
И можно, понимая, не приять:
Душа – она всегда, увы, бездонна.
Как к стебельку улитка – на момент
Прислонишься, прилипнешь, замирая.
О, хватка чувств! – покруче, чем цемент,
В ней даже ум творит гротески рая.
А это просто жизнь. Одна из всех.
Любовь. Страданья. Да, сперва рожденье
И первое, увы, грехопаденье.
Грех первородный – первый наш успех.
Семья. Карьера. Дети. Славы дым.
Глядишь – былинка клонится над бездной.
Кому дано остаться молодым?
Кому дано быть кем-то безвозмездно?
И вот, уже скользя в немую тьму,
Теряя чувства, знания, званья, позы,

Узрев, что ты не важен никому,
Всё, что ты нажил, — это только грёзы,
Поймёшь: бесценен в мире каждый миг,
Что сквозь тебя твоей судьбой преломлен,
Неповторимый — он как свет огромен
И тьме назло бездонен и велик.
Ведь сотни жизней пережили мы
В стремленье светом душ наполнить Лету,
Чтоб вновь и вновь — пусть сотни раз отпетым —
Творцом мгновений смысл отъять у тьмы.

И счастлив тот, кто смог осколки те
Запечатлеть в делах, в словах ли в камне:
Такой и в вечность звёздочкою канет
Светить другим в бездонной пустоте.

Талант ДЖОЛДОШБЕКОВ

ОПЯТЬ СТИХИ

ВОРУЙТЕ

*Возможность украсть и создает вора.
Американская поговорка*

Воруйте без стеснения, господа,
Коль полномочия даны на то вам.
Чем доставать рыбешку из пруда,
Вернее поживиться на готовом.
По недогляду, слава богу, тьма
Еще вокруг вещей, лежащих плохо,
Берите и тащите в закрома,
А волноваться предоставьте лохам.
Им, говорят, не позволяет честь
До посиненья пить и жрать от пуза.
Наверное, и совесть где-то есть,
Но умному она всегда обуза.
Пусть барабанят, чёрт бы их побрал,
Завидуют же бедолаги втайне.
Да я и сам бы что-нибудь украл,
Когда бы не издержки воспитания.

ДОЖДИ

*Жизнь - это то, что происходит с нами,
пока мы строим планы на будущее.
Джон Леннон*

Жил да поживал, и вот
Набежало семью восемь,
И апрель уже не тот,
Он теперь похож на осень,

Даль небесная седа,
Зелена земная шерстка,
А надежда, как всегда,
Поит всласть, да стелет жестко.
Мне бы со своей тоской
Разобраться на досуге,
Но вращаюсь день-деньской
Я в миру, как в центрифуге.
Вечно кто-нибудь зовет,
Что-то впереди маячит,
Только проглочу зевок
И вдогонку за удачей.
Утро, вечер – сутки прочь,
А за ними и неделя,
Воду некогда толочь,
Меньше думай, больше делай.
А кругом дожди, дожди,
Неприятные, пустые,
Словно тысячи сурдин,
Выдали концерт постылый.
Неужели эта хлябь
Повсеместна и надолго
Или просто я ослаб,
Нагрузившись чувством долга?
С причитаньями весны
Старость прибывает плавно,
Берега ее тесны,
А ведь было столько планов!..

НЕТЛЕНКА

*- Такие стихи, как твои, нравятся друзьям
не потому, что они очень хороши,
но потому что ты хороший человек.*

Иван Тургенев

О чем еще вам рассказать
Аккордами четверостиший?
Есть и умение, и азарт,
Могу погромче и потише.
Словечко бросьте лишь одно
Иль на него хоть намекните –
Развернутое полотно

Я вытащу для вас из нити.
Александрийского столпа
Пусть будет памятник не выше,
Зато крепка его стопа
И слог без новомодных фишек.
Люблю скитаться налегке
В пределах собственного сада.
Строку прилаживать к строке —
С младенчества моя отрада.
Не верю в истину ничью,
Не жду благоприятных чисел.
Где захочу, там и мечу
Налево и направо бисер.
Почти что классик для друзей
И просто родственник для близких,
Юдоль раздумий и страстей
Я не покину по-английски.
Так что, попутчики мои,
Покуда нет проблем с дыханьем,
Божественный ультрамарин
Давайте волновать стихами.
И если не загложит быт
И не поставит на колени,
То, очень даже может быть,
Со мной останетесь нетленны.

СТАРИННЫЕ ДРУЗЬЯ

*Душа, не стремись к вечной жизни,
но постарайся исчерпать то, что возможно.*
Пиндар

Не наглядеться мне, не наглядеться
На вас, мои старинные друзья,
И с голодом неутолимым сердца
Поделать ничего уже нельзя.
Я пью за вас, расплескивая рифмы,
Солирую, чтоб дар мой не зачах,
А на просоленном гитарном грифе
Танцует ангел в солнечных лучах.
Какие б мы друг другу не давали
Уроки беспощадные порой,
Теперь уже расстанемся едва ли,

Ну разве что за гранью роковой.
Пока же ищем и находим повод
Увидеться, коль ноги на ходу,
Всегда понятливые с полуслова,
У праздника идем на поводу.
Щепотку свежих новостей под пиво -
И к дьяволу сомнительный престиж,
Ведь жить по-настоящему красиво
Сегодня никому не запретишь.
А что еще отмерено и сколько
Судьбой, о том познания скромны
У нас, у ослепительных осколков
Великой приснопамятной страны.

Татьяна УШАКОВА

СТИХИ

Фиолетовый си-бемоль

Налимонился чайный куст,
Фиолетовый си-бемоль,
Жабой слово из горьких уст,
Шоколадной глазурью боль...

Плющ обиды раскинул сеть
По растрескавшейся стене,
Ароматом медовым плетъ
В свежевывернутой руке...

Травки мятной косяк взятяг.
Мысли – слезоточивый взрыв.
Радуг крошево расплескав,
Улыбаюсь себе навзрыд.

Обоняние жжет закат,
Выпив кровь скоморошских ран.
Волновая летит строка
И хохочет в пустой экран.

Живая осыпь

Оскалили скалы клыки-утесы,
Ледник обнаженные склоны лижет.

Ботинки так нежно ласкают осыпь,
Что кровь то вскипает, то стынет в жилах.

Так девочку любит мужик умелый,
Расчетливо, чутко, не сделав больно.
Да только под нами та еще стерва,
Любая неточность, и ты – покойник.

Еще полста метров, и скальный выступ.
Расслабиться можно, глотнуть из фляжки.
Нужны лепестки «победить» и «выжить»
На солнечно-снежном цветке ромашки.

Сорвем тот, что нужен, я точно знаю.
Мы верим в себя и горами бредим.
Да, выбрали риск и идем по краю,
Нам дым городов, безусловно, вреден.

Достигнута цель - мы стоим на пике.
Победы оргазм, распахнувший космос,
Сползает усталость со светлых ликов,
Внутри и снаружи – звездная россыпь.

Небесный мост

Почти неделю сеет, поливает.
Отмыты листья, крыша и окно...
Дождем рожденные на струях блюз играют,
Чуть разбавляя мрачное кино.

А дети солнца ждут лучей горячих,
Зайчишек, что мелькают в кронах лип,
Свечей каштана терпких и манящих
Загадкою цветочных пирамид.

Однажды утром или пополудни
Светило выйдет из-за пелены,
И радуга – цветастая колдунья –
Соединит две разные страны.

Раздвинув тучи серые, как шторы,
Касаясь кистью блеклого холста,
Раскинется по вешнему простору
Волшебный спектр небесного моста.

Александр МОРОЗОВ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Дворник Мамиджан

В шумном потоке граждан
Житель Узбекистана -
Я повстречал однажды
Дворника Мамиджана.
Встреча была случайной,
Как-то само сложилось –
Сидя за чашкой чая,
С ним мы разговорились.
В школе - он лучший школьник...
Было НИИ когда-то...
Нынче – московский дворник
Мётлы, мешки, лопаты...
Статен и волос чёрен,
Крепок, с широкой костью.
Был молодым учёным,
И с перспективой роста.
Жить не бывает просто,
В охах - ни капли толку.
Помним, как в девяностых
Рвались страны осколки.
Как разрушались связи,
Многих ломались судьбы.
Кто-то - из грязи в князи,
Кто их теперь осудит?
В новом капитализме
Сколько живёт «не очень»?

А у дороги жизни
Хватит на всех обочин.
В век наш ожесточённый
Крепко пришлось побегать:
- Нужен кому учёный?
- Что ты умеешь делать?
Жизнью мужик побитый
Вновь расставлял акценты.
Нужно вернуть кредиты,
Нужно платить проценты.
Дома растёт дочурка,
Дома – больная мама...
И согревал под курткой
Томик Омар Хаяма.
Знаешь, стакан гранёный -
Я не беру на ужин...
Мог бы я быть учёным,
Только кому он нужен.
Маленький принц - как Мамик
Тоже вставал с рассветом.
Он поднимался рано
И убирал планету.
Сколько людей упрямых
В душах покоя ищут?
Сколько таких, как Мамик,
Делают Землю чище...

О поэтах

Посмотри, какое полнолуние!
Слышен у палаток звон гитары.
Для кого-то я, конечно, юный,
Для кого-то я ужасно старый.

Рассуждать о степени таланта
Очевидно, нужен дар особый.
В чём-то я похож на дилетанта,
Ну а в чём-то я поэт матёрый.

Чтоб попасть на «верх», не лез из кожи,

Получалось жить не сильно гладко.
Не старался быть для всех хорошим,
По ночам кропал стихи в тетрадку.

В лабиринте жизненных вопросов
Зыбко всё и неопределённо...
Для кого-то я поэт-философ,
Для кого-то - белая ворона.

Государства - это те же зоны,
Бьют порой по темени копытом.
Я не собираю стадионы -
Не предпринимал таких попыток.

Если б замолчали в мире пушки
От моих простых стихотворений...
Кто-то усмехнется: «Да, не Пушкин».
Кто-то, прочитав, воскликнет: «Гений!»

Хоть бывшие раны кровоточат,
Но упорство нам дарует силы.
Снова мы проходим тест на прочность -
Не сломались, не сложили крылья.

Наступает новый понедельник,
Дорожают перья и бумага...
Кто-то скажет, что поэт - бездельник.
А возможно: пахарь-работяга.

Километры строчек за плечами,
Ничему нас жизнь, увы, не учит...
Для того поэт не спит ночами,
Чтобы сделать мир немного лучше.

Разве город мой обитаем -
Где теперь вы, мои друзья?
Как давно я не видел чаек,
Да и моря не видел я...

Вывран с корнем, повсюду лишний
Хоть, казалось бы, сыт и пьян,
Словно нищий, который ищет
И находит в судьбе изъян.

Он исправит его, быть может,
И иные найдёт пути...
Каждый крест свой несёт и должен
До конца его пронести.

Не прошу ничего у Бога,
У него без того хлопот...
Вдаль уходит моя дорога
И обратно меня зовёт..

По дороге метёт поэмка -
Замела бы мои грехи...
За спиной у меня котомка,
А в котомке лежат стихи.

О детстве

Достались мне в наследство
Веснушки на носу.
Я не впадаю в детство,
И ересь не несу.
За юность мне не стыдно
Несется время вскачь...
Я стал большим и видным,
И тертым, как калач.
А раньше, было дело,
С ватагою ребят
От сторожей я бегал,
Что охраняли сад.
В саду, презрев опасность,
Порхал среди ветвей
Болталось яблок счастье
За пазухой моей.
Хранили мы секреты,
Не ведали преград,

Огромные портреты
Тащили на парад.
Тогда еще не знали
Ни горя, ни беды.
В стаканы наливали
С сиропом газводы.
Катались на вагонах,
Ловили пескарей...
Я не скажу плохого
О юности моей.
Она была такая,
И нет возврата к ней.
Хоть не было вайфая,
Но пруд пруди друзей.
Они будили свистом,
Мы – не разлей вода,
Не знали вкуса чипсов
Но это ли беда?
Присядем на дорожку,
А после в лес пойдем.
Печеная картошка
И сало над огнем...
Хлеб сахаром посыпал,
И нет его вкусней...
Сейчас полно призывов
Отречься от корней.
Мол, все, что было, плохо.
А жизнь – ни дать ни взять.
С экранов модно охать
И грязью поливать.
Я не воспринимаю,
Кто б что ни говорил,
Страна моя большая –
От Крыма до Курил!
Великое наследство
Вернуть мне не дано...
Я помню наше детство -
Счастливое оно!

Ангел

Жил он тихо, спокойно и просто,
Слыл философом и брадобреем.
Был направлен сюда в девяностых,
Чтобы мир стал мудрей и добрее.

Он мирил враждовавших соседей,
Помогал старикам, если надо,
Градус мог понижать у беседы,
Если вышла на градус площадный.
А бывало, пускался вприсядку,
Чтоб не выть от тоски и бессилья -
Ныл безудержно шрам на лопатках,
Там, где некогда хлопали крылья...

И во взгляде - вселенскую тайну
Он хранил до скончания века.
Умирал обескрыленный ангел,
Навсегда становясь человеком.

Деревенское

В столицах всё всегда отлично
И день и ночь снуёт народ.
Нам дела мало до столичных -
Спешим то в лес, то в огород.

К тому же здесь мощнее травы
И ярче первая звезда,
Хоть, может, в чём-то вы и правы,
Кто уезжает в города...

За жизнью лёгкой и весёлой
Спешат, покинув отчий кров,
Но кто-то остаётся в сёлах,
Растить хлеба, доить коров

В морозный день, по солнцепёку -
Все от земли и от сохи...
Деревня всё же ближе к Богу,
Здесь чище люди и стихи.

ДОРОГА К ХРАМУ

Идут дожди, метёт пурга,
Ухабы, ямы.
Дорога эта нелегка -
Дорога к храму.

Вверх по брусчатке в гололед,
Шагать непросто.
А у распахнутых ворот
Стоит апостол.

Война идёт который год
Бои без правил...
У райских врат апостол Петр,
А рядом Павел.

Хватает ложной красоты -
Вокруг химеры.
Важны для Бога не кресты,
А крепость веры.

И потому-то непроста,
Крута дорога.
Для тех, кто верует в Христа,
Кто верит в Бога.

НОГИ

Было это в ноябрьскую среду,
(Хоть уже не припомню всего.)
Хоронили безногого деда,
А потом поминали его.

В огороде воронка зияла,
Полстены разнесло в ноябре.
Завернули дедка в одеяло,
Чтоб придать его тело земле.

Повезло, что собаки и волки
Не добрались до трупа пока.

Отодвинув с прохода осколки,
Понесли в огород старика.

Вязок воздух от чада и гари,
И от поднятой взрываю земли.
Ну, а ноги... мы долго искали,
Но найти их никак не могли...

От того на душе беспокойно -
Как ему на том свете без ног?..
Ночью снова приснился покойник:
«Ты принес бы мне ноги, сынок»...

Я о том никогда не забуду,
Даже если хотел бы забыть!
Я - дебальцевский поэт,
Я равнодушен к регби и футболу,
С женою сериалы не смотрю.
Мой младший сын уже закончил школу,
А старший сын создал свою семью.

Живу в деревне в деревянном доме,
Дойдёт когда-то и сюда прогресс.
Лежат сейчас в полях тюки соломы,
Шумит за огородом древний лес.

Из янтаря в лесу лисичек россыпь,
Опята крУгом на трухлявом пне,
Здесь небо ниже и сильнее грозы,
И дом родной всё чаще снится мне.

Меня судьба хранила не напрасно,
Хотя хлебнул и горя я и бед...
Я был и остаюсь певцом Донбасса,
Я - русский, я - дебальцевский поэт!

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Александр КАМЫШЕВ

НОЧЬ «ТЮЛЬПАНОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Как я радовался, когда мне в начале 2000-х годов удалось арендовать для нумизматического салона полуподвальное помещение прямо на центральной площади в галерее трикотажной фабрики «Илбирс». После долгих поисков я без надежды на успех записался на прием к заместителю директора трикотажки Василию Егоровичу. Он почти отказал мне, но в разговоре выяснилось, что мы родились в одном сибирском поселке, правда, с разницей в двадцать лет. Счастливая случайность предопределила мою судьбу. Планы, один оптимистичнее другого, сулили заманчивые перспективы – вот теперь-то я смогу раскрутить свою фирму. Многочисленные туристы, прибывающие в столицу Кыргызстана, непременно заглянут в салон за сувенирами и монетами. Да что там заглянут, они будут толпиться в очереди у входа, мечтал я. Пускай мои конкуренты Вадим и Дмитрий завидуют!

С Вадимом мы раньше дружили. Став безработными после развала Советского Союза, вместе постигали основы антикварного бизнеса. До того времени я двадцать лет работал начальником буровой партии в Институте инженерных изысканий, ставших вдруг никому не нужными, попал под сокращение и Вадим, инженер машиностроительного завода имени Ленина. Я учился у него предпринимательской хватке, а он осваивал азы нумизматики, которой я болел с детства. Вдвоем мы сумели продержаться в лихие девяностые. Часто к нам заходил Дмитрий. Сразу по окончании военного училища ему довелось побывать в горячих точках разваливающейся страны, а оказавшись не у дел, он стал присматриваться к нашему бизнесу, напрашиваясь в компаньоны. Когда мы его отшили, Дима открыл ломбард, принимая в залог антиквариат.

Как это часто случается, партнеры со временем становятся конкурентами. Нас с Вадимом сия чаша не миновала. Когда помещение, в котором мы работали, срочно приватизировал столичный мэр, Вадим решил стать индивидуальным предпринимателем. Мы разделились и разъехались, создав независимые торговые точки, а потом из-за небольшого конфликта перестали общаться. До подвала в «Илбирсе» мне пришлось поменять четыре места, а каждые два переезда, как говорят опытные предприниматели, равносильны одному пожару. Заключив долгосрочный договор об аренде, я надеялся на успех.

Скоро выяснилось, что преимущества торговой точки в центре мегаполиса имеют и оборотную сторону. С утра до вечера праздные посетители рассматривали, как в музее, сданные на реализацию старинные вещи, фарфоровые статуэтки, монеты, значки, и в конце следовал неизменный вопрос:

– Вы что, эту рухлядь покупаете? А мы все бабушкины вещи в мусорку отнесли.

Как оказалось, надоедливые зеваки – лишь безобидные цветочки, ягодки вызрели гораздо горше. В то мартовское утро перед моими окнами собралась многочисленная толпа, в основном женщины и молодежь, она шумела, хаотично перемещаясь в ожидании предстоящих событий. Тревога висела в воздухе задолго до происходящих событий. По столице носились слухи один страшнее другого, что с юга через перевал к городу подтягиваются разъяренные толпы. Протестные события после выборов в парламент, куда оппозиционерам не досталось мест, зародились в южных областях и ознаменовались захватом административных зданий и перекрытием дорог. Баламутили воду партийные и государственные деятели, отлученные от кормушки льгот и привилегий государственных постов, созывающие на митинги своих земляков. Активизировалась и криминальная братия при попустительстве власти, урвавшая капиталы и теперь в своих корыстных целях спонсирующая беспорядки. Управляемая неведомым режиссером толпа готовилась сыграть свою роль в народной пьесе, называемой «Революция».

Большинство горожан тогда и не догадывалось о готовящихся погромах, но наши соседи из офиса сети магазинов оказались опытнее или предупрежденными и заранее вывезли компьютеры и оборудование. Волнение нарастало, я вышел из салона взглянуть, что творится за углом у Дома правительства. По его периметру стояло реденькое оцепление из

безоружных, словно специально подобранных, щуплых солдатиков-первогодков. Они переминались с ноги на ногу в десяти метрах друг от друга и всем своим видом демонстрировали беззащитность пошатнувшейся власти. По мере нарастания шума толпы на площади становилось понятно, что происходит что-то ужасное. Из окна полуподвального помещения виднелись ноги людей, мечущихся то в одном, то в другом направлении. Броуновское движение зевак неожиданно приняло целенаправленный вектор, они метнулись к Дому правительства, освобождая площадь, при этом рев толпы усилился многократно. Я вышел в галерею посмотреть, что же произошло. Навстречу мне шла группа солидных мужчин в костюмах и галстуках, среди которых выделялся ректор Славянского университета, где я на полставки преподавал нумизматику.

— Что там происходит? — обратился я к своему шефу.

— Взяли «Белый дом», — как-то с усмешкой обронил он. — Недолго музыка играла...

Я вернулся в салон и позвонил жене, что останусь охранять нашу лавку древностей. Решеток на окнах не было, но имелась плотная штора, я закрыл окно и снял висевшую над дверью небольшую фанерную вывеску «Салон антиквариата» в надежде, что принятые меры предосторожности спасут наш магазинчик от незваных гостей. До позднего вечера я наблюдал через щель в шторе, как мимо меня сновали люди с награбленными вещами. Особенно впечатлила женщина, тащившая огромный диван, вероятно, выкинутый из окна верхних этажей, он потерял свою форму. Его разрушенный каркас местами торчал из обивки. Неподъемную для большинства мужчин ношу пожилая селянка, если судить по одежде, волокла одна, согнувшись в три погибели.

И все же основное разграбление города началось, когда стемнело. Рев толпы, собравшейся вокруг крупных магазинов, то нарастал, то стихал. По проспекту с бешеной скоростью носились машины, слышались вой пожарных сирен и завывание карет скорой помощи, но самыми страшными казались одиночные выстрелы и треск автоматных очередей. Воображение рисовало окровавленные и истерзанные трупы защитников магазинчиков и валютных обменов.

Каждые полчаса звонила жена:

— В городе творится черт-те что. Подруги сообщили, что в центре начались погромы. И зачем ты остался?

Ближе к полуночи раздался звонок от Димы. Он заранее

зарегистрировал огнестрельное оружие и сейчас сидел в своем ломбарде, как в крепости:

– Патронов у меня хватит, десяток положу, остальные не сунутся. Хотя им сейчас не до нас, все бегут к китайскому магазину «Гоин», там есть чем поживиться. Только что говорил по телефону с нашим конкурентом Вадимом, он тоже остался в своем закутке, но там вроде поспокойнее, рядом российское посольство, у него газовый пистолет, а у тебя что в арсенале?

– Только древко от знамени, – печально выдохнул я. Недавно иностранец купил полотнище, а древко с металлическим наконечником забирать не стал. Вот и все мое оружие.

– Ты звони, если что. У меня машина, мы с братом через пять минут будем рядом, – поддержал меня Дмитрий.

Дима – настоящий друг, бывший офицер и здоровый как лось, на него можно положиться, но что он сможет предпринять против оголтелой ревушей толпы? Тут надо взвод омоновцев, а они все куда-то попрятались.

«Плохо человеку, когда он один, горе одному, один не воин», – вспомнились заученные в школе строчки из поэмы Владимира Маяковского. И чего нам не работалось вместе? При вадимовских предпринимательских способностях, моей теоретической подготовке и финансовом потенциале Димы мы могли бы стать монополистами в городе, а сейчас сидим в одиночку по своим лавочкам. Поздние раскаяния терзали меня.

Минуты тянулись, как часы. Зачем я остался? Все это чужое старье не стоит того, чтобы сложить здесь голову, а выходить на улицу, где беснуются мародеры, еще опаснее. Как мне поступить, если все же грабители ворвутся в салон? Броситься с пикой наперевес и успеть ранить одного-другого или просить о пощаде и призывать к благоразумию?

Так и не определившись, сжимая в руке древко переходящего знамени, я наблюдал через щель в шторе за перемещениями на площади. Двое парней остановились около соседнего офиса, подергали массивную дверь, а потом стукнули чем-то тяжелым по витринному стеклу. Один раз, другой, третий. Толстое стекло звенело, но отражало удары. Посовещавшись, молодые люди побежали прочь, но не успел я перевести дух, как они вернулись снова, волоча обломок бордюрного камня. Разбежавшись поперек узкой галереи, они бросили свой таран на стекло, и опять неудачно.

«Если они выяснят, что в соседнем помещении пусто, то

перейдут к моей витрине. Надо их отогнать, пока не поздно», — решил я и, не выпуская из рук своего оружия, высунулся в открытую дверь:

— Там ничего нет, они еще вчера вывезли свое оборудование.

— Спасибо, — буркнул один из парней, а второй предложил напарнику бежать к ЦУМу.

Еще через час у моего входа остановилось человек семь-восемь мужчин и стали стучать в дверь.

— Есть там кто-нибудь? — вопрошал грубый мужской голос.

Я затаился.

— Началось, — мелькнула в голове отчаянная мысль, ноги ослабли, и я почувствовал, как пульсировала жилка у виска.

— Саша, ты здесь? — раздался знакомый голос Василия Егоровича. — Выходи, что одному сидеть, будешь с нашими сотрудниками нести охрану.

Я открыл дверь, на улице крики, шум и выстрелы доносились более явственно, но вид дружины из мужчин, показавшихся мне былинными богатырями, словно качели, унесли мои страхи к радужным ощущениям спасения. Поздоровавшись со всеми за руку и закрыв салон, я пошел вместе с ними к фабричной проходной, выходящей на улицу Киевскую. На высоком крыльце стояло еще несколько работников предприятия, наблюдавших, как неподалеку толпа грабила обувной магазин «Лيون», а рядом горел магазин одежды, вокруг которого суетились жители верхних этажей, заливая ведрами пламя, не давая ему разрастись.

Около нас остановилась полная женщина с двумя огромными коробками обуви:

— Вы не могли бы их посторожить, пока я за тележкой сбегаю.

— Какой базар, — отозвался один из дружинников. — Сохраним все в целости и сохранности. Давайте, мужики, поможем женщине. Заносите обувь в тамбур, а вы, гражданочка, можете не спешить.

Дружный хохот, сопровождавший уход наивной грабительницы, как-то разрядил обстановку. Среди этих спокойных и уверенных в себе мужчин чувство смертельной опасности постепенно отступало.

С рассветом грабежи прекратились, по разрушенным и сожженным торговым точкам шастали, как шакалы, те, кто в

ночных набегах участвовать побоялся, и сейчас они подбирали все, что осталось. Кто-то волочил поломанные кресла, а пожилая женщина тащила большую кадку с комнатным растением.

Подъехавший директор фабрики поблагодарил всех за дежурство и попросил собраться вновь вечером часам к восьми. Я пошел домой пешком через почти безлюдную ограбленную, сожженную и изнасилованную столицу. На полпути меня догнал паренек лет семнадцати и восторженно выпалил:

– Байке, вы представляете, я побывал вчера в кабинете президента, правда, там уже выставили охрану, но меня пустили. Я даже подобрал на полу его визитки. Хотите, могу одну подарить?

Я молча взял протянутую карточку, подумав про себя:

– Ах, президент, президент, бросил он нас, а я так в него верил и гордился знакомством с ним. Я тоже бывал в его кабинете на седьмом этаже в составе комиссии по выбору эскиза для первой коллекционной монеты суверенного Кыргызстана. А однажды читал академику лекцию по истории денежного обращения в ведомственном музее Национального банка, куда ранее передал свою нумизматическую коллекцию. Благодаря президентской программе «Кадры XXI века» наша дочь получила образование в престижном американском университете, а я смог осуществить свою мечту и, окончив магистратуру, защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Отечественная история». Сколько новых прогрессивных идей воплощались на «островке демократии», но, видимо, талант ученого и мудрость политика – вещи разные. Его желание баллотироваться на четвертый срок и передать власть по наследству своим детям сыграло на руку оппозиции, взбудоражившей народ. Дружинники рассказывали, что президента вертолетом со всем семейством эвакуировали накануне штурма «Белого дома».

На пороге меня встречала взволнованная жена:

– Зачем ты остался? Я всю ночь места себе не находила. Больше никуда не пойдешь! Гори все синим пламенем! Прими душ, завтракай и ложись спать!

Однако исполнить удалось только первую часть наказа, ни есть, ни спать не хотелось, к тому же один за другим стали звонить комитенты, оставившие свой товар на реализацию. Успокаивая их, что все пока обошлось, я решил все-таки вер-

нуть принятые вещи. Кто знает, какой выдастся очередная ночь. Возвратившись в салон, я начал обзванивать сдатчиков, приглашая их срочно приехать. Откликнулись многие.

Под вечер позвонил Вадим:

— Ну, как ты там?

— Ночь отстояли и день продержались, — смог вымолвить я, и голос задрожал: — А как конкурирующая фирма?

— Было страшно, но пронесло, в прямом, а не в переносном смысле. Слышал, сожгли сувенирный отдел Володи Трубача. В темноте, не найдя, где включается свет, эти скоты лазили по магазину с факелами, в суматохе и спешке бросив или обронив горящий светильник. Дима заезжал, он настроен по-боевому, жалеет, что не удалось пострелять. А ты чего носом хлюпаешь? Крепись, старина, самое ужасное позади, сейчас по городу создаются народные дружины, прошедшая ночь не должна повториться!

К концу дня полки заметно опустели, но товара оставалось еще много, не заезжая домой, я отправился в ночной дозор. Дружинники «Илбирса» собрались задолго до указанного срока, бурно обсуждая прошедшую ночь. Рассказывали, что акцию по разграблению города мародеры спланировали заранее, крепкие парни разъезжали по улицам на джипах и тросами лебедек выдергивали решетки на дверях и окнах магазинов и, не заходя в них, ехали к следующей торговой точке. А следующие за ними группы, как саранча, опустошали и торговые залы, и склады.

Из числа дружинников мы выставили сменный караул, наблюдавший за обстановкой на площади, а остальные сидели в кабинете Василия Егоровича. Незадолго до полуночи продавщицы из «Лиона» принесли большой казан душистого плова в благодарность за возвращенную обувь. Есть не хотелось, и я отказался от предложенной миски, покачав головой.

— А что это национальное меньшинство стесняется — присоединяйся! — пошутил молодой кыргыз.

Оглянувшись, я заметил, что действительно в группе дружинников был единственным русским. Пережитые ночные страхи отразились на голосе, я перестал говорить, хотя произносить слова мог, но давалось это с усилием, спазм перехватывал горло, поэтому я лишь кивал в знак согласия или мотал головой, отказываясь.

Несколько суток я ходил как впавший в гипнотическое

состояние сомнамбула, днем раздавал товар комитентам, а вечером оставался дежурить с работниками «Илбирса». Говорить и улыбаться смог через месяц, осознав, как крупно мне повезло.

Следующую революцию мы встретили вдали от центра. Дочь, видя наши мытарства по арендуемым площадям, купила нам «сталинку» на бульваре Молодой Гвардии. Переоформив двухкомнатную квартиру под антикварный салон, мы с женой уже не мечтали о толпах туристов, но верили в своих постоянных, наработанных годами покупателей.

Недовольства новым президентом росли как снежный ком по мере повышения цен на электроэнергию, отопление и горячую воду. До точки кипения население, и особенно молодежь, довели возросшие тарифы на телефонные звонки в сотовой сети. Зародившиеся в регионах протесты мгновенно перекинулись в столицу. Дальнейшие события развивались по наработанному сценарию.

Перед обедом раздался телефонный звонок от Вадима:

— Михалыч, толпа протестантов двинулась в вашу сторону, ты там смотри, поосторожнее.

Следом позвонил Дмитрий:

— У тебя по соседству оппозиционеры штурмует телевизионный центр, лучше прикрой свою лавочку.

Мгновенно в памяти всплыла ночь, проведенная в салоне на площади, и, как потом вспоминала жена, я побелел и перестал разговаривать. Мы спешно собрали самые ценные вещи, набив ими несколько сумок, и на такси увезли домой. Подняв тяжелую поклажу в свою квартиру на пятом этаже, мы облегченно вздохнули, чувствуя себя в относительной безопасности. Поздно вечером в дверь позвонили. Напряжение в связи с тревожной обстановкой в городе, когда по телевизору сообщали о десятках убитых и грабежах многострадальных магазинов, вылилось в липкий страх. Кто бы это мог быть? Мы никого не ждали. Осторожно подойдя к двери, я глянул в глазок. На площадке стояла темнота, а звонок трезволив, не замолкая.

— Кто там? — смог тихо прошептать я.

— Вам тут под дверь подложили какую-то сумку, гляньте, может, со взрывчаткой? — раздался взволнованный голос соседа.

Я открыл дверь и остолбенел, увидев забытый на лест-

ничной площадке баул, заполненный коллекционными монетами, значками и фарфоровыми статуэтками. Впору опять было хвататься за сердце.

Прошло еще десять лет, монополию с друзьями мы так и не создали, но поддерживаем хорошие отношения, переправляя друг другу редких покупателей. На днях Дима сбросил мне на WhatsApp невеселую шутку: «Бишкеку не дает покоя слава города на Неве – колыбели аж трех революций».

В душе поселились старые страхи, и настроение испортилось на весь день. Как быть? Куда теперь переезжать? К черту на кулички? Третьей революции наш бизнес не переживет.

Александр КРЯЧУН

КРАХ РОЗОВОЙ МЕЧТЫ

*Левану Алибегашвили –
оппоненту, который остался
одним из лучших моих учителей.*

Время, которое будет описано в этом документальном рассказе, скорее похоже на очерк, было одним из самых неблагоприятных в Кыргызстане. Советский Союз уже канул в Лету, а взамен его еще ничего не предлагалось. По словам кинорежиссера Толомуша Океева, «...написаны тома по переходу от капитализма к социализму, но ни одной книги – по переходу от социализма к капитализму...» . Страна жила самотеком, и никто не знал, в какой строй мы «вляпаемся», как и по какой системе будем жить. Попытку сделать себя богатым и, значит, счастливым одним взмахом ладони предпринимали многие. Кто падал на самое дно, примеряя на себя нововведенную аббревиатуру «бомж». Кто умирал с пулей или ножом в печенке, и только единицы, обокрав других, становились богатыми. Но, к их удивлению, счастье с богатством не приходило. Другие хотели славы, и оказалось, что это довольно просто – пробеги в розовых трусах с белыми рюшечками по центральной улице, и завтра на дрожащих от нетерпения страницах желтых газет будет твое имя набрано заглавным шрифтом на первых полосах. И не надо для этого летать в космос или пересекать пустыню Сахару. Ну а стоявшие у трона правления мужи, почуяв власть, вершили деяния фараоновских масштабов, воздвигая песочные пирамиды руками народа.

Вечером 2 февраля 1997 года мне позвонил неизвестный и предложил встретиться. Он сказал, что именно для меня есть хорошая работа по моей специальности. В это время я работал в проектном институте «Кыргыздортранспроект», в отделе дорожных изысканий. Финансовые дела были на нуле – зарплату не платили несколько месяцев. Подавив в себе чувство патриотизма по отношению к родному институту, в котором проработал более 20 лет, ответил неизвестному работодателю: «Я согласен! Что нужно делать?» Собеседник сказал, что все сообщит завтра.

Утром в назначенном месте меня встретил художавый человек в очках и представился:

– Дю Валентин Николаевич. Дорожник. Я создал новое предприятие, и мне нужны специалисты по изысканиям дорог в горных условиях. Первые работы должны были начаться еще вчера. По инициативе губернатора Иссык-Кульской области Касымова Тойчубека Касымовича и президента республики Акаева Аскара Акаевича нам предстоит разведать, запроектировать и построить автомобильную дорогу из Чолпон-Аты в Алма-Ату. Напрямую. Через два хребта. Если согласен, выезжаем завтра. Документацию, которую можно было достать, предоставляю, – он протянул мне приготовленную тонкую папочку, в которой лежала топографическая карта масштаба 1:25000. Одна-единственная.

Такого скоропалительного поворота своей судьбы я не ожидал. Но перспектива новой работы увлекла сразу, и я ответил: «Согласен!»

Валентин Николаевич, оставляя мне карту, сказал: «Дорога нужна от села Чон-Сары-Ой, что на северном побережье Иссык-Куля, до Алма-Аты. Посмотри маршрут и сделай прикидку трассы». Все было так обыденно, будто разговор шел о садовой дорожке на даче, ведущей от крыльца до калитки. Ведь на такие глобальные сооружения приглашали самые престижные проектные и строительные организации. А тут, на скамейке, около которой сквозь семечковую шелуху и конфетные фантики не было видно тротуара, решалась проблема республиканского масштаба людьми, еще вчера не знавшими друг о друге.

Рюкзак у меня был готов всегда. Он стоял в «боевом положении». Нужно было только записать в него свежих бу-

тербродов, наполнить фляжку спиртом, закинуть за плечи, и можно пускаться в дорогу. В нем находилось все, что могло пригодиться для жизни в любых условиях: в пустыне, степи, лесу или, как сейчас, в горах. До двух часов ночи я изучал представленные мне карты. Набросав примерный план трассы, я убедился, что «там нужно поработать».

Валентин Николаевич заехал за мной рано утром 4 февраля 1997 года. Дорога длиной в 240 километров до поселка Чон-Сары-Ой будто мигнула перед глазами. К обеду мы были на месте. Комиссия из местных чиновников во главе с губернатором Иссык-Кульской области Касымовым ожидала только нас. Во дворе ДРП (дорожно-ремонтный пункт) стояли оседланные лошади. Путь по нехоженому снегу, да еще к тому же мокрому, для лошадей был испытанием. Копыта вязли в жидкой хляби, не давая прыти, которая нужна была для обозрения будущей трассы еще до того, как солнце уйдет за хребет.

Мы остановились на повороте полевой дороги, которая уходила по правому берегу реки Чон-Сары-Ой в горы и терялась за первым поворотом. Далее сухая желтизна предгорий сменялась синевой, на которую нахлобучивались белые шапки хребта Кунгей-Ала-Тоо.

Познакомившись с губернатором, я сказал: «Вы покажите мне точку отмыкания и скажите конечный пункт, куда должна прийти дорога. Остальное – дело опыта, строгих норм СНиПов и финансовых возможностей заказчика».

Тойчубек Касымович, ветеринар по профессии, посмотрел на меня и, вытянув вперед руку, сказал:

– От этого места и до перевала только прямо. До Алма-Аты дорога должна быть высшей категории, на ней не нужны повороты. Один должен быть на реке Чон-Кемин и второй – с Чон-Кемина на Алма-Ату. Больше никаких серпантинных, которые вы, дорожники, любите накручивать.

Я понял, что предстоит нешуточная борьба за право «быть правым». Перед этим я всю ночь изучал карту, переданную мне Валентином Николаевичем, и поэтому был «вооружен» основательно. Вся трасса у меня была уже готова, ее осталось только пройти в натуре, с трассированием и расчетами.

– Прямо не получится. Нужно вписываться в рельеф, чтобы избежать слишком больших объемов работ, соблюсти все нормы СНиП и, значит, лишних денежных затрат.

– Ты о деньгах не беспокойся. Сколько надо, столько и затратим.

– И прямо не получится по той причине, что мы до перевала не наберем расстояния, чтобы выйти с нормативными максимальными уклонами – 10 сантиметров на 1 метр. Перевал высокий.

– Понизим. Взорвем. Взрывники уже несколько лет без работы сидят – взрывчатку не знают, куда девать. На сколько нужно понизить? На 10 метров? На 100? На 500?

Я представил громаду объема работ для понижения перевала на 500 метров и ужаснулся. Так мы уничтожим и распугаем всю оставшуюся живность в пределах всего северного берега. Заряд аммонала в смеси с селитрой величиной с пирамиду Хеопса; взрыв, разметавший хребет Кунгей на протяжении нескольких километров; осколки скальных глыб, пролетающих 30-километровое расстояние до берега озера за несколько секунд – все это представилось мне апокалипсисом всего иссык-кульского побережья.

– Можно обойтись малыми жертвами и пройти перевал без взрывов и большого убытка для природы.

– Взрывать надо. Я уже сказал взрывникам, что для них в этом году много работы.

– Я вам покажу не раньше чем через месяц, как будет выглядеть дорога, когда сделаю предварительное трассирование.

– А сейчас не можешь?

– Единственное, что я могу сказать, это то, что дорогу здесь построить можно.

– А почему все-таки нельзя прямо, прямо и прямо? Сыпать полотно, прокладывать трубу, где натыкаемся на речку, и дорога будет ровной и безаварийной.

– Не всякая прямая дорога безаварийная. Ровная трасса, наоборот, расслабляет и сильнее утомляет. А повороты всегда держат водителя в напряжении, приучают к осторожности. А если только прямо, у нас объем работ выльется только в насыпях порядка 20 миллионов кубов.

Тойчубек Касымович, видно, не очень ясно представил эту цифру – 20 миллионов кубов грунта.

– Ну и что! Мы не наберем 20 миллионов щебенки? Ее полно в горах. Гребни да вози. Или будем взрывать перевал, понижать его – оттуда и возьмем, – показал он на горы.

Чтобы уйти от бесполезного разговора, я хлестнул ло-

шадь и въехал на небольшую возвышенность, откуда просматривалось почти все ущелье, вплоть до перевала, спрятанного в сером дыму февраля. Много боковых выходов закрывали просветы прямой видимости. Я уже понимал, что правильно сделал, сразу согласившись на эту работу, еще не осознав, какой груз и степень ответственности взвалил на себя. Ведь начинать строить дорогу без технико-экономического обоснования, разрешения землепользователей об отводе земель, геологических, гидрологических и геодезических изысканий, без грамотного проекта, без сметы и специалистов-строителей, а просто потому, что так хотят президент и губернатор, – было безумием. Как потом выяснилось, не было даже согласований с Казахстаном, на чью территорию должна была идти дорога. Участие в этой аванюре главы республики немного успокаивало. Но где и на какой высоте был президент, а где находились мы, работники недавно созданного предприятия «Дортранссервис»? Мы существовали в разных измерениях!

Я понимаю, что автоматически выбывал из числа друзей института «Кыргыздортранспроект», у которых много лет познавал азы дорожных изысканий, перевоплощаясь из топографа в дорожника. Там мне уже не помогут, если я приду за советом. Вся ответственность за полевые изыскания трассы ложилась только на меня. Я должен был выполнять работу целой группы, что меня в основном и интриговало! Смогу ли? Проектная линия расчета уклонов и соблюдение всех норм должны были лежать на моей совести. «Первая авария, случившаяся на горной дороге, которую мы построим, повлечет за собой следствие. А нарушенные нормы, из-за несоблюдения которых произойдет происшествие, могут потянуть на тюремный срок» – такая глупость лезла в голову. Но сам факт полной свободы творчества, великого раскрепощения и... дозволенного авантюризма заслонил все невеселые мысли. Валентин Николаевич Дю отвечал за меня, а я отвечал за дорогу. Наши головы были одинаково близки к «острию меча», который повис над нашими шеями.

5 февраля 1997 года наш первый рабочий день, который выпал на торжества по случаю сдачи первых пяти километров дороги, проложенных по равнинной местности. Их прошел с трассированием мой коллега из дорожно-ремонтной службы Пржевальска. Нужно отдать ему должное – он справился хорошо. Полотно было спрофилировано и отсыпано щебнем. Правда, саженцы сосен, высаженные в февральскую мерзло-

ту для показа президенту, умирали, не успев согреться. Даже «аккумулятор тепла» озеро Иссык-Куль не в силах было утеплить край, который обдували ветра с вершины перевала Кок-Ойрок, переводимого ласково «Голубая долина», к которому мы должны были идти, воплощая розовую мечту главы республики. Бутафория из умирающих сосен действовала удручающе. Но Аскар Акаевич вряд ли увидел с вертолетной высоты неряшливые строчки посиневших саженцев. Газеты взхлеб трубили о первых километрах построенной дороги: «...строители сдали свой пятикилометровый участок на подходе к крутым отрогам Кунгея...».

Около президента крутились всевозможные чиновники, уверяя его, что к открытию курортного сезона в этом году по дороге хлынут отдыхающие из Казахстана и России, заполнят полупустые пляжи Иссык-Куля и тем самым пополнят казну страны.

Я шепнул Валентину Николаевичу: «У меня нет уверенности, что закончу только изыскания в этом году, а они дорогу сдать хотят! Это немыслимо!»

— Пусть говорят! Наше дело работать. И, конечно, быстро. Чертить продольный профиль и наносить проектную линию нужно сразу в поле. За нами будут идти взрывники и бульдозеристы. Сразу будешь для них выносить рабочую отметку!

— Так когда же успеть все это? — я понял, что рушатся все мои планы, которые я вынашивал, что с прохладцей «прогуляюсь» по предгорьям, а каждую неделю буду спускаться в нежность иссык-кульских волн.

Единственное, в чем не растратились мои мечты, так это в видении озера. Иссык-Куль был виден отовсюду, склоны Кунгея, словно края отражателя в прожекторе, фокусировали все взгляды на центр озера. Его синева иногда сливалась с небом, а полуострова, вклинившиеся вглубь котловины, казались нависающими глыбами над пустотой. Исчезла эта фантазия только тогда, как мы перешагнули перевал, только в сентябре 1998 года. Там перед глазами была только серая тоска осыпей и клочки сырого снега, спрятанного в холодные камни.

К нам подошел губернатор и повел к президенту. Аскар Акаевич пожал своими мягкими ладонями наши руки и сказал: «Когда выполните поставленную перед вами задачу, я сделаю вас Героями Кыргызстана. Вручу лично ордена «Манас» и по машине — какую захотите. Оплату за работу получите в конце строительства, любой валютой. Слово президента!»

Надежда вкралась в осчастливленные души. Даже по прошествии более чем двадцати лет я чувствую запах выхлопных газов призрачной машины. Щупаю место на рубашке, где сверлил бы дырку для ордена, и ощущаю в руках хруст денежных купюр, которые будто вылетали из красноречивых уст президента и ложились на мокрые осыпи, покрывая их зеленым налетом долларового благополучия.

Основные работы начались 10 февраля 1997 года. Первые холмы, по которым трасса шла еще без серпантинов, проходили легко. С 13-го километра горы начали сопротивляться, встретив нас скальными надолбами и осыпями: «... в переводе с горных мерок на равнинные масштабы ежедневно группа изыскателей дороги преодолевает пешим ходом не менее шестидесяти километров. В лагерь они возвращаются с последними лучами солнца. И до глубокой ночи снятые за день замесы переносятся на рабочий планшет...».

На 18-м километре, в пойме реки, встретилось небольшое озеро. Сiju, разглядываю почти идеальную чашу, очень похожую на театр Диониса в Афинах. На карте водоем не обозначен. Сiju, придумываю название. Перебираю подходящее имя этому чуду. И вдруг какое-то озарение: «Да это же готовое «Медео»! Только благоустроить и построить отели». Название приходит сразу – «Сонун-Коль» («Дивное озеро»). Делюсь находкой и предложением о создании катка с Дю Валентином Николаевичем. Он перенаправляет ее губернатору. Тойчубек Касымович передает о создании кыргызского «Медео» президенту. Мне поручено подготовить соответствующие материалы. Делаю сравнительные характеристики казахского «Медео» и кыргызского «Сонуна». Получается впечатляюще. Все преимущества на нашей стороне: площадь «Сонуна» – 2 га. «Медео» – 1,05 га. Высота над уровнем моря нашего озера – 2967 метров, «Медео» – 1691 метр. «Сонун» выше и чище. Поддержание льда в летний период будет намного дешевле. А стадионоподобная чаша, в которой лежит озеро, имеет большее преимущество и потребует намного меньше капиталовложений, чем «Медео», построенное в 1972 году.

Вся эта затея так заинтриговала всех, что на 20 декабря 1997-го было назначено открытие катка. С девяти часов утра на 18-м километре автодороги не осталось места для парков-

ки машин. Застывшее озеро в своем величии ожидало своего триумфального будущего и «освящения» его на славные спортивные подвиги рукой президента. Дети из Ананьевской школы в спортивных костюмах кучковались в холодном автобусе. Им предстояло быть первыми (как оказалось, и последними) представителями человечества, кто коснется коньками нетронутой ледовой глади высокогорного озера.

Вертолет президента появился в 13 часов. Получасовое пребывание главы республики вдохновило замерзающую толпу. Однако великая надежда на строительство кыргызского «Медео» умерла вместе с рокотом улетающего президентского вертолета. В этом водоеме, мне казалось, так и остались надежды на спортивную ледовую арену, застывшую из слез, выдавливаемых высокогорным ветром из счастливых и замерзающих детских глаз. Пресса моментально подхватила идею создания катка, запестрела громкими заголовками: «Ледовый каток открылся в непосредственной близости от строящейся автодороги Чолпон-Ата – Алма-Ата. Со временем он составит конкуренцию всемирно известному «Медео», считают специалисты. А уже первая очередь спортивно-развлекательного комплекса со временем сможет принимать конькобежцев не только зимой, но и летом». А пока у этого озера остались только вытоптанные в снегу дорожки согревающегося ходьбой народа, пустые бутылки от водки и вмерзшие в лед конфетные фантики, оставленные начинающими фигуристами из Ананьево.

Позади уже двадцать километров дороги. Взрывы гремят в километре от нас. За ними черными корбочками копошатся бульдозеры, рядом с ними – муравьи-человечки. Каждый километр построенной дороги помпезно отмечается руководством, где видно, что расходы на празднества превышают бюджет долгов на зарплату рабочим. На некоторые торжества приезжает президент республики. Телевидение, корреспонденты, журналисты и кинооператоры пестрой свитой мелькают среди правительственной элиты, которая постоянно сопровождает главу республики. Режиссеры «Кыргызфильма» начинают снимать двухсерийный документальный фильм «Алтын копро» («Золотой мост»). В названии, возможно, зашифрована давняя мечта соединить озеро Иссык-Куль со столицей Казахстана, а может быть, имя фильма родилось в догадках какого-то экстрасенса, предвидевшего, что потом правоохранительные

органы будут доказывать, что действительно «Золотой мост» был проложен в чей-то карман, минуя пустые тарелки изыскателей и рабочих «великой стройки». Возведение этой трассы сравнивалось со строительством Большого Чуйского канала и железной дороги в Боомском ущелье во времена Великой Отечественной войны. Но веление времени и воля правителя — это вещи разного порядка: «...перенесемся в прошлое, полистаем страницы истории. Всем известно, что в годы Великой Отечественной войны железная дорога Фрунзе — Балыкчи строилась силами голодных и разутых женщин, стариков, детей и мужчин, по инвалидности не ушедших на фронт... То же самое можно сказать и о Большом Чуйском канале... Теперь речь поведем о дороге Чолпон-Ата — Алма-Ата...»

Газеты ежедневно печатают отчеты о пройденных километрах. Появилось целое движение противников строительства дороги. «...Трасса, словно лезвием бритвы, поделила общество на два непримиримых лагеря. Если в одном из них объединились скептики, ура-патриоты и некоторые экономические структуры, пекущиеся прежде всего о процветании личных владений, то в другом, кроме энтузиастов этого небывалого по масштабам, методам строительства и смелости решений проекта, — все жители Иссык-Кульской области...» Но механизм запущен. Гремят взрывы, режут бульдозеры. На глазах исчезают ледниковые поля, покрытые взрывной пылью. В озеро Иссык-Куль утекает вода, пропахшая аммонитом и соляной. Гарь и чад ползут по предгорьям Кунгей Ала-Тоо. Старик-чабан говорит: «Здесь жили даже медведи. Теперь ушли и сурки. Скоро умрут горы».

Письмо противников трассы подписывают деятели культуры, науки и искусства:

«... Казахстан окажется ближайшей и основной базой поставки непрерывного потока отдыхающих, туристов, путешественников и других, рвущихся туда посетителей (превратившись тем самым в фактического владельца Иссык-Куля). Во-вторых, через Казахстан с его громадным населением и широкомасштабными маршрутами коммуникаций с Россией Иссык-Куль окажется затаптываемым громадной массой чужестранного населения. В-третьих, в результате и так уже охватившее Иссык-Куль экологическое бедствие приобретет еще на много более разрушительные границы. В-четвертых, непрекращающимся последствием явится расширение масштабов переноса со стороны заразных болезней, в том числе СПИДа, кото-

рый и так уже заглядывает в нашу страну...» Мудрый Толомуш Океев, в то время находившийся послом в Турции, говорит: «...первое, с чем надо бороться, — это национализм и трайбализм... народ страдает от бескультурья власть имущих... написаны тома по переходу от капитализма к социализму, но ни одной книги — по переходу от социализма к капитализму... губернатор Иссык-Куля Касымов развернул строительство дороги, когда люди его области нищенствуют...»

Журналист С. Колесов выступает с гневными статьями: «...Немало копий было сломано вокруг строительства дороги Чолпон-Ата — Алма-Ата. Сразу скажем, что словесные баталии носили несколько отвлечений от предмета дискуссии характер. Вплоть до того, что бедных (в переносном, разумеется, смысле. Без толстого портмоне появляться на золотых пляжах нашего моря сегодня нет смысла и арабскому шейху) потенциальных отдыхающих даже подвергли куклуксклановской дискриминации по национальному признаку. Впрочем, история учит, что практически все новаторские идеи «помощи» Иссык-Кулю, в конце концов, выходили боком. Достаточно вспомнить злосчастную эпопею с судаком, запущенным в озеро с целью удовлетворения потребностей республики в рыбе, или, к счастью, нереализованный грандиозный проект по переброске части реки Сары-Джаз в Иссык-Кульский бассейн...»

Почему-то я попадаю под «обстрел» газеты «Слово Кыргызстана», будто вся эта авантюра исходит от меня. Главной причиной несогласия было нанесение вреда природе. Вторая опасность скрывалась в том, что до столицы Казахстана будет меньшее расстояние, чем до родного Бишкека. И Иссык-Куль может стать казахским, как это предпринималось в брежневские времена, когда только благодаря Турдакуну Усубалиеву озеро не было «подарено» секретарю ЦК Компартии Казахстана Динмухамеду Кунаеву.

Высказывания были настолько противоречивы, что мы, находясь меж двух огней, держали нейтралитет. Мы работали. Сам я был за дорогу. Не потому, что она стала моим детищем и кормила меня. Именно меня, не семью, так как зарплату нам платили небольшую (которая в основном уходила на еду), как и всем работникам стройки. Изучая опыт Великой депрессии Америки 1930-х годов, в подобие которой впал Кыргызстан в 1990-е, я обратил внимание на высказывание Франклина Рузвельта, что «строительство дорог улучшит положение дел в

экономике США». Как оно в итоге и получилось. Благодаря многим рабочим местам и увеличивающемуся товарообороту Америка выползла из кризиса. Мне наивно казалось, что постройка ста километров дороги из Чолпон-Аты в Алма-Ату принесет какое-то облегчение республике. Но Кыргызстан и Америка думали и жили по-разному. Не только менталитет, но и «избалованность» советской властью наложили свой отпечаток на народ Кыргызстана. Отдать поменьше – взять побольше. Американцы довели сеть своих автомобильных дорог до 6 миллионов километров – 1 километр доставался 42 американцам. В Кыргызстане на 1 километр дороги претендовали 118 человек. Было на 1995 год в республике всего 34 тысячи километров автодорог, включая сомнительные путеводные нити, только условно именуемые дорогами. Но не только дороги должны были спасать экономику нашей страны. Характерный пример дележа животноводческих хозяйств показал «новую жизнь» во всей красе. Кыргызстан при СССР имел на своих пастбищах и частных подворьях около 10 миллионов овец и коз – это более чем по две животные на каждого жителя, включая младенцев и вегетарианцев. После бурного демократического дележа всей колхозной живности несколько месяцев республика объедалась мясом и вдруг... оглянувшись, увидела, что вокруг стоят пастбища с некошеной и несъеденной барашками травой. Просто съедать ее стало некому. Овец, спасенных от ножей голодающего народа, осталось всего около 4 миллионов – менее одного барана на жителя республики.

Строительство дороги Чолпон-Ата – Алма-Ата удачно вписалось в программу «Дороги России», принятую Б. Ельциным и обещавшую радужное счастье и освобождение «от оков и бед» многострадального старшего российского брата. Демократия, вошедшая в понятие людей как смысл нового времени, была понята по-своему. Многие посчитали новый строй как вседозволенность, где можно смотреть порнуху, ругаться с экранов матом, набивать рот жвачкой и сморкаться в государственный флаг.

Каждый житель области обязан был внести свою лепту в постройку дороги. Всем предприятиям отводился свой «метр» профилирования и благоустройства: «Именно на ашар сделал

ставку Тойчубек Касымович, когда бросил клич превратить прокладку дороги дружбы в народную стройку... Города, села Прииссыккулья, крупные акционерные общества, крестьянские хозяйства, коллективы врачей, учителей, милиционеры, директора здравниц и детских садов несли в фонд дороги дружбы кто что смог собрать... Такого единогодушного порыва, идущего не по чьему-то указу, а от сердца, Иссык-Кульская область не видела никогда...» Было непонятно и неловко смотреть, как женщины, укутанные в платки от холодного ветра, пытались выравнять кетменем земляное полотно, состоящее из скальных обломков, о которые грейдеры и бульдозеры ломали свои мощные стальные лопаты.

Старожил урочища Кок-Айрык, восьмидесятилетний Белек Матаев, рассказывал журналистам: «Камнепады и снежные завалы, ураганные ветры и отвесные скалы вполне устраивали лишь стаи волков, безраздельно хозяйничающих здесь. В январе, когда первыми на трассу вышли изыскатели, серые взяли их под свой контроль и почти месяц не спускали глаз. Но поняв, что это не прежние случайные путники, оставили строителей в покое, на прощание задрав двух лошадей...» После одной из ночевок утром замечаю вокруг палатки волчьи следы. Приведу запись из дневника экспедиции: «17.09.1998 г. Высота 3300 метров. Утром вокруг палаток на снегу волчьи следы. Замеряю периметр, получается 23 метра. Делю на количество людей из нашей бригады, выходит по 4,6 метра. Забиваю колышки, и каждому из бригады дается задание окропить свою часть (это его проблемы растянуть струю на 4,6 метра) – поставить метки, как это делают дикие звери, чтобы волки знали – здесь территория людей...» Метод сработал, около палаток звери больше не появлялись, но серые их спины часто мелькали на снежных вершинах.

От водопада, с 25-го километра, до перевала, на 38-й километр, продвигаемся трудно. Даже через заросли в день проходили до тысячи метров, а здесь бьемся, будто зверек в силках. Этот участок в ситуационном плане называю «Домом терпимости». Привожу для сравнения с романтическими топонимами, присвоенными нами: озеро Сонун-Коль, скальная гряда «Зубы дракона» и водопад Слезы Акаева.

К отметке 3928 метров мы выходим 25 сентября 1998 года. Это перевал Кок-Ойрок, который переводится как «Зеленая долина». Долиной, правда, здесь не пахнет – это по местным, негласным топонимическим нормам перевал так назван потому, что указывает выход на зеленую долину, на богатые пастбища и на рай земной, именуемый Чон-Кемин, где растут самые высокие в мире голубые ели. Голая вершина перевала с островерхими скалами покрыта толстой коркой многовекового льда. Именно про эти места в VII веке китайский путешественник Сюань Цзян сказал: «С начала мира снега, здесь накопившиеся, обратились в ледяные глыбы, которые не тают ни весной, ни летом. Гладкие поля твердого и блестящего льда тянутся в беспредельность и сливаются с облаками». Но в XX веке пришли «покорители», и теперь сюда, на девственно-чистые ледовые поля, оседает пыль, поднятая взрывами, и они начинают интенсивно таять, сокращая водный баланс Иссык-Кульской котловины. Время перетерло в «труху» когда-то незыблемую вечность перевала. Кое-где виднеются острые выходы скал-останцев, прозванных нами «Зубы дракона». Внизу лежит красивый день. Даже южный берег озера Иссык-Куль просматривается сквозь стокилометровую даль. Только рефракция от испарения воды дает небольшие искривления, и изображение будто качается. Словно шевелится «полотно вечности», на котором нарисован этот пейзаж неземной красоты.

Проход перевала удастся с первой попытки, к тому же очень удачно. Вписались точно в седловину. Взрывники, которым губернатор обещал «много работы», наслаждаются своим могуществом. За три подхода они понижают перевал на шесть метров. Этого хватает, чтобы двухсотметровая часть вершины осталась прямой и ровной, с максимальным сохранением ландшафта горы.

Заперевальная часть оказалась самой тяжелой. Нет, не потому, что вниз с трассировкой идти сложнее; не потому, что три раза в день приходилось искать убежище от летящих камней при верхних взрывах, а потому, что северная сторона хребта Кунгей напоминала что-то безжизненно-космическое с мертвыми склонами и ползущими под ногами моренами, на которых жил только лишай. Последние десять километров были словно дорогой на голгофу. Связи не было ни с кем. Все, что необходимо было для работы и существования, несли с собой. По мере продвижения лагерь переносили через день.

Даже придумали горькую шутку, которая станет чуть ли не исполнительным приговором: «Чем больше ты съешь продуктов сегодня, тем легче груз понесешь завтра!» Потом уже шутили над этой шуткой: «Лучше бы я носил тяжелый мешок с картошкой, чем сейчас думаю о ней, о сваренной!»

Тяжелые ветра задули с такой поспешностью, будто боялись опоздать к зиме. Даже днем стояла сумрачность. Остались только два цвета – белый снег и черные провалы дыр, которые уходили в межкаменные щели. Полутонов не было. Заносило тропы. Чабан, который ехал по знакомому проходу, остановился на чай, удивился нашей непроницаемости и, качая головой, указал на то, что «у нас в голове навоз», потому что через день-два лягут сплошные снега. На нашу сторону перешли медведи из сгоревших в Казахстане лесов, волки уже набегают на домашние сараи и дерут коров, баранов. Это указывало на их сильный голод, значит, они не побрезгуют и человеческой. Мы сами понимали, что пора заканчивать «героическую эпопею», где из героев стали простыми жертвами, о которых тихо забыли.

Уже в ночи под завывание пурги в тонкой палатке с тремя кусочками хлеба на четверых принимаю решение уходить. Приведу дословную последнюю запись из дневника:

«02.10.1998 год. Слияние рек Орто-Кой-Су и Чон-Кемин. Высота 2640 м.

Кончился хлеб. На четверых из продуктов осталось:

1. Сахар – 200 г.
2. Макароны – 200 г.
3. Луковица – 1 шт.
4. Картофель – 2 шт.

Пишу записку взрывникам, стоящим за перевалом, до которых около 20 километров, и отправляю с ней самого крепкого парня, Дениса: «Прошу по возможности дать продуктов и сообщить в город (президенту, губернатору, директору МП «Дортрансервис», дьяволу, Богу, бомжам с Ошского рынка – кто первым выйдет на связь): «Продукты кончились, замели снега, существует опасность нападения волков и медведей. Палатки стоят в трехстах метрах выше слияния рек Орто-Кой-Су и Чон-Кемин. Ориентир – веха с черным флагом на останце у слияния левых берегов. После возвращения гонца бросаем работу и 4 октября уходим на юг. Забираем только материалы изысканий. Остальное (приборы, палатки, утварь) прячем в скалах. Начальник изыскательской партии Крячун».

Денису нужно отдать должное. К вечеру он вернулся с булкой хлеба (взрывникам привозили строго по rationу, и они ущемили себя, спасибо им) и вестью, что вечером сообщение будет передано в город. Лежу в продрогшей и заносимой снегом палатке, прислушиваюсь к вою ветра — не хрустнет ли прессующийся снег под медвежьей лапой. Из оружия — ледоруб и нож (медведь не Троцкий, его вряд ли одолеешь ледорубом).

Решение уходить назад диктовалось опытом. Если идти вперед, неизвестно, чем нам грозили 60 километров до ближайшего селения. Принимаю решение возвращаться по пройденному пути. Это расстояние длиннее на 10 километров, но в пути есть бригада взрывников и дом в поселке Чон-Сары-Ой с гостеприимным дорожным мастером Тамчи, который примет и обогреет.

Снег заметает палатки. Слышу скрип. Напрягаюсь, сжимаю ледоруб. Стук по заледеневшей палатке и голос: «Живой есть?» Выхожу. Чабан на лошади. Приглашаю его на чай. Втискиваемся в палатку. Делюсь с гостем последней ложкой сахара. На чабане тулуп, сверху накинут брезентовый плащ. Он цокает языком и говорит:

— Уходить надо быстро. Завтра будет поздно. Я сам немного запоздал, у друзей на «Медео» задержался, слишком вкусный бешбармак был, — смеется, разглаживая редкие усы. — Перевал снег до ночи закроет. На стороне «Медео» лес горел. Зверь ушел. Медведь придет только сюда. И волк тоже придет сюда. Кто первый придет — тот и будет здесь хозяин. И здесь будет жить только смерть, — повторил он слова предшественника.

Чабан рассказывал страшилки, в которые нельзя было не поверить. Я и сам понимал, что промедление может нам стоить очень дорого. Так дорого, что к утру мы будем отрезаны снегами от всего мира, после чего начнутся торги с жизнью, которой мы сможем предложить лишь самое ценное — чертежи последних двадцати километров дороги, пройденных в невероятно тяжелых условиях, за которые в итоге нам будет плата тремя кружочками неочищенной колбасы. Чабан торопится, он выпивает кружку чая, повторяет:

— Идите. Сейчас же идите. Я никогда не ошибаюсь. Могу что-нибудь взять — оставлю у Тамчи.

— Мы будем уходить налегке. Все инструменты и палатки спрячем в скалах. Спасибо тебе!

Чабан быстро удаляется. Сквозь завесу мокрого снега он быстро растворяется в сером дне. Последняя ночь была бессонной, мокрой и долгой.

Наш SOS был принят вечером, а утром уже мчалась машина для нашего спасения. За рулем был племянник шефа Сашка Дю – водитель от Бога, виртуоз в вождении и умеющий рисковать с чистой головой. Другой бы шофер вряд ли рискнул продираться по неизвестной местности, к тому же занесенной снегом, покрытой огромными валунами, трещинами, провалами и оврагами. Он пробился к нам без карты и дорог, только по одному наитию. Лишь там, где противотанковым рвом лег поперек Сашкиного пути непреодолимый берег реки Орто-Кой-Су, машина встала. До нашего лагеря оставалось всего 500 метров. Мы лежали в палатках, голодные и замерзающие. Мы ждали окончания снегопада, который сыпал хлопьями величиной с кулак и закрывал видимость. Уже была команда прятать только дорогие геодезические приборы. Остальное, что не подлежало упаковке и сохранению, было мокрым, обледенелым и отчасти ненужным. Если позади нас многомиллионносомовая дорога была в состоянии агонии, тогда что жалеть об отсыревшем спальном мешке, который уже никого не приютит в своих заледенелых внутренностях.

Сашка поднялся на берег реки, увидел наш маяк – полосатую вешку с драной, черной от мазута тряпкой и разглядел крыши цветных палаток, еще не совсем заваленных снегом. Через час будут только холмики, похожие на свежие могилы. На сборы – двадцать минут. Режу палаточные растяжки, скомкиваю палатку. Все, что есть внутри, трамбую в клубок величиной и по весу как мешок с цементом. Там перемешалось все: чертежи, спальный мешок, спрятанная заправка (луковица и две картошины – последнее из съестного на четверых). Мокрыми комьями впахиваем груз в багажник. Сашка разворачивает машину. Его след уже занесло, но бородавки округлых валунов видны хорошо. Водитель лавирует. Пока мы собирали вещи, Валентин Николаевич вскипятил воду. Кофе кажется яством из другого мира. Да что там кофе! Ломоть мягкого хлеба с кружком неочищенной колбасы – это было первая и единственная наша награда за последние 20 километров тяжелой трассы. Изнурительной, напряженной, выматывающей, прошедшей на грани клинического срыва.

Каждый труд должен быть вознагражден – это не выведенный мной закон существования, а доказанное жизнью правило. Мы получили свою колбасу...

Эпилог

В том, что построенная дорога не стала путеводной нитью, о которой мечтали президент и народ всего Кыргызстана, отдыхающие Казахстана и России, «поливалы» из северных областей России, следует винить поспешность, с которой «идею хотели воплотить в жизнь». Вышеупомянутый корреспондент «Слова Кыргызстана» К. Колесов на вопросы о неудавшемся строительстве излагал еще в самом начале «дорожной эпопеи»: «...Вообще-то, дороги строят по-разному. Можно, как генерал Катуков, положить под гусеницы танков половину Брянского леса и, преодолев Пинские болота и топи, неожиданным маневром решить судьбу сражения. Можно руководствоваться принципом академика Капицы, который, прежде чем прокладывать асфальтированные дорожки к своему институту, дал возможность студентам самим протоптать наиболее оптимальные подходы к нему. Однако сегодня все, за исключением некоторых племен, обитающих в джунглях Амазонки, опираются при строительстве дорог на следующий экономический алгоритм:

- сначала определяется экономическая целесообразность строительства трассы и идет поиск источника финансирования;

- затем на деньги заказчика формируется технико-экономическое обоснование проекта;

- следом объявляется тендер на предмет выявления самого выгодного претендента, готового в кратчайшие сроки и с высоким качеством осуществить непосредственное строительство дорожного тракта;

- и наконец, через некоторое время подходит момент торжественного открытия трассы, и остается самое приятное – стричь купоны за право с комфортом проехать по ней...»

Нужно отдать должное журналисту, что он неплохо проштудировал все стадии строительства дорог, но забыл, как всегда бывает, о главном – об изыскателях. Как мы узнали, можно строить дорогу без ТЭО (технико-экономического обоснования), без спонсора, без проекта. Но без изыскателей-дорожников – нельзя! Трасса будет обречена. Как и случилось.

Они были забыты, как только ушли из поля зрения, просматриваемого из войлочной юрты, где на дастархане дымился ароматный бешбармак.

Но были просчеты и при непосредственном строительстве. Когда наша бригада отказалась от дальнейшего сотрудничества, строили дорогу все, кроме дорожников.

С началом XXI века моя жизнь пошла по независимому от меня сценарию. Даже на чужбине не прекращался (и не прекращается) диалог с родиной: судьба дороги шла со мной всегда рядом, я следил за ее доработкой, а потом уже за ее гибелью. По воле случая был приглашен в московскую фирму «Аэромониторинг» как человек, разбирающийся в горном рельефе. Получив допуск к спутниковым съемкам большой разрешающей способности, в первый же день решил развеять ностальгическую память и глянуть фотоснимки участка автодороги Чолпон-Ата – Алма-Ата. Сразу стали видны глобальные нарушения при строительстве, а проверить их не составляло труда, так как со мной были сохраненные архивные чертежи изысканий. При накладке существующей дороги на проектную сразу стали видны все огрехи. Свое высказывание «зачем нужны серпантины, которые вы, дорожники, любите накручивать...» губернатор с успехом воплощал в жизнь. Он являлся «главным прорабом стройки» и убрать парочку серпантинчиков с крутого склона считал правильным решением. До перевала вместо 48 запроектированных серпантинчиков было построено 38. С обратной стороны из 20 построено 12. От этих безграмотных действий средний уклон дороги возрос на некоторых участках с проектных 8-9 процентов до построенных 15-16. Преодолеть такую крутизну простой машине непросто, тем более в снежную зиму.

Только первые 20 километров построены по проекту, а далее строители, вышедшие из-под контроля, «делали дорогу так, как ехал бульдозер», не обращая внимания на проектную линию.

Даже эту «автотропу», которая была создана неимоверными усилиями народа, никто не хотел брать на баланс. Дорога не надгробная плита – поставил и забыл. Здесь нужен уход как за больным придурком. Неизвестно, что будет через час после выпавших осадков. В итоге – дожди, морозы и зыбкость быстро привели дорогу в негодность. Изуродованная природа мстила людям за изнасилованный край, за бесполезный труд сотен людей, за ложь...

Пусть простит меня читатель, но я сравню столь глобальную проблему дороги с тихим домашним примером. Ребенок очень хочет щенка – красивого, ласкового, игривого. Когда ему его дарят, он в ужасе узнает, что за ним нужен уход, что его нужно кормить, выгуливать и, самое неприятное, убирать за ним. И первоначальная любовь переходит в ненависть. Так случилось и с дорогой.

поселок Чон-Сары-Ой, 1998.
город Санкт-Петербург, 2019.

Валерий САНДЛЕР

ПО ЛЕЗВИЮ СКОЛЬЗЯ...

На редкость удивительные повороты делает судьба! Надо было мне насовсем покинуть Бишкек и уехать в Америку, чтобы оттуда, через всю Атлантику, взять интервью у Эмиля Джумабаева – сценариста и режиссера документального кино Кыргызстана, телеведущего, автора ряда книг публицистики. С его отцом, художником Джамбулом Джумабаевым, ныне, увы, покойным, мы знали друг друга еще в бывшем Фрунзе, при встречах уважительно, с взаимным интересом общались. Талантливый живописец-колорист и график, выпускник Московской художественной школы при институте имени Сурикова, Джамбул Бекташевич был человеком ярким, большим эрудитом и мыслителем. Свидетельствую: сын вырос достойным памяти отца. Чтобы в этом убедиться, нужен был случай. Он не заставил себя ждать и оказался счастливым.

Привычка утолять жажду новых впечатлений регулярно заводит меня в YouTube. Вот и теперь, встретив незнакомое глазу и уху название «Лезвие Оккама», я вышел на широкие просторы всезнайки-Wikipedia и узнал, что (цитирую кратко) «Бритва Оккама (иногда – Лезвие Оккама) – методологический принцип, гласящий: «Не следует множить сущее без необходимости». Принцип получил название от имени английского монаха-францисканца, философа XIII – XIV веков Уильяма из Оккама. Упомянутый выше счастливый случай явился в виде цикла передач с участием людей, чьи имена мне очень даже знакомы: Шукуров, Агibalов, Прояева, Шаповалов, Джекшенбаев... Все – мои земляки из дорогой моему сердцу Киргизии, кое с кем я был знаком лично. Передачи цикла шли на Пятом канале бишкекского телевидения. Пересказывать здесь их со-

держание считаю излишним: многие видели уже, остальным никто не мешает зайти в YouTube и убедиться вслед за мной, что темы обсуждались смелые, социально значимые, неизменно с философским подтекстом; что оба ведущих – Эмиль и Талант Джумабаевы (однофамильцы, не родственники) – профессионалы, владеющие знанием истории страны и мира, и что у них, помимо общей фамилии, – общая манера ведения беседы со своими vis-a-vis: содержательная, спокойная, уважительная.

Меня особо впечатлил перечень (понятно, далеко не полный) приглашенных в студию: литературовед, кинорежиссер, поэт, музыкант, биолог, прозаик, культуролог, исламский правовед, экономист, целых три философа и один фотохудожник. В этом интервью, взятом специально для «ЛК», моим собеседником был только Эмиль Джумабаев, чуть дальше читателям станет ясно почему...

- Эмиль Джамбулович, помните, чьи это слова, – «Давненько не брал я в руки шашек»?

- Подскажите, чьи...

- Так всякий раз приговаривал Чичиков, двигая свою шашку в сторону Ноздрева.

- А, да-да, вспомнил!

- Ноздрев же отвечал: «Знаем мы вас, как вы плохо в шашки играете». Это я к тому, что я последние несколько лет не обращался к своему любимому жанру интервью. Наша виртуальная встреча – мой личный способ вспомнить молодость или, точнее, тряхнуть стариной. Итак, начнем. Два года назад передачи цикла «Лезвие Оккама» исчезли с телеэкранов. Не зная истинных причин, попробую навскидку назвать три: затупилось лезвие; не стало общественно значимых тем; наступил дефицит интересных собеседников. Какую из трёх я угадал? Не удивлюсь, если ни одной и у вас есть своя, четвертая.

- Она есть, и очень простая: закончилось финансирование проекта.

- Секрет, кто финансировал и вдруг перестал?

- Не секрет. Первый из двух циклов финансировал один банк, второй цикл – другой банк. Потом оба отказали. Не объясняя причин. Просто сказали: не можем. И все.

Машины у меня нет, всюду хожу пешком или пользуюсь общественным транспортом, но вот уже два года, как не выходит наш цикл, а меня до сих пор на улице останавливают люди, благодарят, пожимают руку, сожалеют, что передачи

нет. Это я не к тому, чтобы похвастаться, а лишь показать, что есть обратная связь, самая непосредственная, живая. В такие минуты понимаешь, что все сделанное не напрасно. Сейчас я веду переговоры, совершаю некие действия для того, чтобы передача возобновилась, но пока до результатов далеко, поэтому больше ничего не скажу.

- Вы же какую-то цель преследовали, задумывая проект. Что это была за цель?

- Его первоначальная формула, которую я вывел для себя, – провести некую духовную инвентаризацию нашей страны на текущий момент. На мой взгляд, в первом цикле мы с Талантом Джумабаевым эту задачу выполнили. Так получилось, что второй цикл Талант не смог вести, пришлось мне одному. В этом цикле, если вы заметили, я попытался немного углубиться, выходя с собеседниками на какие-то экзистенциальные, более значимые, не скажу вечные, но весьма важные вещи, носителем которых является каждый из нас: отношение к культуре и цивилизации, национальное самосознание в современную эпоху... Вместе с каждой передачей я и сам менялся. И так познавал собственную страну. И убеждался, что мы, как и весь современный мир, стали слишком... газетны, что ли.

- Простите?..

- От слова «газета». Мир стал слишком сиюминутен. Суетлив, мелочен. То, что мы узнаем утром, забываем уже к обеду. Мне хотелось выйти на новый уровень. Ведь человек, независимо от того, что он сам о себе думает, является носителем очень разных, больших смысловых блоков: культура, цивилизация, национальность, поколение, время, историческая эпоха. Все это я пытался затронуть в передачах второго цикла.

- Готов верить, что вам это удалось. А ведь вполне могли оставаться режиссером кино и телевидения и двигаться по ранее проложенной колее. Но нет, вы решили поднять планку и ступили на стезю телепублицистики, выбирая обоюдоострые темы, как, собственно, диктовало название цикла – «Лезвие Оккама». Там, кстати, хоть и присутствует слово «философский», но четко выраженной философской направленности я что-то не заметил, это скорее публицистика, содержащая социальный подтекст и смысл.

- Видите ли, в чем дело... Одна из моих профессий, в данном случае профессия кинематографиста, связана с познанием себя и мира, страны и общества. И мне кажется, что мои

коллеги в Кыргызстане – возможно, даже на территории всего бывшего Советского Союза (я общаюсь с ними на различных кинофестивалях) – воспринимают свою профессию: а) как просто ремесло, б) как средство зарабатывания денег, получения славы и прочих бонусов психологического характера и в) по большому счету не понимают, чем занимаются. Мне казалось, что надо провести какую-то исследовательскую работу, чтобы понять, чем наше общество сейчас дышит и что мы собой представляем. Кинематограф как искусство – следующий этап познания реальности, ее осмысления. А публицистика в данном случае первична, она даже не анализ, а описание. И чтобы подойти к большим обобщениям, даже образам, следовало провести такую работу, во многом черновую. Считаю, это было полезно. Не знаю, насколько у меня получилось, но все, о чем шла речь в передачах цикла, все их плоды, они остаются при мне, и я этому очень рад.

- Несколько лет назад в интервью радиостанции «Свобода», а позже, выступая в местной печати, вы высказывались об «...инерции кочевой психологии, присущей заметной части кыргызского общества в его нынешнем виде», это я вас процитировал. Там же вы упомянули «мырков», которые тормозят движение страны к прогрессу. На такие упреки общество реагирует болезненно. А как оно было на самом деле?

- Начну с предыстории. Одиннадцать лет назад я написал текст «Улетающий город» (2008), который вошел в мою вторую книжку-сборник «Путь на Восток» (2013). Это был эскиз, эссе о моем родном городе Фрунзе, ныне Бишкеке, каким я его помню и каким он стал. Я выразил свои чувства, мысли, ощущения. Статью прочел один журналист и попросил: «Можно я на ее основе сделаю как бы интервью с тобой?» Ну, я человек мягкий, говорю: «Хорошо, сделай». Интервью вышло в газете «Слово Кыргызстана» под заголовком «По городу сонному печаль саксофонная...». А уже потом, кажется, в электронном варианте «Вечернего Бишкека» или в «Белом парусе», я уже не помню, вижу это интервью с хлестким заголовком из слов, которых я не говорил. Как выяснилось, журналист решил меня «продвинуть» дальше.

- Каким же был заголовок?

- «Бишкек деградирует под натиском мырков». «Мырк» – сленговое слово, на местном жаргоне. Этим словом называют того, кто переселился из села в город, но горожанином не стал

и свои представления пытается навязать всему обществу и стране, выдавая их за «истинно кыргызские». Это и деревенщина, и националист, и просто глубоко невежественный человек с массой комплексов.

- И вы не надавали по башке тому журналисту, который вам так навредил?!

- Да, знаете, поздно уже было «надавать». В соцсетях меня нет, местную прессу я не читаю, об этой публикации мне на улице сообщили: «Слушай, ты такое жесткое интервью дал...» Потом, надо сказать, этот журналист передо мной извинился. Получилось, что я приобрел скандальную известность, которой совершенно не хотел. Но и это вышло на пользу, потому что так называемое интервью со мной довольно хорошо погуляло по разным источникам, длилось это несколько лет и послужило своего рода социологическим, антропологическим исследованием – о нас самих, о каких-то почти политических вопросах, о градусе общественного напряжения, о межнациональном климате. Это, в конце концов, стало для меня неким плодом самопознания и помогло расстаться с некими иллюзиями прекраснодушными... Что касается реакции... Ну да, конечно, раздавались призывы меня побить, даже убить, угрозы всякие...

- Страшно вам было?

- Не страшно, но... неприятно. Не скажу, что какая-то травля была, именно неприятно. Зато скажу справедливости ради, что многие люди меня поддержали. Не зная всей подкованной истории, когда мои мысли были искажены, они увидели в этом интервью, помимо внешних, скандальных вещей, какой-то, что ли, центральный смысл... И для них этот смысл был, видимо, истинным.

- В нескольких выпусках «Лезвия...» вы касались темы кыргызской интеллигенции. Заметно было, что оптимизма в суждениях ваших собеседников маловато. Чем это можете объяснить?

- Объективным положением вещей. На сегодня кыргызская интеллигенция закончилась. Нет, физически еще живы многие люди, ее представляющие, дай им бог здоровья, долгих лет жизни, но как, скажем, общественная сила, культурное явление, кыргызская интеллигенция закончилась. Будучи плотью от плоти ее, я вынужден это с горечью констатировать.

- Звучит как суровый приговор...

- Но тут бы я, знаете, что добавил? Кыргызская интел-

лигенция (я об этом тоже писал) – феномен, опиравшийся на традиции русско-советской интеллигенции, никаких предпосылок к созданию собственной интеллигенции у кыргызского народа не было, да и быть не могло у кочевого родоплеменного общества, она стала итогом европеизации по-советски. С исчезновением советского проекта стала уходить советская цивилизация, советская интеллигенция – результат этого проекта, возможно, самый замечательный. То же самое произошло с кыргызской интеллигенцией. Под этим понятием я имею в виду не просто людей с формальным образованием, носителей вузовских дипломов, а тех, кто подходит под классическое европейское, в нашем контексте – российско-советское понимание, для кого культура является воздухом существования – от поведения на улице до выражения общественной позиции, отношения к профессии. Скажу еще раз: кыргызская интеллигенция как особый духовный культурный институт, среда со своими уже наработанными традициями, атмосферой исчезла. Да и само понятие «интеллигенция» уходит, умирает повсюду. В странах Запада этот процесс шел всю вторую половину XX века, потом перешел на постсоветское пространство. Тех, кого мы раньше называли интеллигентами, сейчас называют интеллектуалами, экспертами, людьми творческих профессий. Боюсь, что интеллигенции не остается места в современном мире.

- И что, процесс необратим?

- Вот сложный вопрос, знаете. Если отвлечься от каких-то эмоциональных ожиданий, то, боюсь, наверно, необратим. Ибо сам характер мировой цивилизации меняется. Происходят огромные перемены, и неважно, участвуешь ты в них или нет, они все равно идут. Мир становится все менее гуманистическим.

- Какие чувства у вас по этому поводу? Считаете, что все нормально, или вам больно, обидно, грустно?

- Все вместе. Во-первых, я стараюсь понять причины этих огромных, сложных процессов. Во-вторых, больно и грустно, поскольку я продолжаю жить на родине, в Бишкеке, видя, проходя по улице, что исчезают интеллигентные осмысленные лица, какое-то особенное выражение глаз у людей, как обеднела наша повседневность – стала скудной, монохромной. Все-таки в моем детстве, когда я рос, была преемственность. Было ваше поколение и поколение моих дедов. И мы, живя своей жизнью, имели в вашем лице некий человеческий

культурный фон, и это, как я сейчас понимаю, влияло, воспитывало нас, дисциплинировало, и если иной раз побуждало к какой-то реакции – бунту, протесту, то все равно от противного это шло на пользу, учило пониманию: ты, парень, должен быть на уровне того, против чего бунтуешь. А вот сейчас я вижу, что поколение моего сына или чуть-чуть старше растет в каком-то вакууме. Для них есть мощный и мутный информационный поток, но нет живых носителей традиций, нет повседневного бытового своеобразия, артистизма, сейчас даже алкаши выглядят скучно, убого. Все вместе наносит огромный ущерб обществу и культуре как живым явлениям.

- Можно подумать, что всего, о чем вы так сейчас сожалеете, раньше было в избытке...

- Подобного никогда не бывает в избытке. Но это было. Спустя почти тридцать лет со дня обретения независимости (а это достаточно большой исторический отрезок времени) мы видим, что и как на самом деле было построено в СССР, и убеждаемся, что культурная жизнь в Кыргызстане, какой бы она в то время ни казалась бедной, провинциальной, захолустной или, дурацкое слово, совковой, она была. И когда мы потеряли все эти фундаментальные вещи, стало видно, что и наука у нас была, и искусство. Была научная и техническая интеллигенция. И уровень журналистики был выше, а сегодня он деградировал неимоверно, в нее пришли случайные люди с улицы, которые бог весть что пишут, не говоря о том, как пишут.

- А в театре, в кино такие явления тоже происходят?

- Да, конечно. К сожалению, деградирует все. Страна в целом деградирует.

- Слушаю вас и огорчаюсь услышанному. Хотя понимаю, что вам виднее. Но вот слышал я, что за эти годы в Кыргызстане выросла своя если не интеллигенция, то элита, аристократия, всякие там светские львы и львицы...

- Мне показалось, что ваш вопрос звучит иронически...

- Что вы, никакой иронии, все вполне серьезно.

- Ну какая же это элита или аристократия?!

- Эти люди, по крайней мере, себя такими считают.

- Обитатели сумасшедшего дома тоже считают себя нормальными. Но я все же попробую вам ответить. После распада Советского Союза появились довольно комичные фигуры: в России – новые русские, у нас – новые кыргызы. Цветные пиджаки и так далее. Все эти, условно говоря, нувориши, они как бы нашли свои формы бытия, существования, в том

числе светскую презентативность за постсоветские 28 лет. Они ведут себя так, как в 1920-е годы себя вели эсперанты. В стране с нищающим населением появилась так называемая элита, этакая каста скоробогачей. Этот социологический тип встречается на всем пространстве бывшего Союза. Конечно, таких людей больше в России, она богаче, там есть нефть и газ, значит, и средств для прожигания жизни и демонстрации «статусности» у тамошних элитариев больше. А наши хотят им подражать по мере возможности.

- Бытовавшее в 1990-е годы мнение о Кыргызстане как об «островке демократии» на постсоветском пространстве оно все еще живо?

- До известной степени, как это ни странно прозвучит после моих критичных слов, мы действительно выглядим как более демократичная страна в сравнении с другими бывшими советскими республиками.

- Ну хоть какое-то утешение! В таком случае как изменилась жизнь на «островке»?

- Она изменилась. Но не в лучшую сторону. Многократно ухудшилась и продолжает ухудшаться во всех смыслах, от экономики до экологии. Мы – страна восточная, здесь почти у всех многодетные семьи, один работающий кормит по меньшей мере пяток едоков. Так вот, Кыргызстан во многом выживает за счет того, что миллион его граждан, одна пятая часть нации, обитают за границей на положении гастарбайтеров, в поисках заработка, в погоне за хлебом насущным. На этом фоне у многих развилась сильная ностальгия по прежней жизни – не райской, но вполне стабильной. К счастью, у нас пока есть свобода слова, свобода собраний, в этом смысле люди чувствуют себя лучше, чем, допустим, в соседнем Узбекистане, тем более в Туркменистане. Таким образом, Кыргызстан пока остается относительно демократической страной.

Обнадеживает, что сейчас у нас появляются молодые специалисты, получившие образование за пределами Кыргызстана, это хорошие, чистые ребята, в них заметно стремление улучшить, изменить жизнь в стране. За двадцать восемь лет независимости народ окончательно разуверился в верхах – депутатах, политиках, и как бы от противного возникло гражданское общество, которое старается обороняться от олигархического режима, отстаивать какие-то права, свободы.

- Вы эти процессы просто отмечаете или сами в них принимаете участие?

- Я стараюсь. Например, в своих передачах, с которых началась наша беседа. Потом, я никогда не отказываюсь от приглашений на разные встречи, интервью...

- Вот и сейчас не отказались от встречи со мной. И мы ее продолжим. Одна из знаковых песен Владимира Высоцкого заканчивается строчкой: «Мне вчера дали свободу – что я с ней делать буду?» Как распорядился своей свободой и независимостью Кыргызстан?

- Как распорядился... Вопрос внешне простой, но как на него ответить? Думаю, после того как в 1991 году СССР распался, все бывшие советские республики как бы оказались у своей исходной черты, и в каждом случае это была только их собственная черта, она определялась всей историей, культурой, национальным характером, множеством других факторов. Так вот, в Кыргызстане, несмотря на то что мы прошли советскую модернизацию, после 1991 года наметились тенденции к архаизации, и все это под видом возвращения к национальным корням, под видом десоветизации, даже анти-русскости – имеется в виду не этническая русскость, а некий европейский вектор, существовавший в советском обществе. В этом плане мы своей независимостью распорядились весьма глупо. Потому что никакого подлинного развития нет. Мы просто выживаем, хотя, слава богу, сохраняем человеческое достоинство, человеческий уровень, стали частью большого, глобального мира, и это хорошо. Но в целом как страна мы никуда не движемся. Такое ощущение, что за всей внешней активностью мы, по сути, ходим по кругу. Диалектика: если ты не идешь вперед, ты идешь назад. А в итоге – деградация, спад, откат.

- Ваши слова в одном из давних интервью: «Сегодня мы, как нация, оказались в положении люмпенов». Меня они, признаюсь, больно задели. Я прожил в Кыргызстане лучшие годы, любил и продолжаю любить страну, ее народ и слышать подобную оценку было обидно, хотя умом я понимал, что у вас на то имелись серьезные основания. Жду, что вы скажете какие.

- Не помню, в каком это было интервью. Из контекста подобный смысл, может быть, и вытекал, но я вообще-то избегаю хлестких выражений. Вот странное дело! Даешь интервью, тебе присылают текст на визирование, ты проверяешь, отсылаешь, а когда выходит газета или материал в интернет-издании, там обязательно будет что-нибудь переврано. Скорее всего, меня и тут переврали.

- В прессе России то вспыхнут, то затихнут разговоры о государственной идеологии, которая при советской власти довлела практически во всех сферах нашей жизни, была единой для всех – от академика до сантехника. Есть ли она в вашей стране сегодня? И нужна ли?

- Подлинной идеологии в Кыргызстане, как и на всем постсоветском пространстве, нет. Ее заменили политехнологические штучки, которые эксплуатируют древность, отдельные достижения в культуре и духовной жизни, какие-то исторические коллизии. Если признать, что государство – это тело, то идеология – его душа. Она есть некий духовный вектор общества, оправдание его существования. Подлинная идеология не может быть импортирована, придумана на бумажке или на коленке, она должна вырастать из почвы, а интеллектуальная элита призвана эти «голоса», эманации земли/народа воспринять и описать, придать им форму, понятную обществу. Нужна ли идеология? Уверен, что нужна. У людей должны быть опора, вера, надежда и оправдание жизни.

- Смотреть в будущее с надеждой и видеть, как прекрасен, хотя и тревожен, этот мир, нам когда-то помогала литература. Сегодня писатели стараются показать изнанку мира, жить в котором сложно и опасно, в лучшем случае прикольно. Как вы к этому относитесь?

- Знаете, я современную прозу не очень-то знаю и жалую. Я очень люблю классическую литературу, например, европейскую литературу XVIII – XIX веков, включая и русскую. На мой взгляд, и литература, и пресса, и сама современная цивилизация – они нас приучают к тому, что все вокруг хаотично, временно, нестабильно, безотраднo; живи для себя, а дальше – хоть трава не расти. Нас как бы загоняют... не знаю... в какой-то угол, в клетку, в духовную тюрьму, изоляцию, лишают выхода энергии. Этим вот занимается современная проза.

- Ну вот. А сказали, что не очень ее знаете, не жалуете...

- Понимаете, я такой человек: если что-то начал читать, даже если мне все уже ясно и неинтересно, обязательно закончу, из принципа. Вижу на середине книги, что это не мое, а если брошу – будет ощущение незавершенности. И терпеливо дочитываю. Хотя эта книга меня не питает. То, о чем в ней говорится, и так понятно, а хочется пойти дальше. Я не к тому, что литература должна уводить куда-то в мир грез, у нее более высокое предназначение: показывать человеку истинно человеческое, бесконечность нашего мира.

- Рисую картинку на тему «Выбор профессии». Знакомо и понятно, когда сын писателя приходит в литературу, сын папы-режиссера снимает кино; то же часто бывает с детьми музыканта... Мне продолжать или вы уже поняли, к чему клоню?

- Понять-то понял, жду вашего пояснения.

- Отец – выдающийся кыргызский художник Джамбул Джумабаев, а сын – режиссер и публицист; у знаменитого кинорежиссера Болота Шамшиева сын, Чингиз Шамшиев, – известный экономист, помню вашу интересную беседу с ним в цикле «Лезвие Оккама», был ею сильно впечатлен; третий пример – сын кыргызского композитора и певца Асека Джумабаева, ваш однофамилец и соавтор Талант Джумабаев. Трое сыновей не пожелали въезжать в рай на папиных плечах, почему? Не прошу отвечать за Чингиза и Таланта, давайте за себя.

- Говорят, что в детстве я неплохо рисовал. Сейчас уже так не умею. Ну да, ожидалось, что я, может быть, пойду по стопам отца, стану художником, буду рисовать...

- ...но вы вовремя подумали, что вас начнут сравнивать с отцом и сравнение может оказаться не в вашу пользу?

- Я не настолько честолюбив. Просто мне хотелось быть самим собой, а не сыном кого-то. Отец действительно замечательный художник, яркий оригинальный человек, я благодарен судьбе, что у меня был такой отец. Кстати, я до сих пор с ним разговариваю. Но я пошел своим путем. И, знаете, беру на себя смелость утверждать, что в широком смысле слова я стал творческим человеком.

- Ваш сын Тенгиз следует вашему принципу в выборе пути?

- Сын пока учится. Кем он станет в социальном отношении, совершенно неважно. Главное, что он внутри как-то правильно ориентирован, это меня радует, обнадеживает, и за это я его еще больше люблю.

- В очередной раз вы меня порадовали! Первый раз – когда сказали, что вас нет в соцсетях и смартфона у вас тоже нет, а это значит, что вы не знаете слова «эсэмэс», не умеете делать селфи... Я тогда подумал: как здорово, что есть в наше время нормальные люди, бросающие вызов современному миру со всеми его смартфонами, гаджетами...

- Ну, это было бы слишком программно: кто я такой, чтобы бросать вызов современному миру? Но на каком-то персональном уровне – да, наверное, так и есть. Знаете, в чем моя главная претензия к современному миру? Он становит-

ся все более бесчеловечным. В этом смысле технология, на мой взгляд, нас еще больше расчеловечивает. Только не надо все понимать абсолютно. Вот мы с вами сейчас общаемся – в этом нам помогает технология. Я что имею в виду? Помните, в одной старой книге сказано: «Суббота для человека, а не человек для субботы»?

- Помню. Эта старая книга – Евангелие от Марка, высказывание принадлежит Иисусу.

- То же самое касается технологии.

- Согласен с вами. Хотя регулярно и сознательно путаюсь в ее сетях, расставленных на каждом повороте. Ругаю себя, но отказаться не в силах. И признаю, слегка переключив Пушкина: я сам запутываться рад. Теперь задам важный для меня вопрос: что вы думаете о ностальгии? По-вашему, это болезнь или счастливая способность вспомнить хорошо забытое старое?

- Второе. Да, второе. Только не болезнь. Ностальгия – счастье для человека, свидетельство его тонкой душевной организации, чистоты, лиричности чувств. Наверное, у любого состояния есть крайности, но я считаю, что людям, скажем так, советского мира, ностальгия помогает выживать.

- Мы тут с вами предались воспоминаниям. Так давайте вспомним имена людей, принесших славу кыргызской кинематографии: режиссеры Болот Шамшиев, Мар Байджиев, Альгимантас Видугирис, Геннадий Базаров, Толомуш Океев, Мелис Убукеев; актеры Муратбек Рыскулов, Суйменкул Чокморов, Болот Бейшеналиев... Иных уж нет, другие странствуют далече от былых занятий: возраст, болезни, забвение... Они снимали талантливое кино, для новых поколений оставили завидные биографии. Много ли сегодня творцов их масштаба и уровня или хотя бы около того?

- Их масштаба кинодеятелей теперь нет. Та генерация, чьи имена вы только что назвали, – тоже порождение советского периода. Они – шестидесятники, сформировались в особых культурно-социальных условиях небывалого взлета всей советской цивилизации данного десятилетия. Шестидесятые годы XX века – это десятилетие, когда по-настоящему появилась современная кыргызская культура, я имею в виду модернистская. К слову, в те же 1960-е годы появился такой феномен, как кыргыз-горожанин, как некий социальный культурный массовый тип. Эти деятели – порождение всей совокупности вещей и обстоятельств. Люди, которые пришли им на смену и

дебютировали в 1990-х годах, как личности сформировались в конце 1970-х и в 1980-е годы, а тогда уже был другой общественный климат, затем начались перестройка и развал. Они сделали интересные вещи, продолжают работать. Но в калибре, по плотности, по энергетике уступают Окееву, Шамшиеву, Видугирису. Это ни плохо, ни хорошо. Это веяние времени. Посмотрите на мировой кинематограф. Там сейчас нет деятелей уровня и масштаба Бергмана, Бунюэля, Куросавы, Феллини, Антониони, Тарковского. Ну а мы – часть мира.

- Попробуем завершить нашу беседу парой-тройкой коротких вопросов и ответов. Вот первый: какие ошибки вас чему-либо научили – свои или чужие?

- Свои, конечно. Как известно, чужие ошибки ничему не учат.

- Экономика, искусство, культура, религия – чему отдалите первое место?

- Я бы его отдал культуре, но не в отдельной ее форме – театр, выставки, филармония, концертный зал, музей, а шире: все, что вами перечислено, это и есть культура. Все наше бытие есть наша культура.

- Что для вас в приоритете – воспитанность или образованность?

- И то и другое. Их нельзя противопоставлять. По сути, это одно и то же. Если же говорить о формальном образовании, то для меня важнее воспитанность.

- Этика или интеллект?

- Ответ будет таким же, что и на предыдущий вопрос. Но все-таки, если уж выбирать, то этика. Хотя подлинный интеллект (не интеллектуализм, не банальная эрудиция, когда человек цитирует Платона или Ницше) питается этическими моментами, он так растет. Мне, признаюсь, не нравится иностранное словечко «интеллект», предпочитаю русское слово «ум», оно более объемное, точное, духовно правильное. Ум без души, без сердца невозможен. Тогда это всего лишь «интеллект»...

...Пусть скажут: размечтался автор, чересчур о себе возомнил, но был момент, когда я живо представил себя участником передачи «Лезвие Оккама», чудом восставшей из пепла забвения, при этом роль мне досталась... ведущего. И мысль: сумею ли я так же изящно и легко скользить по лезвию беседы, задавая ей тон и смысл, как это удавалось обоим Джумабаевым – Эмилю и Таланту? Ответ не заставил себя ждать: «Не

следует множить сущее без необходимости». Переложив для своих нужд попроще принцип Уильяма из Оккама, я получил на выходе: «Чудак, ну зачем тебе множить сущее и делать, как они? Делай, как сам умеешь и можешь...»

Монах со своим принципом оказался вовремя и к месту.

Александр ЗЕЛИЧЕНКО

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Борщ для товарища Сталина

...Завидев немецкую «Раму», наблюдатель привычно завопил: «Небооооо!!!», и девочки, среди них и 20-летняя Люба Савочкина, привычно попадали в противотанковый ров, что рыли своими руками. На сей раз немец удивил: на головы посыпались... листовки: «Дамочки, не копайте ямочки. От Торжка до Волочка не останется и клочка. Обойдут наши таночки ваши ямочки!»

Развязный тон фашистского агитпропа, похоже, взволновал тогда только вездесущих особистов из армейской контрразведки, что собирали бумагу в кучи и тут же сжигали. Их даже на самокрутки пускать не разрешалось. Девушки же еще больше на врага ополчились...

А дальше был фронт. Нет, Любовь Андреевна не стала ни знаменитым снайпером, ни связистом, ни санинструктором, вытаскивавшим на себе раненых – Честь им всем и Слава! Кому-то надо было пищу готовить, солдат кормить, котлы полевых кухонь мыть. И стала наша героиня военным поваром.

Служила Люба в боевом авиационном полку. Кроме готовки, в ее обязанности входила доставка тяжелых термосов и бидонов на дальние точки. Где машиной, где на телеге. Но в основном на закорках...

Раз в белорусском лесу прямо с поклажей заблудилась Любаша. И набрела на фашистскую зондеркоманду, что второпях сбрасывала с телег в яму еще полуживых партизан. Видать, в тюремном дворе расстреляли и концы спрятать решились.

Бог хранил Савочкину...

Однажды в их полк сам Василий Сталин, сын Верховного, прилетел. Отважный был летчик! В боевой вылет вместе с местными пошел, да не командиром - в звене обычном. И «Фокке-Вульф» сбил! Пока «Ястребки» воздушной охотой занимались, Люба на кухне им украинский борщ сготовила. И спирт потом в обед подносила.

Генералу понравилось...

«По хозяйству нам солдат помогал. Кыргыз. На русский манер мы его Колей звали. Про горы рассказывал, про озеро цвета небесного. В гости звал, отменным урюком накормить обещал. Мне, девушке из-под Смоленска родом, уж очень в тех местах диковинных побывать захотелось.

Тогда наши много ложных аэродромов строили, чтоб заставить фрицев зря бомбы-снаряды расходовать и свои позиции открывать. Капониры, командные пункты – все честь по чести. Вот только самолеты фанерные и солдаты-чучела. Раз с Колей такой обед несли, вдруг – артобстрел, прямо рядом рвануло. Его – в куски, у меня – контузия легкая», - делилась воспоминаниями Любовь Андреевна.

Из Беларуси полк прямо в Германию улетел. Хозяйство же загодя конной тягой отправили. Обустроились, а там и «Соколы» подтянулись. К полевым кухням все голодные дети немецкие тянулись – никому не отказывали. Паролем при этом была заветная фраза: «Гитлер капут!»

Но в Киргизию Любовь Андреевна Савочкина все же попала. В 1954 году в Литве вышла замуж за военного, что родом из города Фрунзе. Демобилизовавшись, вернулись на родину мужа. Здесь счастливых 55 лет прожили, двух детей воспитали.

Ушла из жизни ветеран в 2016-м.

В 93...

Улика

...К середине 1980-х годов в Томске-7, где в угрозыске тогда служил мой друг Коля Рыбалкин, как и по всему Союзу, активизировались преступные группировки. «Мазу» держала «боксерская»: возраст не важен, занимаешься боксом – все, ты свой. А оба городских ресторана и в будни, и особенно по уикендам регулярно поставляли больничную клиентуру: сло-

манные челюсти, сотрясения мозга, а то и тяжкие телесные повреждения.

Ситуация, что говорится, достала. Но писать заявления потерпевшие отказывались. Категорически. Кто утверждал, что с лестницы рухнул, кто в гараже споткнулся или на улице поскользнулся...

Лидером «боксеров» был Боря Колбыш – мастер спорта, чемпион Сибири и Дальнего Востока в среднем весе. Но зацепить его было нечем.

Пока за дело не взялся капитан Рыбалкин. Нашел-таки Коля слабое звено, уговорил двоих, кто видел, как хуком справа Боря нос парню сломал, дать свидетельские показания, а потерпевшего – заявление написать. Убедить последнего, кстати, оказалось даже труднее, чем очевидцев. Пришлось к своему авторитету звать: упакую-де Колбыша, будет он у меня года три лобзиком лес валить!

Поверили...

Дело за малым – подозреваемого расколоть. Вот тут – проблема. Трое рыбалкинских подчиненных – «ботаники», служить пришли по набору партийному. Была тогда такая практика: укреплять органы направленцами трудовых коллективов.

На практике же таким образом часто от бездельников и лодырей избавлялись. В нашем случае ребята вроде и неплохие попались, но оперскому ремеслу необученные. И Рыбалкин взялся за дело сам...

Короче, на третий день лидер «сломался». И вскоре ушел на лесоповал. И именно на обещанный свидетелям срок.

Полтора года в городе было тихо...

Но свято место пусто не бывает. Пока Боря на зоне «парился», городская молодежь подросла, качки в подвалах железом таскали, мышцы наращивали, спиртным и табаком не злоупотребляли.

Выстраивали дисциплину и иерархию. С единственной целью – криминальную власть захватить.

И вскоре в больницу уже сами «боксеры» зачастили. Жалобы те же – с лестницы, головой вниз, упал.

Споткнулся. Поскользнулся...

Но заявления писать и этим запахло...

Как-то качкам под горячую руку хулиган местный по прозвищу Морковка попался. Отмутили его крепко. К «боксерам» «овощ» отношения не имел, но в сердцах орал, что скоро-де Колбыш с беспределом вашим покончит, за все спросит.

Зная, что экс-чемпион недавно по УДО освободился, капитан к информации этой отнесся всерьез. И вскоре прознал, что Боря «боксеров» группирует, желает «крысам подвальным» показать, кто есть Томска-7 «честь и слава». Уже якобы и стрелку на городском стадионе, в это время года пустующем, забили.

Тревога!

Стычка большой кровью завершиться могла.

Город притих...

С разрешения руководства решили с ранее судимым Колбышем профилактическую беседу провести. Разъяснить, что его ожидает. Чин по чину, повестку выписали, участковому, чтобы лично в руки вручил, передали.

Чтобы разговору не мешали, Николай его в обеденный перерыв вызвал, сам же пораньше перекусить выехал. Только с городским универмагом поравнялся – рация: там костюм дорогой украли.

Заехал. Магазин только в 11.00 открылся, покупателей немного было, а потому похитителя здесь хорошо запомнили: он несколько раз брал с вешалки костюмы, но как вышел, никто не видел.

Словесный портрет сильно Борю Колбыша напоминал. И особая примета – нос сломанный...

Дальше сыщик за пиджак старый, что в примерочной обнаружили, взялся. Сразу видно, одежда долго служила. В боковых карманах пусто, в лицевом – бумажка какая-то. Ба, да то же его повестка боксеру, к тринадцати ноль-ноль в кабинет явиться.

Попался!

Рыбалкин – в отдел, там уже Боря Колбыш, в пиджаке дорогом кримпленовом. Сидит, лыбится: «Здрасьте, гражданин начальник. Почему после трудов праведных отдохнуть не даете?! Я ж только неделю, как откинулся...»

Выгнав всех из кабинета (серьезных «клиентов» лучше один на один колоть), начали беседу. Боря – за жизнь, как свой срок «на одной ноге отстоял», как томский вор в законе Семигулый ему поддержку дал и как он «по половинке» вышел.

Капитан – свое: мол, как это ты, Борис, правильный пацан, в вору перекалфицировался, да еще и город на дыбы поднять вознамерился?!

Тот – молодых, дескать, учить надо, и вскоре он этим займется. А вором никогда не был. Тут Николай развернул

сверток, заметил, что визави свой пиджак узнал, но вида не подает, равнодушие выказывает.

- «Клифт» узнаешь?

- Начальник, таких пиджаков море.

Да? И в присутствии понятых извлек капитан свою собственную повестку...

...Битый час матерился Боря. Какими только словами себя ни называл: «Я все карманы проверил, справку об освобождении вынул, а про повестку эту в карманчике верхнем забыл. Ну муздак!»

И вернулся в зону на долгих четыре года...

Так мой друг Николай Рыбалкин город от мордобоя спас. Но, скорее всего, жизни пацанам сохранил.

Начальство ему за это ценный подарок вручило – вентилятор...

Тульский Токарева

В конце 1970-х годов новичок в УГРО Асан Албанов обслуживал западную зону кыргызской столицы, большую территорию вокруг нынешнего Аламединского рынка. Под руководством Вениамина Крупнова и Токона Абдылдаева, чьи имена – среди легенд сыска, пахал он сутками: «земля» досталась бедовая, что ни день – кражи, грабежи, угоны...

В разработке – группа неуловимых. По почерку – работают одни и те же. Но никаких следов. И вот однажды, проводя подворный обход, лейтенант едва не стал свидетелем еще одного преступления. На Парковой, чуть не сбив, из ворот дома с криком о помощи выскочила девушка, обнаружившая свежую кражу.

Утром шел снег, а потому следы азиатских галош отпечатались четко. Что твоя служебно-разыскная собака, опер прошел по ним до соседнего переулочка и уткнулся в развалюху-барак. Жильцов давно расселили, а вот снести строение руки не доходили.

Здесь, за сваями, и обнаружилось краденое. И сама собой пришла мысль о засаде. Куда в первую же ночь воришка и угодил...

17-летний Даутов держался дерзко, признавал только то, за что попался. Соучастников скрывал, включил крутого. Допрашивая, профессионалы применяли и кнут, и пряник: давили, кормили, пугали, уговаривали, играли в плохого-хорошего

полицейского – все без толку. Устав, старики пошли перекусить. Асан же продолжил беседу.

Чуть раньше приметил сыщик, что задержанный настораживается, как только упоминают маму. На этом решил сыграть и пригрозил обыском в доме, где она вместе с задержанным проживала.

– Без меня не ходите, – взмолился парень, – мать – сердечница, помереть может.

– Ладно, а что взамен?

– Ствол, ТТ, подойдет?

Это было большой удачей. Сегодня-то оружия всех видов у криминала полно, изъять у урки боевой пистолет, да еще ТТ – считай, крупно повезло, премией пахнет. А если его уже применяли и преступление удастся раскрыть, то и покруче награда светит...

...Ходили слухи, что в 1930-х годах на Тульском оружейном заводе втихую было выпущено несколько сотен изготовленных конструктором Токаревым пистолетов этой марки. Без серийных номеров, с таким расчетом, чтобы узнать, кому принадлежал, было невозможно. Предназначались левые стволы для нелегалов из зарубежной агентуры ОГПУ-НКВД для устранения «классовых врагов», но немало их попало и к уголовникам.

Возможно, один из таких ТТ сегодня предстояло изъять...

Едва дождавшись старших, Албанов поведаль, как добыл информацию. «Старики» похвалили и, получив санкцию, направились с обыском.

Перво-наперво, как обещали, вместе с задержанным успокоили мать. Пожилую женщину усадили в кресло, специально привезенного врача приставили. Все, можно приступать.

Вскоре обнаружили вещдоки с разных краж: одежда, хрустальная ваза с едва заметным надколом, магнитофон. Потом Албанов обнаружил еще пахнувший порохом обрез. На вопрос о пистолете несовершеннолетний воришка уверенно показал на книжную полку в серванте.

Но ствола там не оказалось.

– Мама, ты что, пистолет перепрятала?!

– Да не знаю я ничего, сынок.

А сама глазами в пол указывает...

Ногой отодвинув старенький палас, Асан увидел вход в подпол. Поддев обрезом, успел потянуть щеколду, как дверь внезапно резко отворилась и в комнатушку с искомым писто-

летом в руке ужом протиснулся матерый рецидивист, чья фотография украшала стенды «Их разыскивает милиция».

Это ж надо, чтоб так совпало! Как позже выяснилось, за пять минут до приезда оперативной группы главарь шайки пришел забрать ТТ...

«Постреляю, менты!», и – дерг затвором, дуло – на понятия. Те замерли, бандит же уже тянулся спустить курок...

...Времени доставать табельный «Макаров» не было. Вскинув обрез, не целясь Албанов дернул спуск.

Громыкнуло! Отдача швырнула в стену. Контузило...

Преступник рухнул, «Токарев» – в сторону, его тут же подхватил Крупнов. Обрубок ружья, оказалось, хранил пулю, что, сломав ключицу, прошла навылет. Кровь, вопли, насмерть испуганные люди.

«Скорая»...

Потом долго разбирались с прокуратурой. Той все хотелось знать, почему опер стрелял «из подручных средств», служебным пистолетом не воспользовался? Ну как объяснить кабинетным бюрократам, что счет шел на доли секунды, на волоске были две человеческие жизни как минимум?!

Конец проверкам только через полгода положило вмешательство высокого милицейского начальства из самой Москвы...

По совокупности совершенных преступлений рецидивист получил десять лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Но через шесть лет оказался на свободе.

Условно-досрочно.

А через месяц, перебрав наркоты, угнал КамАЗ. И насмерть сбил беременную женщину, переходившую дорогу с 4-летней дочкой.

... Успей Албанов тогда прицелиться, этих жертв можно было бы избежать.

Генисы

С экс-бишкекчанами Генисами знаком многие годы. Живут они в знойной Бээр-Шеве (Израиль) без малого тридцать лет. Врачевать начинали в советской Киргизии, в шахтерской Кызыл-Кие. Потом - в Бишкеке, теперь вот в Стране обетованной.

Глава семейства, Иосиф, контролирует сердечный ритм жителей огромной пустыни Негев: все, кому здесь имплантированы кардиостимуляторы, включая кочевников-бедуинов, 24 часа в сутки - в зоне его внимания.

Младший, Сашка, что в Израиле с малства, вернулся в родной Кыргызстан и, окончив медицинский факультет КРСУ, с высшими баллами подтвердил свои знания дома. С успехом врачует беер-шевцев в одной из известных всему Ближнему Востоку клиник «Сороки». Пашет, как черт.

Его жена, бишкекчанка Ксения, до того об Израиле и не помышлявшая, приехав вслед за мужем, штурмом взяла сложнейший иврит, защитила диплом той же, что и Сашкина, альма-матер, успела родить, носит второго и лечит детишек в Ашкелоне.

Мама, Ася Генис-Палей, попав в русло большой алии, когда за дворницкую метлу из-за безработицы повальной однажды два известных в СССР профессора-эмигранта конкурировали, уже через месяц начала преподавать английский в школе в Сдероте. Городок - близ границы, под обстрелом бывает чаще других. Однажды осколок начиненного взрывчаткой «Касама» рядом с ней в пассажирское кресло «манитки», маршрутки по-нашему, впился – не испугалась. Так и ездила в ставшую родной школу 25 лет. Оттуда на заслуженную пенсию в прошлом году проводили...

Ну, не упертые?!

Теперь о корнях.

Мама «доктора Ёси», как здесь зовут его многие, Эсфирь Моисеевна Цилькер, родилась в 1919-м. Жила в Одессе, работала медсестрой, готовилась в медицинский. Семья – сын, любящий муж. Все как у всех. На второй день Великой Отечественной ушла на фронт и уже с 24 июня (!) до самой Победы служила в 309-м отдельном саперном батальоне 9-й армии Юго-Западного фронта военфельдшером.

Однажды на бричке с охраной за лекарствами на узловую станцию поехала. Назад целый сундук с бесценными обезболивающими везла. Обстрел, оба сопровождающих солдата погибли. Рванув со страху, конь бричку перевернул, порвал упряжь и убежал. Одна-одинешенька, двое суток без сна, еды-питья на том сундуке просидела, не могла поклажу ценную оставить. Спасли танкисты: «Лейтенант, район за это время трижды из рук в руки переходил. Ну и повезло же тебе...»

Война для старшего лейтенанта медслужбы Эсфирь

Цилькер закончилась в Берлине в 1946-м. Вернулась в Одессу, родных отыскать попыталась. Нашла ж только свидетелей их расстрела...

Поставила памятник, оплакала и подалась в далекую Киргизию, где к тому времени родители отыскались.

У тех – своя история.

Ёсина бабушка, Ольга Моисеевна Левина, училась врачебному искусству на медицинском факультете Одесского университета. Поступила - огромная удача для девушки вообще, а для еврейской особенно! - страшно сказать, еще при царе-батюшке, в 1915-м. Окончила же при Советах, в 1920-м. Готовили там земских врачей, узкой специализации не знавших. Могли и роды принять, и перелом сложить, и аппендицит удалить.

Жила доктор Ольга в Кировограде, на Украине. Муж самой мирной профессии – бухгалтер. В войну вначале эвакуироваться не хотели, ушли под нажимом родни буквально с последним эшелонном. Состав под бомбежку попал, трое суток пехом от погони уходили. Нехитрый скарб, документы, в том числе и диплом, – все сгорело.

На одной из станций влезли в товарняк. Две недели впроголодь, добрались до Ташкента. Там – сыпняк, тиф. Из вагонов не выпустили, воды дали, хлеба. Еще трое суток, до конечного железнодорожного тупика, станции Маргелан. Эвакуированных и здесь полно, кто-то посоветовал в Ош податься, мол, с едой там полегче. На попутной подводе тронулись...

По дороге рассказали вознице, врачи, мол. Тот вдруг остановил бричку и говорит: «А вы здесь, в Караване, оставайтесь. Народ добрый, и врачей отродясь не бывало. Прокормитесь».

Была не была!

Обосновались в развалюхе «без окон, без дверей» на окраине большого села. Каждый день по дороге на базар местные бросали за полуразвалившийся дувал – высокий глинобитный забор - пару пучков зеленого лука, две редьки и лепешку. Воду брали из родника неподалеку.

Однажды услышали крик – орали из соседнего дома. Женщина, как при родах. Рванув туда скорее из многолетней привычки, «докторка» действительно увидела корчившуюся от боли роженицу: лицевое предлежание. Спасла!

Тут и пошла клиентура...

Вскоре слухи о сельском докторе до Оша дошли. Обл-

здоров там тогда легендарный впоследствии Петросянц командовал. Приехал, не поленился. Выслушав историю и изучив ситуацию на месте, забрал Ольгу Моисеевну с собой. Понаблюдая за ее работой в облбольнице и - беспрецедентный случай – дал разрешение на медпрактику. А еще кое-какие медикаменты и оборудование.

Наказав открыть медпункт, обратно в Караван отправил.

Местная власть помогла, глиняную мазанку отремонтировали, пристройку из самана возвели. В одной комнате жили, в двух других врачевали. После, когда семейство уже в Кызыл-Кию перебралось, на месте их жилья новый фельдшерский пункт оборудовали. И мемориальную доску в честь «народного доктора» повесили...

В шахтерский город к ним и дочь приехала. Прямо в военной форме, с медалями. Радости было! В 1951 году Эсфирь Моисеевна с отличием Киргизский государственный медицинский институт, где тогда эвакуированная харьковская и ленинградская профессура преподавала, окончила. И в Одессе чудом университетский архив сохранился, диплом бабушкин подтвердили. Здесь при больнице и жили. Иосиф родился, с трех лет со шприцами использованными играл.

Ну кем, скажите, кем мог стать этот ребенок?! Так, в 1970-х годах, в Кызыл-Кийской горбольнице пять докторов семейства Цилькер-Генисов работали. Ёся помнит, как однажды, когда он, молодой интерн, дежурил, привезли директора шахты: остановилось сердце. «Представляешь, со страху все, чему учили, забыл. Но дефибриллятор, хоть и дрожащими руками, все-таки применил».

И жизнь спас...

«В Израиле мне хорошо. Но если честно, по-настоящему дома я себя только в Кызыл-Кие и ощущал. Помню, летишь на каникулы, и как только вершины холмов красных, что название городу дали, покажутся, - все, родное гнездо...

А в больнице тогда в основном врачи-фронтовики работали. Главная – подполковник медслужбы, сестра знаменитого Щорса. Пятиминутки командным голосом проводила – попробуй не выполни!

Работали на износ. Однажды доктор, бывший военный хирург Израиль Владимирович Крутоголов, без отдыха семь часов заворот кишок оперировал. Закончив, поручил молодым зашить, а сам на крыльцо покурить вышел. Присел, достал «беломорину». Да так с ней в руках и умер: от напряжения - давний тромб оторвался...»

...Йосиф и сегодня без выходных-проходных доступен 24 часа в сутки.

И сын в него.

Яблоко от яблони...

Барсова уха

...В начале 1970-х годов бишкекчанин Владимир Ниринберг на работу в трест «Взрывпром» поступил. Отучился. Рвал скалы, чтоб грейдерам и бульдозерам путь расчистить, ведь на горных кручах без взрывных работ никак.

Вот дальняя командировка в район Казармана. Небо – ультрамарин, высота – за три тысячи, свежайший воздух, чистейшие, полные рыбы, реки...

Браконьерили. В заводь - капсюль с коротеньким бикфордовым шнуром, только успевай укрыться. Взрыв несильный, рыбу глушил на минуту, не больше. Снулые «форелеосманы» сверху брюхом всплывали, но быстро очухивались, и – в омут...

Не зевай!

Поднаторевшим взрывникам мгновений этих «контуженных» хватало: полный таз собирать успевали! Уху варили – ложка стояла.

И вот однажды...

С вечера полное ведро рыбацкого варева нетронутым осталось. В реку сунули, чтоб не сквасилось. Ночью Володя по нужде встал, заодно и уху проверил: застыла, в холодец превратилась – хоть ножом режь.

А уж запах!

Он-то, очевидно, и привлек нежданного визитера.

...Светало. На речку умыться собрались. Чу! На камне, метрах в тридцати, - собака.

Да откуда тут, в 50 километрах от жилья ближайшего, псу взяться?!

Ба! Это ж... барс! Завораживающе красивый, изящный до грациозности. Скалит да ноздри раздувает...

И к ведру с ухой направляется. Оно от бережка недалеко, чуть притопленное, стояло.

Прыг!

Человек - хлоп в ладоши! Звонко, как выстрел...

...Уже в воздухе зверь на 90 градусов траекторию изменил, на четыре лапы приземлился. Рыкнул и – к взрывнику!

Тот – как вкопанный. Ни пошевелиться, ни крикнуть...

Тут на бережок из-за кручи со смехом веселым тройца с полотенцами вышла.

Уши прижав, барс в расщелину юркнул. Те трое его не заметили даже.

Три дня после того взрывник с толовой шашкой в руках засыпал. Все ждал, отомстит зверюга.

Пронесло ...

ЛИТ. КУЛЬТ. ПАНОРАМА

ЗАБЕГ В НЕБЕСА ПИСАТЕЛЯ ВЯЧЕСЛАВА АЛЕКСАНДРОВА

Прежде чем говорить о новой книге, мне хочется вспомнить о презентации десятилетней давности, ибо она имеет прямое отношение к сегодняшней теме. Тогда это был сборник очерков и рассказов «Азиатские белые горы» Вячеслава Васильевича Александрова, а рецензентом выступал его друг и соратник Юрий Константинович Шевяхов.

Однако в тех кругах, о которых шла речь на бумаге, и Автор, и Рецензент были скорее известны как Васильич и Тега. И это не просто отчество и прозвище, а почетные звания, заслуженные в среде настоящих экстремалов. Мир приключений требователен к личностям, его населяющим. И слова Высоцкого «там поймешь, кто такой» на самом деле имеют глубочайший философский смысл.

Горы и реки, скорость и высота, да и все то, что сопряжено с риском, как лакмусовые бумажки, определяют характеры и поступки людей. Не каждый, кто попробовал свои силы на тропе приключений, достойно прошел все испытания.

Васильич и Тега в переломный период нашей общей истории оказались в числе патриархов приключенческого туризма в Кыргызстане. Альпинизм и рафтинг, лыжи и дайвинг, вертолеты и все, все, все — от пешеходных туров и конных переходов до культурных программ по нашей республике. Все приходилось начинать с нуля.

Посторонний человек даже не может себе представить, через что им пришлось пройти на пути к успеху. Это как не побывавший на войне никогда не сможет до конца понять на ней побывавших, даже прочитав книгу об их сражениях. Именно

поэтому тогда, десять лет назад, Автор и Рецензент оказались стопроцентно на одной волне.

«Азиатские белые горы» были первой книгой начинающего писателя. В ней многие герои были моими друзьями и знакомыми, да и некоторым описываемым событиям я был свидетелем. Тем не менее именно витиеватая речь Теги убедила меня, что я просто обязан прочитать эту книгу, не прочитать будет себе дороже.

Теперь, познакомившись с уже третьей книгой писателя Александрова «Забег в небеса», я испытал жгучее желание пойти по стопам Теги и написать такую рецензию, после прочтения которой люди непременно откроют для себя «Забег в небеса».

Поэтому: лучший отклик на книгу – это когда хочется написать рецензию, после которой книгу (а не рецензию) захочется прочитать другим.

Стилистика новой книги – более литературно зрелое и стилистически вылизанное продолжение «Азиатских белых гор» и «Алеет восток». Та же арена приключений, почти те же герои, тот же, но уже «другой» Автор.

Поэтому: «Азиатские белые горы» – трамплин для «Забега в небеса». Кто раньше читал Александрова, тому и теперь будет интересно.

Александров на основании простых фактов строит свою философию произошедших событий, облекая их в удивительно привлекательную словесную оболочку. Например, чего стоят подробности высотной разборки вертолета (винтокрылой стрекозы) или детали зарубежного дайвинга. Васильич в силу своего неумного характера был свидетелем многих неординарных событий, видел реакцию на них разных в своем мироощущении участников. И с мастерством настоящего писателя их характеры.

В книге нет ни одного придуманного героя. Все – реально существующие люди, от простых лидеров по жизни Сергея Селиверстова и Лены Калашниковой как стержня повествования до венценосных Абсамата Масалиева и Толомуша Океева. Всех перечислить не получится, да и не стоит, читайте сами, там много о ком...

Множество героев – это фундамент книги. Причем герои Васильича в подавляющем большинстве – положительные персонажи. Может возникнуть вопрос: если нет антигероев,

то где же тогда интрига, так необходимая для настоящей литературы? Ответ простой: в жизни, особенно в среде экстремальных приключений, так много внешних причин для борьбы и преодоления, что и врагов не надо.

А перечень героев по сравнению с первой книгой Автора стал много шире. И самогонщик-шмурдяковед Поташев («Зачем...»), и пес Он-Тор доктора Горохова («Друг человека»), и даже Вертолет (из «Страстей по стрекозе») – все они равноправные герои приключений.

Известные горовосходители Дима Греков и Александр Фаустов, Федор Попов и Миша Даничкин, мастера объектива Женя Барышников и Саша Федоров... – за каждым героем Александрова стоит целая история, достойная стать темой для захватывающего романа. Имена Ильинского, Ручкина, Бирюкова, Суханова, Алибегашвили, Самохвалова и многих других навечно вписаны в историю советского альпинизма. Васильич с любовью и уважением пишет о них, о своих старых и верных товарищах. А каждая строчка Александрова о вертолетчиках, которые умеют летать между Ханом и Победой, – это восхищение мастерством и мужеством.

Отдельно хотелось отметить язык писателя. Васильич находит неожиданно верные слова (типа «...анналы рындократства» или «лошадка по имени УАЗ») и составляет из них удивительно поэтическую прозу («...заодно и должностей напахали по штатному расписанию» или «восторженный гвалт валькирий заполнил все аэродромное пространство»). Язык, конечно, не Пушкина, но двадцать первого века, живой, разбавленный специфическим юмором.

Автор рисует законченную картину событий. Все ясно и визуально однозначно. Ярko и без полутонов. Мы видим героев в поединке со стихией, когда раскрываются их душевные и моральные качества.

Рассказ, название которого вынесено на обложку, – бесспорно, ключевой среди общего повествования, где некоторые герои кочуют из истории в историю. Ключевой не только потому, что в нем последнее по времени событие, описанное в книге, а потому, что именно его герой – Семен Дворниченко – объединяет в своей судьбе высоту помыслов и фатальную опасность мира приключений.

Скайраннеры (в свободном переводе «бегуны в небо») – они такие же «запредельщики», как и «зимние снежные барсы». Есть те, кому мало взойти на вершину (им нужно забежать

туда быстрее других), а «зимние» восходители пытаются покорять семитысячники бывшего СССР зимой, когда по определению суровые горы не пускают храбрецов на свои вершины. Говорят, что «зимняя Победа» намного труднее «клиентского Эвереста». Это экстремалы среди экстремалов, их следующий шаг – уже «дорога в открытый космос», «покой им только снится». Таковы герои писателя Вячеслава Александрова, к когорте которых принадлежит и сам автор – Васильич.

Семен Дворниченко с Натальей Чионовой погибли в лавине на горе, которую Семен знал как свои пять пальцев. Ушли и не вернулись, как и герои из предыдущих рассказов Александрова – Святослав Зайцев, Саша Губаев и другие...

Если вспомнить Печорина, то по приезду на Кавказ «через неделю он уже не обращал внимания на жужжание пролетающих рядом пуль». Иные нынче времена, но неизменной остается обратная сторона героизма. Теперь на мемориале альпинистов в Ала-Арче еще одной плитой станет больше... а людей, ищущих приключения, от этого не станет меньше.

Автор прокладывал свой жизненный путь по извилистой тропе: инженер – лыжник – турист – альпинист – киношник – писатель.

У нас в республике в советское время человек с профессиональной камерой однозначно был мультипрофи. Это началось зачастую, что он не только оператор, но и режиссер, звукач, спец по свету и, наконец, сценарист. Не отсюда ли писательские корни бывшего оператора Александрова?

Ведь мало придумать сценарий, нужно еще уметь его изложить на бумаге. А здесь школьного русского явно недостаточно. Начальство, прежде чем дать добро на фильм, должно было убедиться в целесообразности «его снимания». Видимо, так операторы и становятся писателями. От таланта, от трудностей жизни «взамен» незаконченных литературных институтов.

Взгляд через объектив совершенно по-другому воспринимает даже обычные события. А в критической ситуации не снятый с кнопки палец оператора подобен фронтовому снайперу, увидевшему в окуляре цель и вовремя нажавшему на курок.

Снятый на пленку материал не всегда отражает события в должной мере. И вот тогда неудовлетворенный оператор становится писателем (я так думаю)! А события, происходящие перед камерой, определяют перечень тем.

Одна проблема: излишняя техника только усложняет экстремальные приключения. Четвертый рассказ правильнее было бы назвать «Зачем идете с камерой в горы?».

Только старый альпинист, побывавший на предельных высотах, может понять, что такое тащить на вершину камеру типа «Конвас» или «Кинор». Современным горовосходителям с их ГоуПрошками этого не понять. Как и не понять ходьбу в триконях и ношения «абалаковского рюкзака». Были времена...

Рассказы бывшего оператора удивительно кинематографичны (драма, характеры, простой язык, чувство юмора) – готовые сценарии для художественного воплощения. А еще Александров стал неплохим фотографом. И книга тому лучшее подтверждение. Хотя не все фото «кистей самого Васильича» (там есть полный список фотосоавторов), но именно визуальная часть, по-моему, сделана в книге наиболее слабо. Классные, практически художественные фотографии проиграли от верстки и полиграфии. Из них мог бы получиться отличный фотоальбом.

Поэтому: высказываясь об учителе, прежде всего помни об уважении, а друг достоин правды, какой бы горькой она ни была.

Литература ассоциативна музыке. А там, где Васильич, всегда гитара – это аксиома.

Я никогда не был на одной музыкальной волне с Автором. Скорее, мы в антагонизме. Слава был всегда за бардов, тех, что у костра с гитарами. А я вырос на битлах и роллингах.

Может ли тексту соответствовать музыка? Вопрос сегодня риторический, снятый в качестве вопроса тысячелетия назад. В рассказах Александрова не однажды всплывает музыкальная тема. Это и цитаты из песен любимого автором Визбора, и симфоническая классика, когда Васильич сравнивает рев турбин вертолета с исполнением оперы Рихарда Вагнера «Полет валькирий». А строки об Ала-Арчинском мемориале погибшим альпинистам («Рында») – это реквием по навечно оставшимся в горах, но и в этом реквиеме чувствуется скорее мажор, чем минор, что характерно для всего творчества писателя Александрова.

Моя рецензия начиналась с презентации «Азиатских белых гор». Так что же изменилось за десять лет с выходом в свет «Забега в небеса»?

Кыргызстан – по-прежнему главная арена приключений, описываемых в новой книге, и горы в ней по традиции – главный рельеф описываемых событий. Горы добавляют вертикаль, как третье измерение, совершенно по-иному влияющую на «плоскую» жизнь, мирно текущую на равнине. А вот Автор изменился. С одной стороны, кажется, что он скинул те же десять лет. Его проза энергична, полна задора и юмора. С другой – Александров времен первой книги еще был зелен, осторожен в словах и выражениях, теперь матер и раскован. Влияние глобального интернета с его специфическим языком скорее добавило шарма повествованию, чем изуродовало «непереводимую игру слов с использованием местных идиоматических выражений». Здорово, когда события прошлых лет читаются в современном ритме простого народного языка. Это как городской романс – основа бардовской стилистики, которая не менее литература, чем произведения классики. А произведения Александрова имеют еще и запах приключений!

Поэтому: приключение как путь если не к вечной, то к многолетней молодости. Если лень участвовать самому, то читай хорошие книги.

«Дорога длиною в жизнь» – это не только название рассказа о Леване Алибегашвили. О человеке, которому далеко «за восемьдесят», а он продолжает строить дороги, упирающиеся в небеса. Это о судьбах всех героев писателя Вячеслава Александрова и о нем самом в том числе.

Наверное, главная характеристика книги – это целостность текста и несвязанных, на первый взгляд, рассказов. Особенно когда знаешь, что все герои настоящие, а события невыдуманные...

Поэтому: осталось ли загадкой, кто написал книгу – писатель Александров или экстремал Васильич? Для меня ответ очевиден – человек, который живет в гуще интересных и неординарных людей. Умеет смотреть, видеть и писать. А читатель пусть сам решает...

Р. С. Рецензент не судья, а простой читатель с правом высказаться. У меня не было задачи пересказывать содержание книги. Моя цель – заинтересовать других читателей «пробежаться в небеса» вместе с автором. Это точно интересно. Приятного прочтения!

Лайли УКУБАЕВА
Дария БУРЖУБАЕВА

ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННУЮ КЫРГЫЗСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

В том, что кыргызский народ талантлив и чрезвычайно близок к искусству художественного слова, сомневаться нет абсолютно никаких причин. Народ, издревле живший в условиях полукочевой жизни, не имевший городов со свойственной им культурой и архитектурой, вложил всю свою творческую энергию в его величество Слово. Ему есть чем гордиться: прежде всего двумя неповторимыми ценностями – эпосом и Ч. Айтматовым. Ну а кроме этого? Причем в современной литературе?

В 1990-е годы, как и все бывшие республики, неожиданно получившие самостоятельность, Кыргызстан начал строить собственную жизнь, к которой он шел столетиями. Казалось, вот и пришло наконец оно, новое время, время талантливых и смелых творцов-художников, которые явят миру свои творения, в которых творческая мысль наконец-то обретет крылья, расправит их во всю ширину и полетит вперед, рассекая просторы. Однако, получив возможность писать в соответствии со своей фантазией, а не установками соцреализма, вначале кыргызские писатели притихли в растерянности. Конечно, есть о чем писать, вон сколько ошеломляющих, поистине исторических событий происходит на глазах, а вот как писать, на какие устои опираться, какие задачи перед собой ставить? В советское время все было понятно: есть какой-то трафарет, и ты должен просто не выходить за линии границ и постараться втиснуть внутрь свою мысль. А теперь что? Каким должен быть идеал человека в нынешнее капиталистически-демокра-

тическое время? К примеру, если окинуть одним взором произведения Чингиза Айтматова, то можно увидеть, что в каждого своего главного героя он вкладывал себя самого, свою боль и страдания, свои мечты и надежды. Его человек старался оставаться и оставался человеком каждый день, в нем Айтматов-художник воплотил лучшие черты своих современников. Но это были люди прошлого – советского времени (кроме Арсена Саманчина, героя последнего романа «Когда падают горы», который, думаем, был недостаточно эпичен). Путь, проторенный Айтматовым в литературе, оказался не под силу тем, кто пришел в нее позже.

Вначале кыргызская, теперь уже независимая, литература находилась в каком-то ступоре. Затем плотина рухнула, и писатели разом прежде всего обратились к исторической тематике. Думаем, что это закономерный процесс, поскольку у исторических событий и личностей, которые имели место в Кыргызстане в советской аранжировке, был какой-то обобщенный вид, без конкретики, они страдали односторонностью и скрывали много правды. К примеру, о таких личностях, как Байтик батыр, Ормон хан, Кожомкул, Шабдан, Балбай, и других наше поколение имело смутное представление.

Из истории Востока известно, что книга «Шах-наме» великого Фирдоуси была написана после выхода Ирана из-под владения Арабского халифата, ее третья часть посвящена историческим личностям – Александру Македонскому и Маздаку. Факт написания и выхода этой книги объясняется тем, что автору после долгого арабского ига важно было прежде всего повернуть лицо народа в свое прошлое, вспомнить, осмыслить себя в нем, в истории. То же самое можно сказать о масштабном внимании всей кыргызской общественности к эпосу «Манас» после обретения государственной независимости.

Ладно, это все-таки крупные личности, которые каждый в свое время сыграл знаменательную роль, но на книжных полках появилось огромное количество книг писателей-любителей, написанных в жанре санжыра с подробным описанием каждой ветви родословной того или иного близкого им человека. Есть известный анекдот, где русского, украинца и кыргыза немцы-фашисты приговорили к расстрелу и им было разрешено сказать последнее слово. Когда очередь дошла до кыргыза, немцы отказали ему, сказав, что, если он заговорит, выяснится, что он их родственник. Родословное древо в этих книгах так

ветвисто, что вмещает в себя не только тех, кто внес весомый вклад в развитие общества, но и огромное количество людей, ни в чем выдающемся себя не проявивших. Такие тексты, как правило, лишены художественной ценности и печатаются без редакторской правки, что вызывает огорчение.

Вернемся к профессиональной литературе. Писатели нового поколения, обратившиеся к истории, понимали, что говорят новое слово о прошлом, поэтому написанию их трудов предшествовала кропотливая работа в архивах не только Кыргызстана, но и России, Казахстана, Узбекистана и других стран. Честь им и поклон за труд. На свет вытаскивалась засекреченная ранее информация, проливавшая истинный свет на многие трагические страницы многострадального Кыргызстана. Так родились книги «Хан Ормон» Жапаркула Токтоналиева, «Канат хан» Жумакадыра Эгембердиева, «Балбай» акына Эрниса Турсунова, «Курманжан датка» Сооронбая Жусуева, «Баатыр Шабдан» Жапаркула Токтоналиева, «Шамен», «Торокелди» Сардарбека Рыскулова и другие. В романе «Хан Ормон» Жапаркула Токтоналиева, состоящем из двух томов, описаны жизнь кыргызского народа в XIX веке, деятельность первого кыргызского хана Ормона, о котором ранее не говорилось ничего прогрессивного и позитивного. В этих произведениях были конкретизированы, уточнены и выверены сведения об исторических личностях XIX – начала XX века, не щадивших своих жизней ради кыргызского народа, его будущего, но названных в советскую эпоху реакционными.

В новых социально-политических условиях всегда переосмысливается и уточняется история, поэтому теперь не только в новых учебниках по истории Кыргызстана, но и в произведениях кыргызских писателей можно увидеть отдельные этапы кыргызской истории. Нельзя сказать, что все названные выше произведения были написаны на достаточно высоком художественно-эстетическом уровне и в них писатели добились правдивого отображения действительности, к тому же в некоторых случаях авторы, на наш взгляд, несколько преувеличили роль этих личностей в истории общества. Следует опять же отметить, что ряд авторов, например, Ж. Токтоналиев и Ж. Эгембердиев, не являются профессиональными писателями, Ж. Токтоналиев – бывший советский партийный работник, а Ж. Эгембердиев – журналист. Однако они оба – ценители искусства художественного слова. Можно сказать, что они постарались подойти к раскрытию исторической темы

с большой долей ответственности и подготовленности. К примеру, известно, что Ж. Токтоналиев перед созданием своего романа долго и упорно работал в Ленинградском архиве и только после того, как вместе с историком, ученым Доолотбеком Сапаралиевым полностью изучил все документы, относящиеся к личности Ормон хана, приступил к работе над ним.

Еще одна новая тенденция в новейшей кыргызской литературе – обращать внимание на судьбы выдающихся исторических личностей, репрессированных в 1937 году. Самсак Станалиев написал роман о Касыме Тыныстанове, репрессированном и расстрелянном в 1937-м советской властью. «Касым Тыныстанов, или Слезы молнии» – роман, в котором автор, как дотошный следователь, тщательно подошел к анализу тех идеологических ошибок, из-которых Тыныстанов оказался «врагом народа». Человеческие качества Тыныстанова были переданы с высокой степенью психологизма и художественности. Вторая великая трагическая личность, о которой была написана поэма Сооронбая Джусуева, – Исхак Раззаков. 16 лет он руководил Кыргызстаном и, преследуемый московскими руководителями Компартии, был вынужден покинуть Кыргызстан, в котором родился и вырос. Ему было запрещено возвращаться на родину, мало того, когда он умер, его останки не были перевезены на родину, в Кыргызстан, а захоронены в Москве.

Пожалуй, самыми трагическими, принесшими народу неисчислимые потери, явились события 1916 года и их последствия. Поэтому произведения, отразившие народное, национально-освободительное восстание, составили отдельный пласт литературы с исторической тематикой. Толеген Касымбеков, ставший известным как мастер исторических романов «Сломанный меч» и «Келкел», впоследствии написал произведения «Баскын» и «Кыргын». В них писатель описал то, как проводилась захватническая политика Российской империи на севере Кыргызстана, и тяжелую трагедию, пережитую кыргызским народом в период национально-освободительного движения. Названные произведения, а также романы Аслана Койчиева «Мисмилдирук» и Калкая Ашимбаева «Кочевье свободы» свидетельствуют о нарастающем интересе кыргызских писателей к этой теме и наступлении времени, при котором можно открыто говорить о захватнической политике Российской империи по отношению к кыргызам. Повесть Бактыбека МаксUTOва «Кызыл кыргын, кандуу кармаш» («Красная бойня,

кровавая схватка») тоже посвящена этой теме, она основана на архивных источниках и материалах устной истории об этой трагедии.

Во все времена истинными художниками-реалистами являлись те, кто не боялся раскрыть нелюбимые стороны жизни общества. Касым Каимов, написавший в былую советскую эпоху роман «Акырынкүтпө» («Не жди конца»), раскрыл в нем тему пьянства, наркомании и связанной с ними преступности. Чингиз Айтматов тоже по-своему, со свойственными его творчеству философскими обобщениями обращался к теме преступного мира, изображая наркодельцов в «Плахе» и тех, кто просто для забавы отстреливал загнанных животных («Плаха», «Когда падают горы»). Эта линия получила свое развитие в современной прозе, в творчестве Мелиса Макенбаева, видевшего преступный мир не снаружи, а изнутри в годы заключения. Когда-то бывший «преступником», безвинно осужденный и долгие годы сидевший в тюрьме, Мелис Макенбаев написал 11 романов об этой действительности. В таких произведениях, как «Зона», «Карышкырдын белети» («Волчий билет»), «Тентиген чал» («Старик-бродяга»), «Пресс хата», «Каракол догутүрмө» («Каракольская тюрьма»), «Зек», «Батырлар эмнеденелет» («Отчего умирают герои»), с особой остротой и пронзительностью описываются состояние тюрем советского времени, бесчеловечное отношение в них к преступникам, жизнь и судьба «авторитетов» из криминального мира, наркоманов и т. д. Трудно утверждать, что романы М. Макенбаева совершенны во всех отношениях, в них в основном представители правоохранительных органов изображены однопланово, в негативном ключе, кроме того, есть и недостатки, относящиеся к художественному мастерству. Хотя это так, оригинальность писателя заключается в том, что он, сорвав занавес с тех недостатков общества, которые умышленно скрывались, обратил внимание общественности на них. Данный писатель ценен и тем, что он попытался донести до людей то, что описанные в его произведениях негативные явления продолжают расти в геометрической прогрессии.

Близкая к этому проблема поднята в трилогии Абдулхая Алдашева «Жертөлөдө ой толгоо» («Размышления в землянке»), «Казат селинде» («В лавине смерти»), «Өх, бүттүкпү!» («Эх, закончили!»), в ней писатель разоблачает мерзкие деяния НКВД во время Великой Отечественной войны.

Рассказы сборника Кочкона Сактанова «Сөз Сактанов-

до» («Слово Сактанову») повествуют об утере нравственно-этических ценностей, веками хранившихся кыргызским народом из-за отсутствия порядка в современном обществе, в результате чего происходит возникновение доселе невиданных видов преступлений. Недостаточность художественности в рассказах К. Сактанова приближает их к очерковому жанру, что сразу бросается в глаза читателю. И все же рассказы, входящие в раздел «Сот залынан» (1993-1998) и «Из зала суда» (1993-1998), вызывают сильные эмоции читателя, заставляя думать о многих проблемах, отраженных в них. Еще одна черта – К. Сактанов писал эти произведения на основе судебных процессов, непосредственным участником которых он являлся. Это свидетельствует о том, что эпизоды, изображенные в рассказах, взяты из реальной, современной жизни.

То, что в годы независимости литературный процесс продолжает свое развитие, можно наблюдать по появлению многих произведений прозы. Конечно, событием этого времени стали романы «Тавро Кассандры» и «Когда падают горы» («Вечная невеста») Чингиза Айтматова. Писатель сумел в названных романах с философской широтой и психологической достоверностью многосторонне передать жизненные противоречия времени, рассказать о том, как рыночные отношения дикого капитализма ставят острые вопросы перед человечеством. В одном ряду с этими романами Ч. Айтматова находятся произведения Казата Акматава «Архат», Оскона Даникеева «Арман» («Заветная мечта»), Мелиса Абакирова «Барымта» («Набег»), Зууры Сооронбаевой «Чоочун киши» («Чужой человек»). И в них также отражены судьба человека в прошлом и настоящем, его жизненная философия и т. д.

Вместе с тем появились и незначительные, малоинтересные произведения прозы. Кыргызстан среди государств Средней Азии является страной, в которой наиболее развита свобода слова. Быть может, поэтому были скоропалительно написаны произведения псевдоискусства, удовлетворяющие повседневные интересы, типа: «Любовь дочери министра», «Бриллиантовая змея» Чолпонбека Абыкаеева, художественно-эстетический уровень которых низок. Конечно, у них есть свои читатели, и это тоже естественное явление, встречающееся в литературном процессе. Однако такие второстепенные произведения вряд ли смогут пройти испытание временем.

Если обратить внимание на поэзию постсоветского времени, то легко заметить, что она не стоит на месте. Пред-

ставитель старшего поколения поэт Сооронбай Жусуев опубликовал сборник стихотворений под названием «Ала-Тоом барда, мен бармын» («Пока есть Ала-Тоо, существую и я»), проникнутых гражданскими чувствами. Он также написал роман в стихах «Курманжан датка», поэму «Исхак Раззаков». Суюнбай Эралиев также выпустил сборник стихотворений «Тандалмалар» («Избранное») и сборник коротких рассказов «Сага айткан сыр» («Тайна, раскрытая тебе»). Одним из поэтов, откликнувшихся на острые проблемы современности, был Эсенгул Ибраев. Он стал поэтом-трибуном в кыргызской поэзии, громко призывающим народ к единству и согласию. Особой откровенностью и остротой поэтического слова отличились сборники стихов «Үшүк» («Холода») Майрамкан Абылкасымовой, «Күндөгү так» («Метка на солнце»), «Асман сыз жылдар» («Звезды без неба») Анатая Омурканова, «Ашу-утөр» («Перевал»). Вышли в свет двухтомник стихов Рамиса Рыскулова, поэтические сборники «Мелодия в сумерках» Сагын Акматбековой, «Автопортрет» Эрниса Турсунова. Вместе с вечными темами о любви, жизни, смерти в них были ярко отражены проблемы, пришедшие с наступлением эры независимости. К примеру, поэты с большой открытостью заговорили о президентах, изменивших справедливости, о проблемах в политической и нравственной жизни народа. Можно наблюдать расцвет гражданской лирики, посвященной родному языку, Отчизне, национальным проблемам. Вслед за старшим поколением поэтов в поэтических произведениях усилилась гражданская позиция талантливых поэтов среднего поколения. К ним можно отнести «Кентавр» Карбаласа Бакирова, «Сагыныч» («Тоска») Бактыгуль Чотуровой, «Ветер в сердце», «Эсимде» («Помню») Фатимы Абдаловой, «Стоянка сердца» Кожогелди Култегина и другие.

Радует то, что, несмотря на трудное социально-экономическое и политическое положение страны, в литературу пришли молодые силы, выдвинувшие на первый план духовный мир человека. Серьезность, открытость, гражданский пафос, лиричность и другие качества, присущие не только творчеству поэтов старшего и среднего поколений, но и младшего, свидетельствуют о том, что у кыргызской литературы есть будущее. Особенно оправдывают надежды молодые поэты Аида Эгембердиева, Афина Карбаласова, Мирлан Самыйкожо, Элдар Аттокуров, Алтынбек Исмаилов, Элмира Ажыканова, Элмира Тезекбаева и другие, которые посвятили себя творческим по-

искал и делают попытки внести свой вклад в развитие литературы.

То, что Чингиз Айтматов при жизни создал «Литературный фонд Айтматова» для поддержки молодых талантов, проводил для них мастер-классы, публиковал в сборниках «Дебют-2006», «Дебют-2008» произведения одаренных молодых поэтов, говорит о том, что в годы независимости кыргызская литература не застыла в неподвижности, а пусть понемногу, но продолжает свое развитие.

В заключение хочется сказать о детской литературе страны, создаваемой в годы независимости. В первые годы детская литература подверглась мощному кризису. Тираж детского журнала «Байчечекей» намного уменьшился, журнал «Кырчын» перестал существовать, оставшись без финансирования из-за экономического кризиса. Перестали создаваться произведения для детей, если и писались – появилась опасность, что не будут опубликованы. Однако, слава богу, эта угроза прошла, и потихоньку кыргызская детская литература стала оживать. Прежде всего писатели начали выпускать свои произведения для детей на собственные средства. К примеру, следует поддержать эту инициативу Эсенгула Ибраева, Абзия Кыдырова, Сулаймана Рысбаева. Также в последние годы типографское дело начало потихоньку становиться на ноги, что оказало поддержку в деле публикации детских книжек писателей и народных сказок. Издательства «Турар» и «Бийиктик» выпустили книжку «Кыргыз эл жомогу» («Кыргызские народные сказки») и другие. Для малышей радостным событием стал выпуск сокращенных, адаптированных для детей, кыргызских народных эпосов, поэм, народных сказок, а также десяти богато иллюстрированных книжек серии «Кыргызские сказки». Детскому журналу «Байчечекей» правительство оказало денежную помощь, что позволило упорядочить его выпуск.

То, что в годы независимости литературный процесс не был остановлен, несмотря на трудное экономическое положение, подтверждают приведенные выше примеры. В настоящее время выпуск произведений писателей представляет особую трудность. В советское время при выходе в свет книг писательский труд достойно оплачивался, ныне, когда государство отвернулось от этого долга, наоборот, авторы сами платят за выпуск своих книг, сами и продают. Это, конечно, достаточно хлопотное и затруднительное дело для писателей. И все же

таланты, вышедшие из народа, следуют велению своего сердца и плодотворно трудятся, и это радостное явление.

Журнал «Ала-Тоо», который в первые годы независимости перестал выходить из-за экономического кризиса, благодаря финансовой поддержке Тилека Мураталиева, директора издательства «Турар», высоко ценящего творчество, начал выходить снова под названием «Жаңы Ала-Тоо», и теперь писатели получили возможность печатать в нем свои произведения.

В советский период Союз писателей был могущественной организацией, который финансировался государством. Книги писателей печатались по предложению этой организации. Этот орган существует и ныне, однако со стороны правительства финансово малообеспечен, и все же писательский союз продолжает существовать как профессиональное объединение. Однако, по правде говоря, он не имеет того авторитета, который был у него в советское время.

Кратко об авторах

БОНДАРЕНКО Олег

Прозаик, публицист. Родом с Украины. Родился в 1960 году, окончил университет в Донецке, возглавлял банк на Южных Курилах. В 1992-м переехал в Бишкек, был журналистом, работал в сфере частного бизнеса. В 2008 году разработал и запустил проект многоязычной онлайн-библиотеки www.literatura.kg, который ведет и по сей день. Параллельно с 2010-го – исполнительный директор Ассоциации издателей и книгораспространителей.

Член Союза писателей КР. Автор сборников художественных произведений «Одни», «Звезды и призраки», а также ряда философских работ. Имеет публикации в литературных журналах «Дружба народов», «Новая литература», «Всесвіт», «Топос», «Литературный Кыргызстан», «Простор», «Нёман» и др. Переводы на зарубежные языки.

БУРЖУБАЕВА Дария

Родилась в 1952 году в селе Боконбаево Тонского района. Среднюю школу окончила в селе Кочкор и поступила в КГУ им. 50-летия СССР на филологический факультет. После окончания университета работала научным редактором в Главной редакции КСЭ, а после годичной научно-педагогической стажировки в МГУ им. М. Ломоносова занялась вузовской педагогической деятельностью. Работала в БГУ им. К. Карасаева, Международном университете «Ала-Тоо-Ататюрк», ныне доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы КНУ им. Ж. Баласагына. Помимо преподавания в вузе, занимается научной, переводческой и редакторской деятельностью. Автор учебно-методических пособий по зарубежной литературе, литературе Центральной Азии, ряда научных статей по проблемам развития кыргызской литературы. Отличник образования Кыргызской Республики.

ДЖОЛДОШБЕКОВ Талант

Родился 12 января 1962 года в городе Фрунзе. В 1981-м окончил Республиканскую школу-интернат для слепых и слабовидящих детей. В 1986 году – факультет русской филологии

КГУ. С 1986 по 1990 год работал учителем истории в Орловской средней школе Таласской области. В 1990-е годы занимался частным предпринимательством. В 2000 году некоторое время работал заместителем директора радио «Восст».

В 2007 и 2008 годах давал мастер-классы в летней школе Чингиза Айтматова. Участвовал в различных проектах. Иногда пишет песни для наших эстрадных исполнителей. Занимается переводами с кыргызского на русский. В прошлом году переводил поэтическую часть книги Сагындыка Омурбаева «Великая смута». С 2011 года работает директором Кантского учебно-производственного предприятия Кыргызского общества слепых и глухих. Женат. Имеет трёх сыновей и одного внука.

Член Национального союза писателей КР. Стихи пишет с детства.

ЗЕЛИЧЕНКО Александр

Родился во Фрунзе (ныне Бишкек) в 1957 году в семье офицера милиции. Окончил Высшую школу МВД СССР (Караганда, Казахстан) и Академию МВД СССР (Москва). Начав службу в уголовном розыске, затем последовательно возглавлял городской отдел внутренних дел, уголовный розыск области, республиканскую службу по борьбе с наркобизнесом, Государственную комиссию при правительстве КР по контролю наркотиков, Главный штаб МВД КР, Департамент паспортно-визовой работы и Центр реформирования МВД Кыргызстана. Являлся советником председателя Республиканской службы по контролю наркотиков. Полковник в отставке, кандидат исторических наук.

Печатается с 1981 года. Публиковался в Кыргызстане, Казахстане, на Украине, в России, Великобритании, США, Швеции, Польше, Израиле, Сербии на русском, английском, кыргызском, казахском, сербском и польском языках.

Член Союза журналистов, Национального союза писателей Кыргызстана. Награжден двумя медалями ООН «За службу во имя мира», Государственной наградой Кыргызской Республики, медалью «Эрдик» («Мужество»), юбилейными медалями.

Живет в Бишкеке (Кыргызстан).

КАЛМЫКОВА Вера

Литературный и театральный критик, кандидат филологических наук, член Союза писателей Москвы, главный редак-

тор издательства «Русский импульс», шеф-редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Область научных исканий — теория поэтического языка, компаративистика. Автор и редактор ряда книг, член авторских коллективов энциклопедий «Литературный словарь», «Поэтический словарь», «Русские писатели, XX век», «Лица Москвы», «Мандельштамовская энциклопедия». Критика, публицистика и поэтические произведения публикуются в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Вопросы философии», «Дружба народов», «Зинзивер», «Знамя», «Культура и время», «Литературная учёба», «Наше наследие», «Нева», «Октябрь», «Собрание», «Урал», *Toronto Slavic Quarterly* и др.

В 2004 году в Милане вышла поэтическая книга «Первый сборник», в 2010-м в Москве — книга лирики «Растревоженный воздух».

Автор «Литературного Кыргызстана».

КАМЫШЕВ Александр

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геолого-разведочный факультет Томского политехнического института. Работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. С 1992 года — эксперт в антикварно-нумизматическом салоне. В 2002-м защитил кандидатскую диссертацию по специальностям «Отечественная история» и «Археология», автор восьми книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике Кыргызстана. Выпустил сборники рассказов «Записки кладоискателя», «Нумизматы и нумизматери». Член Национального союза писателей КР.

КРЯЧУН Александр

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974 по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодеятельный художник, он неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

Выпустил книгу прозы. Живет и работает в Смоленске. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

ЛИДСКИЙ Владимир

Родился в Москве в 1957 году. Окончил ВГИК. Поэт, прозаик, драматург, историк кино. Автор романов «Русский садизм», «Избиение младенцев», «Сказки нашей крови», повестей, рассказов, сборников стихов, нескольких киноведческих книг. Лауреат Русской премии (2014 и 2016 гг.), а также премий «Вольный стрелок: Серебряная пуля» (США), Премии им. Алданова (2014 и 2015 гг., США), «Арча» (Киргизия), Премии им. Хемингуэя (Канада), драматургических конкурсов «Баден-вайлер» (Германия) и «Действующие лица», финалист «Национального бестселлера», Премии Андрея Белого, Бунинской премии, Волошинского конкурса, лонг-листер «Русского Букера», премии «НОС» и др.

Член Союза кинематографистов Кыргызской Республики.

МОРОЗОВ Александр

Дебальчанин. Автор 28 художественных и научно-популярных книг. Лауреат литературных премий им. Владимира Сосюры, Бориса Гринченко, «Свой вариант», «Серебряный стрелец», ряда региональных, республиканских и международных конкурсов и фестивалей в номинации «Поэзия». За вклад в развитие русской литературы в 2012 году награжден медалью Михаила Шолохова, в 2018-м «За успехи на литературной и культурной ниве» - медалью Евгения Замятина. Автор слов гимна Дебальцево. Член правлений Межрегионального союза писателей и Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины». Член Союза писателей России. После того как снаряды попали в его дом, переехал с семьей в Беларусь, руководит районным литобъединением «Островецкой земли голоса».

ОСМОНОВ Жолдошбай

Родился 2 апреля 1981 года в Джалал-Абаде. В 1983 году окончил факультет кыргызской филологии и журналистики Киргизского национального государственного университета имени Ж. Баласагына. Член Союза писателей КР, член Союза журналистов с 1989-го. Автор сборников рассказов «Королеваныную» («Корова от королевы»), «Мырзабалбан» («Силач Мырза»), а также художественно-публицистического сборника «Кут даарыган Жалал-Абад» («Благодатный Джалал-Абад»).

Обладатель знака «Отличник культуры КР», награжден медалью Министерства чрезвычайных ситуаций КР «За укрепление патриотизма и военного сотрудничества». Является лауреатом ряда республиканских и международных конкурсов.

САНДЛЕР Валерий

Родился в 1939 году на Украине. Подрастал и созрел в Киргизии. Четыре года работал учителем в сельской школе, в 1968-м сменил учительство на журналистику: корреспондент Киргизского радио и телевидения, сотрудник газеты «Вечерний Фрунзе» (откуда в июне 1980 года был за «политическую» опечатку изгнан с большим шумом и формулировкой «без права работы в средствах массовой информации»); с июля 1980 по декабрь 1983-го – Ботанический сад, разнорабочий; год с небольшим, после «ботанического» периода, работал в Киргизском телеграфном агентстве (КирТАГ); далее – журнал «Литературный Киргизстан», заведомом публицистики, затем – ответсекретарь .

С 1992 года в США. Почти 12 лет, до выхода на пенсию в 2004-м, – редактор отдела новостей газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Став пенсионером, внештатно сотрудничал с нью-йоркским еженедельником «В Новом Свете», где на протяжении семи лет вел рубрику «Русское зарубежье», опубликовав более 100 интервью с русскими эмигрантами первых двух волн и их потомками. Со временем эти интервью вышли отдельными книгами в американском издательстве LULU Self Publishing, в общей сложности составив четырехтомник.

В настоящее время живет в Уолд Лейке, штат Мичиган.

СУСЛОВА Светлана

Родилась в Забайкалье, с 1952 года живет в Кыргызстане. Окончила филфак Киргосуниверситета. Автор 15 оригинальных поэтических сборников и более 20 переводных. Лауреат Всесоюзной премии Ленинского комсомола, кавалер ордена Дружбы и ордена «Данакер». Заслуженный деятель культуры КР. Народный поэт Кыргызстана. Заместитель главного редактора «ЛК», ведущий специалист НЦ «Перевод» КРСУ.

ТОЛКАЧЕВА Раиса

Родилась в Казахстане, город Арысь, в 1960 году. По семейным обстоятельствам в детстве много переезжала: Ка-

захстан, Узбекистан, Урал, Поволжье, Киргизия, Таджикистан. Окончила КГУ, истфак, в городе Фрунзе (сейчас Бишкек).

Работала по специальности в школе и не по специальности на производстве. Есть несколько статей в районной газете «Весть», несколько публикаций на сайте «Центральная Азия», «Новая литература Кыргызстана». В настоящее время преподает в школе.

Автор сборника небольших рассказов и маленьких повестей.

УКУБАЕВА Лайли

Литературовед, педагог, член Национального союза писателей и Союза журналистов КР, доктор филологических наук, профессор КТУ «Манас». Заслуженный работник образования КР, академик Международной общественной айтматовской академии, лауреат Государственной премии имени К. Тыныстанова в области науки и техники, лауреат Международной премии Ч. Айтматова.

Родилась в селе Ак-Жар Кочкорского района. После окончания школы училась на филологическом факультете КГУ им. 50-летия СССР, который окончила с отличием. Работала заведующей кафедрой, деканом факультета тюркологии БГУ им. К. Карасаева, в настоящее время руководит гуманитарным факультетом КТУ «Манас».

Автор более 300 научно-публицистических статей, 13 научных, учебно-методических и публицистических трудов, посвященных вопросам кыргызской литературы, а также творчеству Ч. Айтматова.

УШАКОВА Татьяна

Родилась в тихом, уютном городке Пржевальске (ныне Каракол) в Кыргызстане. Прожила там большую часть своей жизни. Окончила школу им. Ленина и Пржевальский государственный педагогический институт по специальности «Учитель начальных классов». Несколько лет работы, а затем слепота, надолго выключившая ее из активной жизни.

Перемены произошли после переезда в Бишкек. Здесь научилась работать на компьютере, появилась возможность слушать книги и музыку, печатать вслепую. В 2015 году пригласили поработать в ОФ «Возрождение новой культуры Эр-Тоштук», где участвовала в записи аудиокниг и писала тексты

для публикаций на странице фонда. Там впервые соприкоснулась с малыми эпосами кыргызского народа. В это же время начала писать стихи. В 2017 году стихотворный пересказ эпоса «Кожожаш» был озвучен для музыкальной аудиокнижки на русском языке.

Кроме этого, в ее активе две статьи в журнале Thebest, публикации в сборнике «Мозаика-3» и на интернет-ресурсах.

ХЕГАЙ Артем

Родился в 1986 году в городе Фрунзе. Окончил Бишкекский гуманитарный университет по специальности «Журналистика». Лауреат специальной премии фестиваля «Айкол-Манас – Человек года» – «Крылатое будущее Кыргызстана» в номинации «Дебют в литературе – Проза» 2009 года. Участник мастер-класса в летней школе «Дебют IV 2008 МФА». Публиковался в сборнике «Новые писатели»/Фонд СЭИП (Москва 2014), в журнале «Литературный Кыргызстан» и альманахе «Много языков – один мир».

ЧЕРНЯК Петр

Родился в городе Фрунзе в 1955 году в спортивной семье. Окончил Фрунзенский политехнический институт по специальности «Инженер-механик-исследователь», параллельно получил физкультурное образование. Работал в оборонной промышленности до развала СССР. Спортивную карьеру начал с выигрыша республиканских юношеских соревнований по хоккею, потом последовательно занимался как спортсмен и тренер горными лыжами, фрирайдом, альпинизмом, туризмом. От спортивно-тренерской карьеры постепенно перешел к производству экстремальных TV программ и фильмов. В дальнейшем обратился к социальной тематике и мультимедийной форме. В 2002 году выпустил первый в Кыргызстане мультимедийный видеодиск к Международному году гор. Параллельно со съемками фильма «По тропе снежного барса» о Рейде Голуаз в 2003 году выпустил повесть «Артерия приключений». В XXI веке в основном работал журналистом в различных изданиях, занимался политической, социальной и коммерческой рекламой и PR.

Неизданный творческий багаж: романы, повести, рассказы и другие литературные формы.

*Корректурa Ольги Николаевой
Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терегуловой
Дизайн обложек Дмитрия Андреева*

Подписано в печать 26.12.2019 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 184